АБ1
А27



Кязым Аппаев

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

А82
А27

КИАЗЫМ АГУМАА

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

215-11 2002
9055

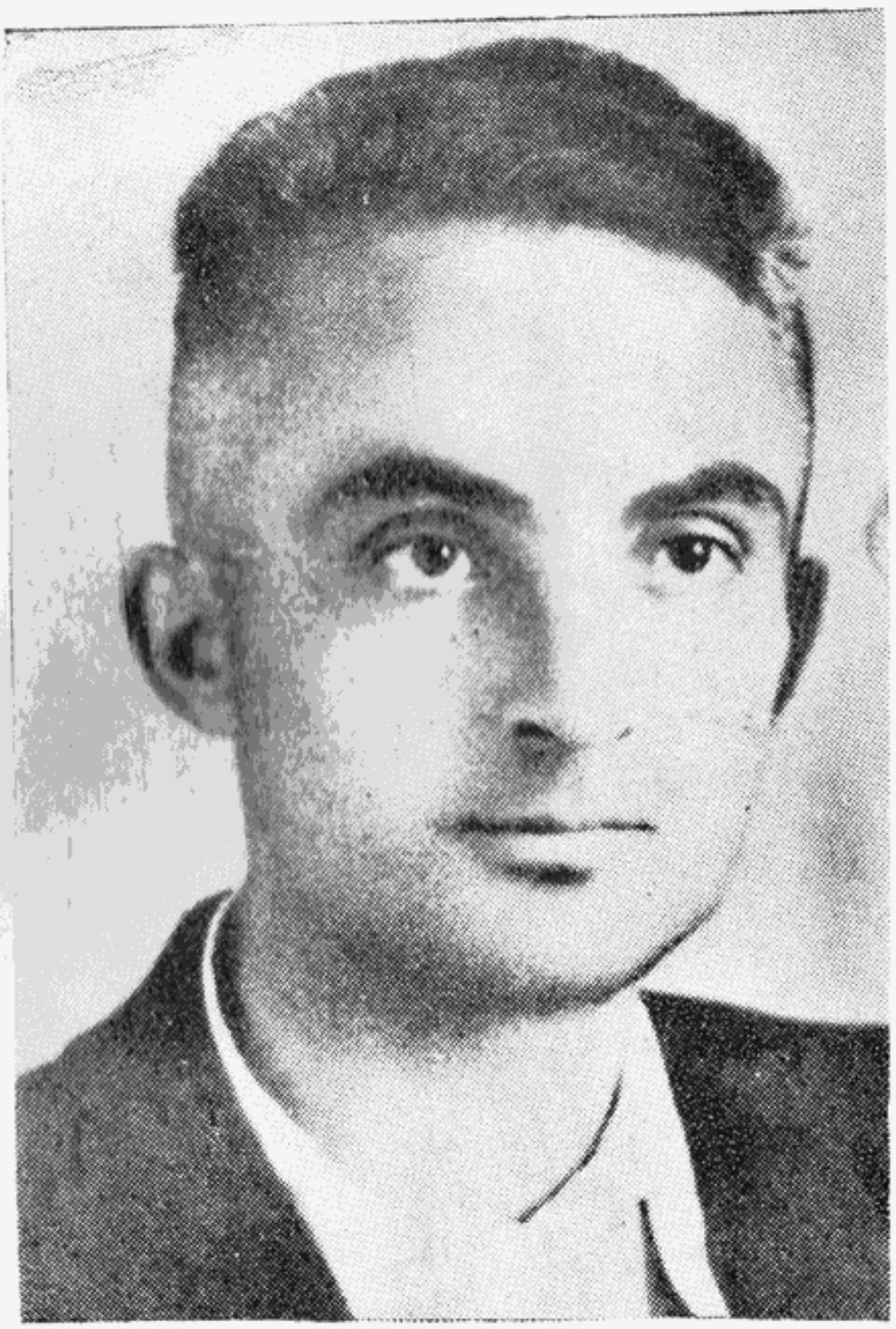


Читальный зал

АБГОСИЗДАТ
1962

С(Абх.)2
А27

ЧИТАЛЬНИЙ ЗАЛ



КИАЗЫМ АГУМАА

Более десяти лет назад ушел от нас талантливый абхазский поэт Киазым Агумаа. Казалось, мина замедленного действия взорвалась под ним. Жестокая болезнь — последствия фронтовых испытаний, — свалила его на больничную койку, с которой он уже не поднялся. Смерть стояла у изголовья поэта. Киазым Агумаа мужественно, как и положено солдату, сопротивлялся ей до конца. До последних дней он работал, читал, писал новые стихи, обдумывал главы неоконченного романа.

Мужество и нежность — два славных качества поэта и бойца — стали главными признаками его поэзии, как и всего поколения, к которому принадлежал Киазым. Люди этого поколения вынесли на своих плечах жестокие испытания Великой Отечественной войны.

С первых дней войны Киазым Агумаа на фронте. Сначала танкист, потом он сражается в доблестном партизанском отряде имени Чапаева в Брянских лесах.

Годы самых тяжелых испытаний, как это часто бывает, стали годами наиболее зрелого творчества поэта. В это время к нему приходит настоящее общенародное признание.

Киазым Агумаа начал печататься в 1934 году. Первые его стихи были посвящены борьбе за новый быт, за новую жизнь в деревне. Среди них было немало поэтических удач. Но настоящая зрелость пришла к поэту в испытаниях Отечественной войны. На стихах, написанных в эти годы, лежит отсвет грозных пожарищ городов и сел России. У партизанских костров, в перерывах между боями он вспоминает свою далекую родину — Абхазию. Может быть, в один из таких часов поэт написал свое трогательное «Письмо в Апсны»:

Ты далеко, но как вчера
Волны морской я помню плеск,
Мимоз дыханье по утрам
И золотого солнца блеск.

Там каждый дом — среди садов,
В цветах он утопает весь.
И через семь крутых хребтов
Туда летит пастушья песнь.

Ты далеко, и только сны
Напоминают отчий кров,
Но я вернусь к тебе, Апсны,
Из Брянских сумрачных лесов.

Пролить не жаль мне кровь свою,
Рука в бою не задрожит.
Я клятву Родине даю,
Что и пред смертью крикну:

«Жизнь»..

А каким искренним, взволнованным чувством согрета его любовная лирика в эти годы. Все стихи можно назвать письмами к любимой. В них трогательная нежность, тревога, надежда, в них верность любимой и верность Родине. В этих стихах есть все, чем жили миллионы солдат, защищавших нашу Родину.

Стихи Киазыма Агумаа естественно дополняются его прозой, она как бы служит продолжением его поэзии. Лучшие рассказы поэта посвящены той же героической борьбе нашего народа с фашистами. Характерные черты его прозы: динамичность, острый сюжет, ярко выраженная связь с абхазским фольклором.

В этой книге впервые более или менее полно представлены на русском языке лучшие прозаические произведения Киазыма Агумаа.

Фазиль Искандер.

РАССКАЗЫ

★

ЧИЧИКО

I

В детстве моя бабушка часто рассказывала мне о старине. Фантазия и быль переплетались в этих рассказах. Сказания о подвигах нарта Сасрыквы нравились мне больше всего. Сердце замирало от радости, тревоги, непонятной гордости, и я думал: «Сделай я что-нибудь подобное — как боялись бы меня соседские мальчишки!»

Было лето. Зной висел в неподвижном воздухе, и черепахи, вытянув голые шеи, вылезали из воды на солнечный пригрек.

Летом всегда я ходил босиком, и раскаленные камни приятно обжигали подошвы.

— Обуйся, нан, — уговаривала мать. — Сейчас везде полно змей, не случилось бы беды.

Мама часто спорила с бабушкой из-за меня, но отец всегда становился на сторону бабушки, и к словам матери я не очень прислушивался.

Мама говорила:

— Случится с тобой беда — беги домой как можно скорее.

А бабушка наказывала:

— Чичико, нан, когда беда от тебя далеко, убегай, спасайся. Когда же ее нельзя уже избежать — борись с ней!

Споры эти происходили часто. Отец обычно молчал, посмеивался. Порой старался примирить женщин:

— Хватит уже! Ребенок не балованный, смирный, с какой стати вы к нему привязались?

Кончался учебный год, и на последном уроке учитель сказал нам:

— Лето длинное. Целых три месяца будете вы отдыхать. Бродите по лесу, слушайте пенье птиц, наблюдай-

те за жизнью насекомых. Все, что увидите — запишите и осенью принесите в школу.

Хлопнули последний раз крышки парт, и начались долгожданные каникулы.

Я радовался больше всех, потому что отец давно обещал повезти меня в Сухуми, если я хорошо кончу 4-й класс. Хотя мне было уже 13 лет, я не бывал там ни разу. Еще обиднее было мне это потому, что сосед мой, на целых два года моложе меня, был в Сухуми уже не раз, видел там обезьян, машины, пароход, море... И чего только он там не видел!

II

Скрипели нагруженные арбы. Соседи запрягали буйволов, собираясь в Сухуми продавать кукурузу. Отец ехал с ними. Я тоже готовился в дорогу: выкупался, оделся во все новое. Вынул ножик, провел им несколько раз по точильному камню. Взял коробок спичек, повертел его в руках, положил в карман — пригодятся в дороге.

Уже начинало темнеть, когда арбы завели свою заунывную песню, и мы тронулись в путь.

Я лежал на арбе и смотрел в небо. Покрикивал отец, погоняя буйволов длинной хворостиной. Плыла по небу полная луна. Слипались глаза, и сквозь ресницы слабо мерцали голубоватые звезды.

— Папа, — повернулся я к отцу. — Когда смотришь на луну, она кажется такой маленькой. А ведь она большая-большая... Больше земли...

— Кто это тебе сказал! — говорит отец, и голос его сердит. — Пусть бог простит тебе твое неведение... Наша земля в сто раз больше этой маленькой луны.

Прозрачные облака то закрывали луну, то растворялись в темной глубине неба, и луна опять сияла над нами. Опять заговорил отец, указывая на небо:

— Видишь, дад, как быстро летит по небу луна. Если бы она была такой большой, как наша земля, разве могла бы она так быстро двигаться?

— Я скажу тебе, папа, почему тебе кажется, что луна движется по небу, — обрадованно перебил я его. — Это облака быстро летят по небу навстречу ей. Помнишь,

что ты говорил, когда в прошлом году тебя вдруг понес наш Серый? «Конь летел, как молния, — говорил ты, — а мне казалось, что деревья, дома — все неудержимо мчится мне навстречу».

Отец, наверно, обиделся, но ничего не сказал и отвернулся.

Долго мы молчали. Лунное сияние заливало все вокруг холодным голубоватым блеском. Мы углубились в лес. Нигде не было видно никакого жилья. Слышно было только, как трещали арбы, тащившиеся позади нас. Мне стало совсем скучно, и я отпросился у отца на последнюю арбу. Хозяин ее сладко спал, и буйволы шли сами.

Я шел пешком, чтобы размять онемевшие ноги. Вдруг два пучка света вырвались из мрака, и что-то большое со свистом и грохотом промчалось мимо меня. Что это? Быстро перебрал я в уме всех известных мне зверей. Шакал? Волк? Медведь? Нет, непохоже. В это же мгновение чудовище остановилось позади нас. Из него вышли двое людей, и я понял, что это — машина, о которой часто рассказывал мне отец.

Я расхрабрился и подошел ближе.

Один из людей полез под машину и стал там что-то делать. Другой молча стоял над ним. Меня они в темноте не видели.

— Оказывается, и машина, подобно арбе, не может ходить, пока не подмажешь колеса мылом, — догадался я. Долго я стоял и смотрел на это чудо. А арбы тем временем уехали далеко.

Пока стояла машина, пока слышал я человеческую речь, страшно мне не было.

Но вот метнулся по лесу сноп огня, машина зарычала, двинулась и быстро исчезла в непроглядной тьме. Я остался один на лесной дорожке. Только сейчас дошел до меня весь ужас случившегося. Куда пойти? Руки в темноте натыкались на колючие ветки и острые сучки. Крикнул раз, другой. Ответа нет. Я бросился догонять арбы.

Вдруг впереди на дороге мелькнула длинная тень. Волк! Холодный озноб пробежал под рубахой. И я вспомнил вдруг слова бабушки. «Когда беда рядом — борись!» Вот и беда. Вот она рядом. Что же делать? Я забыл про нож в кармане. Да он и не помог бы мне.

Один за другим выскочили на дорогу еще несколько волков. (Потом я посчитал — их было шесть). Единственной надеждой было маленькое почти голое деревцо невдалеке. Я бросился к нему. Вот ухватился с ходу за ветку, подтянулся — волки оказались уже под моими ногами. Я еле успел вскарабкаться.

Не помню, как долез я до вершины. Волки, повизгивая, голодными глазами смотрели на меня снизу.

Прошло много времени. Глаза мои стали смыкаться. Чтобы не заснуть, я перебирался с ветки на ветку. Ярко светила луна. Я видел скуливших от голода волков, облезлых и худых. Часто глядел я на дорогу, но все было напрасно. Гнетущая тишина стояла кругом.

Я старался испугать волков: бросал в них сухие ветки, свистел, замахивался шапкой, но напугать их было не так-то легко. Вдруг вспомнил я одну бабушкину сказку, где говорилось, что звери боятся огня. Я зажег спичку, бросил ее вниз. Волки в испуге отбежали. Я обрадовался и стал бросать спичку за спичкой.

Пока спички горели, волки не подходили к дереву... «Что делать? Как зажечь костер?» — думал я, и тут вспомнил, что в кармане у меня комок бумаги. Я зажег его и бросил вниз. От яркого огня волки разбежались. Я немного подождал. Они не возвращались. Тогда осторожно начал я спускаться. Долго стоял под деревом, прислушиваясь к тишине. Когда понял, что волков близко нет, зажег сухой кустарник. Поднялось высокое пламя. «Ну, теперь-то они наверняка не вернутся», — думал я, оглядываясь по сторонам. Но не тут-то было! Они гурьбой выскочили с другой стороны и рысцой потянулись ко мне. Пришлось спешно снова лезть на дерево.

Я уже не так боялся волков: во-первых, как-то привык к ним, а во-вторых, теперь рядом горел кустарник, и он мог привлечь внимание людей.

Близился рассвет. Свет луны становился бледнее, и вокруг еще больше стемнело. Кустарник внизу догорал. Но страх мой почти совсем прошел. Один из волков вдруг побежал, остальные кинулись за ним, обнюхивая его на ходу. Вся стая быстро скрылась из виду. Но я решился слезть с дерева лишь на рассвете.

Дорога была рядом. Я брел, позевывая и вздрагивая от утреннего холода. Вдруг из-за поворота появилась,

блестя глазами, машина. Она остановилась около меня. Из нее торопливо вылез бледный отец.

Я, наверно, не так испугался при встрече с волками, как теперь. Он сильно сжал мое плечо, встряхнул меня.

— Где ты пропадал? — крикнул он, и я услышал, что голос его дрожит.

Постеснялся ли он сидевших в машине людей, пожалел ли меня — кто знает? Но только больше он ничего не сказал и посадил меня в машину.

Через полчаса мы догнали арбы.

III

После этого случая мать никуда уже меня не отпускала. А мне было очень обидно.

Как-то вскоре после этого зашел к нам мой учитель. Бабушка не удержалась и рассказала про дела мои, которые казались ей прямо-таки подвигом. А я перепугался. Ну, думаю, сейчас попадет мне от учителя. Но тут услышал:

— Молодец, Чичико! Трусливого мальчика волки обязательно загрызли бы.

Я был счастлив.

Но дальше учитель начал говорить еще более интересные вещи. Оказывается, из нашей школы пять лучших учеников отправляют отдыхать в пионерский лагерь. Меня тоже причислили к лучшим...

— И я поеду! — подпрыгнул я от радости.

— Постой! Говорит старший — не перебивай его! — остановили меня родители.

Я покраснел, растерялся. Но дальше удержать рот закрытым стало еще труднее. Учитель рассказывал, что поедем морем, на пароходе!

— Чтоб его напасти на вас, зачем вы его дома держите, — посмотрела на моих родителей бабушка. — Пусть едет туда же, куда его товарищи! Многое увидит, услышит.

— Если хочет, пусть едет, кто его удерживает, — возразил отец.

Мать молчала. Ее мне было жаль больше всех. Я подошел, крепко обнял ее за шею. Она еле удерживала слезы.

— Умеешь плавать, Чичико? — спросил учитель.

— Плавает, как рыба.

— Никому не уступит.

— Долгих лет ему жизни, умный он у нас, воспитанный, — начали хвалить меня родители.

— Вот и хорошо. Будет там купаться, загорать. Вернется здоровый, крепкий — не узнаете.

* * *

Пионеров было сто человек.

Пароход уже стоял у пристани, и мы ждали только сигнала, чтобы кинуться к лестнице на посадку. Раздался гудок. Толкаясь, крича, падая на четвереньки, лезли мы на пароход, и когда потные, взлохмаченные, оказались, наконец, на палубе, учитель сказал, с трудом сдерживая гнев, что если так пойдет дальше, то многих придется вернуть домой. Мы испугались и затихли.

Было жарко. В коротких штанишках, в рубашке с короткими рукавами стоял я на палубе и смотрел на город. Медленно уплывали назад белые дома, прилепившиеся к горе, ряд деревьев вдоль моря. А где-то рядом со мной слышалось назойливое бормотанье:

— Здесь мое место, оставь в покое.

— Встань, а то хуже будет.

— Иди куда хочешь... Не тяни меня, не тяни — упаду!

Я услышал крик и почти сразу же всплеск. Один из спорщиков уже барахтался в море. Он молчал — наверно, от страха — и то погружался с головой, то выныривал опять. Другой же мальчик сначала дико заорал, а потом спрятался где-то среди остальных ребят. Все произошло быстро, мало кто даже успел заметить это. Раздумывать было некогда. Кое-как сбросил я ботинки, рубашку и прыгнул за борт. Сквозь мокрые спутанные волосы мальчик глянул на меня почти безумными глазами и схватился за мою шею.

В первый же момент мы оба ушли под воду. Потом мне удалось вынырнуть, и я кое-как приподнял его, чтобы дать передохнуть. (Сам я мог долго быть под водой). Но он все крепче стискивал мне шею, и я почувствовал, что задыхаюсь. Кое-как отдирал я его от себя и плыл, работая одними ногами. Но нас уже заметили.

Я успел увидеть, как бросился в воду наш учитель, за ним — два матроса. А дальше у меня поплыли перед глазами зеленые и красные круги.

Потом, как сквозь туман, видел я чьи-то загорелые сильные руки, поддерживающие меня, борт корабля и, наконец, палубу, испуганные глаза ребят.

Испуг мой быстро сменился хвастливой гордостью,— ведь я опять был героем дня. Даже капитан спустился к нам, чтобы посмотреть на меня!

* * *

Качалось за бортом море. Тяжело и глухо плескались волны. Белая пена летела за пароходом и таяла в темной, бутылочного цвета воде.

Мы сидели вокруг капитана, слушали его рассказ.

— Было это во время гражданской войны. Мы шли из Одессы в Сочи. Судно наше было небольшое, а ветер 6—7 баллов.

И вот в 4—5 верстах от Севастополя заметили мы в море какое-то черное пятно. Оно приближалось к нам, то появлялось на поверхности, то вновь исчезая в высоких волнах, и даже в бинокль нельзя было разобрать, что это такое. Пока мы гадали, что же это, раздался крик одного из матросов: «Да это лодка!»

Это и правда была лодка.

— Может быть, какого-нибудь рыбака унесло в море, — подумал я и, повернув судно, пошел ей навстречу.

Буря бросала лодку, как игрушку. И вдруг мы заметили за бортом бутылку. Вытащили ее и обнаружили внутри свернутую в трубку записку:

«Севастополь в наших руках. Врангель отброшен к югу. Ждем помощи Красной армии».

— Верно, и лодка оттуда, — решили мы. На судне все было приведено в боевую готовность. Подошли к лодке и увидели в ней мальчика лет пятнадцати, с трудом удерживавшего весла в руках.

Его втащили на палубу, от усталости он валился с ног и не в состоянии был говорить. С трудом раскрывая запекшиеся губы и вздрагивая всем телом, мальчик повторял: «Не ходите туда, не надо туда ходить...»

Через несколько минут он потерял сознание. Его привели в чувство, накормили, напоили. Идти на Севасто-

поль я пока не решался. И оказался прав. Когда мальчик был в состоянии говорить, он рассказал, что в Севастополе вовсе не большевики, а английские военные корабли. Англичане-то и подбросили бутылку с запиской, чтобы заманить в ловушку наше судно.

Сначала вышел на лодке отец мальчика, чтобы предупредить нас. Но англичане заметили его и застрелили. И тогда мальчик, помертвевший от горя и страха, все-таки нашел в себе силы вытолкнуть в море другую лодку и отправился на ней, чтобы перехватить наше судно и предупредить об опасности.

Когда он заметил нас, силы его уже иссякли, и лодку только чудом не перевернуло...

Долго сидели мы молча. Каждый мысленно пережил горе и ужас мальчика, потерявшего отца; неожиданно охватившую его решимость все-таки выполнить то, что не успел сделать отец; его одинокую борьбу с морем, страх смерти и невероятное упорство в стремлении все-таки спасти людей, плывущих прямо в лапы к жестокому врагу...

— Чичико, а ты мог бы это сделать? — спросил вдруг один из ребят.

— Ого! А сегодня, когда он Хухута вытащил — это что, по-твоему? Это еще почище! — закричал другой.

— Что ты, друг! Разве можно сравнивать?

Подошла к нам наша вожатая, послушала.

А тут уж припомнили и мою встречу с волками. Одни кричали, что это такое же геройство, как у мальчика в бушующем море, другие до хрипоты возражали. Я молчал. Вмешиваться мне было неудобно.

Наконец все кинулись к вожатой, чтобы она разрешила спор.

— Конечно, Чичико молодец, что и говорить. Он не спал всю ночь на дереве, а снизу на него посматривали голодные волки. Но ведь это совсем другое дело, ребята. Он все-таки спасал только свою личную жизнь. А тот боролся с бушующим морем, рисковал жизнью ради многих людей, ради родины, революции, в конце концов. Ведь он помог революции, спасая судно от плена!

И все согласились, что подвиги бывают разные. За одни можно просто похвалить, а другие достойны славы. Решили, что даже спасти одного человека — это не то, что спасти целое судно с людьми, которые смогли и

дальше бороться за революцию, а иначе погибли бы все в руках англичан.

Мне было немного обидно, но я смолчал.

Протяжно заревел гудок парохода. Мы подходили к гагринской пристани. В Гагра и был наш лагерь. Путешествие кончалось.

* * *

Я думаю, трудно найти уголок красивее этого города. С годами я еще больше в это уверовал.

Белые домики выступают из зелени..., а вот и розовые, голубоватые будто карабкаются по высокой горе, придвинувшей городок к самому морю. И море с тихим шумом набегает на берег, и шум этот слышится день и ночь, наполняя город неповторимой музыкой прибоя.

А запах магнолий и олеандров! А серебристые ивы над прудами! Они, стесняясь, как абхазская невеста, прячут свои лица за сквозными зелеными косынками...

Мы прошли весь город от начала до конца. Радости моей не было границ. Сколько нового увидел я сразу!

Вот уж будет что рассказать товарищам, как вернусь домой.

* * *

На пароходе подружился я с одним мальчиком. Мы не отходили друг от друга. Что мне нравилось в нем? Был он сильный, ловкий, бегал быстрее всех, а, кроме того, перешел уже в 6-й класс.

В дружбе нашей он был старшим. И в игре, и в разговоре он всегда давал мне понять, что первенство всегда и во всем остается за ним.

Однажды отправились мы с ним в лес за земляникой. Долго бродили, пробираясь сквозь кустарники, перебегая с холма на холм. Мы валялись по траве, излазили все деревья. И хотя время шло к обеду, мы решили, не возвращаясь в лагерь, пойти на море.

Вот сквозь деревья замелькали какие-то тени — фигуры людей, кони. Мы оказались на поляне, где шло учение солдат. Одни стреляли по мишеням — лежа, стоя, с колена; другие лихо мчались на конях, саблями со свистом срезая на ходу прутья.

— Вот жизнь! Чего им еще нужно? — позавидовал мой приятель. — Катайся сколько хочешь на лошадях, стреляй, сколько угодно... Был бы я большой, — ушел бы в Красную Армию и родителей спрашиваться не стал бы.

— И я тоже! — вздохнул я.

Прошли мы несколько шагов и увидели маленький родник. Холодный, серебристый, он прятался в прохладной темноте густой зелени. Пахло от него влажной свежестью и хвоей. Мы нагнулись; подкатив рукава, умылись и напились. Потом сели на берегу. Не хотелось уходить из этого тихого места.

Вдруг прямо перед нами со скользкого камня упала в воду маленькая серая змейка. Мы быстро вскочили, палками выудили змейку, стали ее разглядывать. И тут совсем рядом послышалось тихое, но грозное шипение: ш-ш-ши... Быстро оглянулись мы назад, оглядели все вокруг. Ничего не было видно.

И снова раздалось непонятное шипение. Мы не понимали, в чем дело. Какой это мог быть зверь?

— Ты не понял, откуда идет этот голос, Тархана? — спросил я дрожащим голосом. Тархана молча смотрел на камень, с которого упала в воду маленькая змейка.

— Ты знаешь, Чичико, что мы натворили, — спросил он меня, вдруг побледнев. — Это змея шипит. Наверно, из-за этой маленькой змейки.

— Ну-ка, где она? — я быстро нагнулся и поднял камень. Но напрасно я храбрился. Сердце мое бешено билось. Мы оба слышали рассказы о том, как змеи мстят за своих детенышей. Что делать? Побежать — невидимая змея погонится за нами. Остаться — тоже опасно.

— Знаешь, что сделаем, — сказал Тархана (почему-то мы заговорили шопотом): — ты будь готов бежать— я сейчас палкой сброшу змееныша в воду, и сразу кинемся отсюда. Если змея не бешеная, то не оставит своего сына в беде.

— Откуда ты знаешь, что это сын, а не дочь? — пытался я шутить, а сам весь дрожал. Я боялся, что вот-вот неведомо откуда выскочит змея и обовьется вокруг моей шеи.

Только-только потянулся Тархана палкой к маленькой змейке, как из кустарника, шипя, выползла на плоский камень блестящая серая змея.

— Чичико, не бойся! — Тархана схватил меня за

рукав. Змея, извиваясь, доползла до середины камня, остановилась и уставилась на нас маленькими злыми глазками. Я оцепенел.

— Осторожней, Чичико, она может броситься!

— Мы пропали... — прошептал я и сжал в руке камень, готовясь бросить его в змею. К несчастью нашему, маленькая змейка стала вдруг извиваться. Большая змея все выше поднимала голову, играла тонким раздвоенным язычком, собираясь прыгнуть. Тархана получше перехватил палку.

Вдруг, неожиданно для самого себя, я со всей силы бросил в змею свой камень. Подобно молнии подпрыгнула змея и со всего размаху грянулась о берег. Секунда — и она бросится на нас. Тархана с силой стукнул змею палкой и прижал ее к земле. Тут же я камнем сплющил ей голову.

Она еще била хвостом по земле. Судорожно свивалась в кольцо, вытягивала свой язычок, но нам она была уже не опасна.

Мы перевели дух.

— Не ожидал я, что мы так быстро от нее отделаемся!

— Я тоже, Тархана!

Мы подняли змею палкой и пошли, держа ее на весу. В этот момент из кустов вышел человек. Он приближался к нам.

— Видишь, как надета на нем папаха — блином, — засмеялся Тархана. И я был удивлен. У нас папахи носили совсем по другому.

Человек подошел к нам, спросил:

— Вы откуда?

— Собирали землянику.

— А я лошадь ищу, вы не встречали?

— Какая лошадь? — спросил Тархана.

— Гнедая.

Я молча слушал их и рассматривал белые мягкие ладони незнакомца.

Послышались выстрелы.

— Это где? — незнакомец начал пугливо озираться по сторонам

— Здесь недалеко воинская часть стоит

— Вот как?.. А какая же это деревня?

Почему-то мы, не сговариваясь, решили притвориться, что мы здешние.

— Алахадзихь «инжировый источник» — выпалил я первое пришедшее на ум название.

— Так, значит, не видели вы лошади?

Незнакомец повернулся и пошел обратно. Мы молча смотрели ему вслед.

— Это плохой человек, Чичико, — проговорил Тархана.

— Пойдем, расспросим, откуда он?

— Нет, не надо. Лучше ты иди за ним потихоньку, чтобы он не заметил, а я побегу на всякий случай в воинскую часть, расскажу им.

Тархана убежал.

Я, прячась, стал следить за незнакомцем. Вдруг он оглянулся и заметил меня — я не успел спрятаться.

— Ты куда? — он резко повернулся и пошел ко мне.

— За земляникой...

— Где твой друг?

— Коров домой погнал.

— Ах, вот она, лошадь, чтоб ее собаки съели! — и незнакомец кинулся бежать. Я бросился за ним. Он несколько раз оглядывался, но, не говоря ни слова, продолжал бежать. Я отставал. Было ясно, что через несколько минут он исчезнет в густом лесу. Что делать? Я окликнул его. Он сразу же остановился.

— Не надо туда ходить, там колючки, не пройдете. Вы по этой дороге идите, — я показал на большую проезжую дорогу.

— Ах, чтоб ее волки съели, проклятую, — пробормотал он и несколько мгновений постоял в раздумьи. И тут из-за поворота вышли солдаты. Неизвестный метнулся в кусты, выхватил револьвер. Началась перестрелка. Я упал в траву и ничего не видел до того момента, как все уже было кончено, и раненого незнакомца уводили под конвоем.

Мы с Тарханой помчались в лагерь. Как хотелось похвастаться перед ребятами, но мы удержались до вечера, только переглядывались и значительно подмигивали друг другу.

А вечером в наш лагерь неожиданно приехал начальник воинской части, и всем все стало известно.

Оказывается, это действительно был шпион. Он был переброшен к нам и долго пробирался по намеченному курсу, но в лесу отклонился на километр в сторону. Тут мы и наткнулись на него.

...Маленький фотоаппарат, который подарил мне тогда командир части, до сих пор хранится у меня.

* * *

Вот и кончилось лето. Снова я бежал в школу, но уже не был похож на прежнего Чичико.

Мои «подвиги» так вскружили мне голову, что теперь, приходя из школы, я ничего не делал по дому.

Да никто и не заставлял теперь меня работать.

Наспех выучивал я уроки и целый день бегал по проселочным дорогам.

— Чичико, пойди во двор, принеси топор домой, — говорил иногда отец.

— А ты чем занят? — грубо отвечал я.

— Чичико, загони телят.

— Мне сейчас некогда, — и я демонстративно растягивался на софе.

Да и читать я стал меньше. Книги мои уже начали покрываться пылью.

Если отец говорил мне обидное слово, я неделю не забывал об этом. Тогда мать начинала ласкать меня, а бабушка ругала отца.

В школе все ребята боялись меня, потому что я то и дело пускал в ход кулаки. Учителя и вожатая, которые раньше так хвалили меня, теперь, встретив отца, жаловались на меня. Отец от стыда переминался с ноги на ногу и молчал, не зная, что сказать.

А я ходил угрюмый, нахмуренный, будто все на свете было не по мне. От товарищей я все больше отдалялся, считая себя выше их.

Шел я как-то в школу и на берегу реки увидел соседскую лошадь. Она паслась, стреноженная. Ни минуты не колеблясь, я развязал ее путы, сделал из них уздечку, уселся на лошадь и гонял ее, бедную, с утра до полудня. Когда я, наконец, отпустил ее, всю в мыле, и отправлялся уже восвояси, подбежал ее хозяин. Еле-еле успел я убежать от него. После этого так поругался он с моим от-

цом, что, как говорят у нас в Абхазии, если один из них умрет, другой не придет его оплакивать.

Два дня не приходил я домой. Отец, проклиная себя, разыскивал меня по всем окрестностям, мать от горя исцарапала себе щеки, а бедная бабушка, думая, что со мной приключилось несчастье, слегла в постель.

Сердце отца не выдержало, и он впервые жестоко избил меня.

Я рыдал весь день, никого к себе не подпуская. Когда чуть стемнело, я взял свой нож и отцовский топорик и ушел из дому, твердо решив не возвращаться туда никогда.

Ночь была темная. Шел мелкий дождь, и луны совсем не видно было на небосводе. Окунаясь в непроглядную темноту, с трудом нащупывая под ногой тропинку, брел я вперед, сам не зная куда. Захотелось отдохнуть. Но где? Вблизи не видно ни одного строения. Прошел еще немного и наткнулся вдруг, как в сказке, на заброшенную мельницу. Дверь ее была открыта. На полу—сор по колено, жернова покрыты слоем пыли, на стенах—сети паутины. Сломанная деревянная кровать стояла в углу. Я присел на нее и задумался.

Давно ли все было по-другому? Родители не могли насмотреться на меня. Все счастье мира готовы были отдать они мне. Ногу ушибу — неделю не забывают, ухаживают за мной, как за младенцем. Отец поругает меня иногда, так бабушка и мама утешают нежно, целуют, гладят по голове. Да и отец, когда проходил его гнев, улыбаясь, подсаживался ко мне: «Извини, Чичико, мальчик мой. Не будем ссориться».

А теперь? Что с тихой, нежной моей мамой? А бабушка! — может, она умерла уже с горя? А отец, может быть, гонится сейчас за мной с ножом?

Кто теперь расскажет мне старинные наши сказки, сладостные, как абхазские ночи?

И учителя, раньше только обо мне и говорившие, называвшие меня «Чичико-герой», теперь быстро забудут обо мне...

Так рисовал я в своем воображении горестные картины и, настроясь на печальный лад, уже сознательно растравлял себя: «жил бы себе спокойно, как раньше».— Мне стало совсем жалко себя и я заплакал. Так, в слезах, я и заснул.

Когда проснулся, солнце уже поднялось на высоту дерева. Быстро вскочил я и пошел своей дорогой. А куда она вела, моя дорога?..

Я умирал от голода. Пройдя версты две, увидел я торговцев арбузами и дынями, сидевших прямо на обочине проезжей дороги. Я протянул им свой топорик и попросил взамен одну дыню.

Но они меня прогнали, обругав.

— Если увидит хозяин, у которого ты его украл, то что он нам скажет? — и продáвец захохотал.

Пришлось идти дальше. Я все больше слабел. Подкашивались колени, сильно билось сердце. Холодный пот выступил на лбу. Несколько раз потуже затягивал пояс, но и это уже не помогало.

— Эх, вот бы сейчас очутиться у маминого шкафа с едой, — мечтал я. Мне казалось, что все встречные глядят на меня, зная, что я умираю от голода.

Так дошел я до Очамчирского базара. Там было многолюдно. На прилавках полно фруктов, мяса, кукурузы, муки. Бойко идет купля-продажа. На разные голоса кричат продавцы, и медленно пробираются вдоль рядов осторожные покупатели.

Есть и люди вроде меня, засунув руки в карманы, стоят они посреди базара и озираются по сторонам, так же, как и я, глотая слюни.

С топориком на плече, хожу я по базару. Неожиданно подходит ко мне один молодой человек и спрашивает, указывая на мой топорик:

— Продаешь это?

— Продаю, — говорю я с надеждой, голосом нищего. Но тут же стараюсь принять независимый вид, будто и нет у меня никакого горя. Я даже начинаю щепочкой ковырять в зубах, как после сытного обеда с мясом, чтобы он не принял меня за голодного.

Тот долго рассматривает топорик, потом протягивает мне:

— Может, он украден? Далеко, по крайней мере, находится тот, у кого ты его украл?

Я покраснел от стыда. Уж лучше бы ударил он меня этим топориком по голове, чем слышать такие слова. Но я проглотил обиду. У меня был полный рот слюны от голода, и я с дрожью ждал, что вот-вот его рука потянет-

ся к карману, и я получу хоть сколько-нибудь денег. Но тут к нам подошли еще двое.

— Оставь, зачем тебе краденый топор? — сказал один из них.

— А что я теряю? А топор хорош, — ответил мой покупатель.

Мы долго спорили о цене, пока он не догадался припугнуть меня милицией и подошел поближе ко мне, посматривая вокруг, будто выискивая взглядом кого-то в толпе. Я молча протянул ему топорик.

На вырученные деньги я наелся, и еще осталось черного хлеба дня на два.

Меня особенно возмущало, что топорик все считали краденым. Но потом я поразмыслил и сам стал думать так же. Ведь я украл — у отца. Да еще продал.

Но, блуждая бесцельно по городу, начинал я думать и по-другому: какая же здесь кража, ведь топорик был наш, общий, я взял его, чтобы защищаться, а когда проголодался — продал. Все очень просто. Ничего бесчестного тут нет.

Но первый голос снова возражал: а кто заставлял тебя голодать? Сидел бы себе спокойно дома.

...Этот спор голосов идет в моей душе и сейчас, когда вспоминаю я свое детство. Не разберу и теперь, насколько был я тогда виноват. Может, буду я когда-нибудь семейным, будут и у меня дети, которых надо воспитывать — может, и пойму тогда...

Три дня бродил я по городу, чужому для меня, совсем мне ненужному. Ночевал на вокзале, дни проводил на базаре.

Однажды ночью на вокзале встретил я двух ребят, своих ровесников. Разговор наш был короток.

— Чем вы занимаетесь?

— Тем же, что и ты.

— У вас есть родители?

— Есть, конечно. Почему бы им не быть?

— Что ж вы не дома?

— Здесь лучше, — сказал один.

— Сюда не достают отцовские кулаки, — пояснил другой.

— Вы работаете?

Они весело рассмеялись.

Жалко было смотреть на их худые, чумазые, заспанные морды. Но какое-то отвращение поднималось в груди, когда взгляд останавливался на нагловатых их ухмылках, на бегающих глазах. «Неужели и я скоро буду таким». — шевельнулась у меня мысль.

— Долго ты на этой службе? — подмигнул мне один из них.

— Около трех дней. — Я вздохнул.

— Ты, наверно, голодный.

Они достали черный хлеб и водку.

— Не падай духом — мы тебя научим жить.

Оборванец подал мне бутылку. Всю ночь лежал я у какой-то стены, еле живой, а утром мы втроем отправились на базар.

Там было уже многолюдно, но новые мои друзья подождали, когда народу станет еще больше, и тогда один из них сказал мне:

— Стой здесь, а когда побежим, беги за нами.

Затем, посвистывая, заложив руки в карманы, нырнули они в толпу. Я молча наблюдал, начиная уже догадываться, в чем дело. (А приятелей моих звали «Лев» и «Косуля». К чему называть настоящие их имена? Они привыкли звать друг друга так).

В это время Косуля подошел к продавцу фруктов. Взял в руки арбуз, стал рассматривать, зачем-то нюхать, щелкать по нему пальцем, прикладывать к уху. Лев стоял неподалеку. Вдруг Косуля с силой швырнул арбуз в сторону. Продавец ахнул и бросился на него с палкой. В это время Лев молниеносно схватил с прилавка деньги и был таков. Продавец бросился за ним, а Косуля спокойно вернулся, взял с прилавка два арбуза и неторопливо пошел. Я покорно затрусил за ним.

IV

Не всегда кувшин носит воду. Не каждый день везет человеку.

Один крестьянин ранним утром встал и пошел по своему кукурузнику. Вдруг он заметил зайца, сладко спавшего в ямке. И вот о чем начал думать крестьянин:— «Я поймаю этого зайца, продам его и куплю петуха с курицей. Курица выведет мне много цыплят. Когда они

подрастут, я продам их и куплю породистую свинью, откормлю ее и продам. Куплю еще 5—6 поросят, откормлю их, опять продам и на вырученные деньги куплю лошадь. Сяду на нее и с криком «хай, хай» помчусь по большой дороге». Вдруг заяц вскочил и мгновенно скрылся. Оказывается, старик, увлекшись, закричал во все горло:

«Хай, хай!»

Нечто подобное случилось и с нами. В полдень, как следует «поохотившись», мы вышли из города и сели недалеко от дороги в тени дерева.

— Ты что принес, Волк? — Лев посмотрел на меня (я, до смерти боявшийся волков, неожиданно сам стал Волком). Я вытащил из кармана деньги.

— Ты? — он повернулся к Косуле.

Тот высыпал из подола рубашки яблоки.

— А я вот что, — Лев вытащил из кармана большой нож. Это нам понравилось больше всего. Мы договорились носить его по очереди.

До вечера сидели мы под деревом и ждали наступления темноты, чтобы вновь начать охоту на карманы богатых людей.

Но все наши планы рухнули. Виной всему оказалась водка. Только уселись за свой «обеденный стол», которым служила расстеленная на траве мятая бумага, как Лев вытащил из кармана бутылку и поставил перед нами. Я стал отказываться, помня свое первое опьянение, но новых моих друзей нельзя было остановить. Они напились сами и напоили меня.

Выпив, мы почувствовали себя смелыми и сильными. Мы хохотали, громко орали какую-то песню.

Тут-то нас и заметили. Двое милиционеров увели нас в город.

— Из какого места?

— Фамилии, имена?

— Куда направляетесь?

— А занимаетесь чем?

Вопросы так и посыпались на нас. А что мы могли ответить?

На другое утро нас, правда, освободили, но оставаться в этом городе нам было уже нельзя. Но куда мы могли идти?

* * *

(На этом обрывается рассказ Чичико. Все, что происходило дальше, услышали мы уже от других лиц. Собрав вместе все записи и воспоминания, мы излагаем их связно и представляем на суд читателя).

Родители Чичико в тот вечер его не хватились. А когда утром мать открыла дверь большого дома, в глазах у нее потемнело, и она чуть не потеряла сознание: одеяла были, как она их сложила, нетронутые; все вещи лежали так, как остались с вечера. От ее крика вся семья поднялась до света; все в доме закружилось, завертелось.

— Это ты виноват!.. Бедное дитя... Это ты его довел!..

— Не я, а ты его избаловала.

— Замолчи, чтоб тебя земля поглотила! Где мой ребенок?

— Откуда мне знать? К соседям ушел, наверно.

До завтрака ругались отец с матерью. Когда поднялось немного солнце, отец, захватив с собой палку, вышел из дому.

Мать Чичико, Кякяла, осталась одна горевать и ждать вестей о сыне.

Хорошая женщина была Кякяла. Войдешь в ее дом — есть на что взглянуть. Одежда висит, как новенькая. Постели аккуратно заправлены, взбитые, пухлые, как кокон. Целый день была на ногах мать Чичико: воду таскала, полола огород; пасла телят в поле и, бегая за ними, к вечеру едва держалась на ногах. Что скрывать? Делала порой и то, что вполне под силу было ее сыну.

Уж как берегла его она! С заходом солнца не выпускала на двор — как бы не обидел кто, не напугал ее мальчика. А Чичико больше слушал бабушку — та рассказывала ему о нарте Сасрыкве, о разбойничьих набегах, погромах, кражах. И разбойников, и конокрадов из своих сказок называла мужественными, бесстрашными. У Чичико гулко билось сердце, он завидовал этим людям, и неясно грезились ему его собственные удалые разбойничьи подвиги.

А отец Чичико, Бата? Тот редко возвращался домой раньше ночи. Когда ему было разговаривать с сыном? Чичико рос сам по себе.

* * *

Выйдя из дома, Бата направился прямо в сельсовет. Но Чичико и след простыл! Никто его не видел, никто ничего о нем не знал.

И Бата пустился в долгий путь. День за днем обходил он окрестные селения, рассказывал встречным приметы мальчика, умоляя сообщить, если встретят его.

Как-то вечером он возвращался домой. Уже совсем стемнело, когда сел он отдохнуть у одного дерева. Долго сидел, курил. Потом прилег, подложив под голову башлык. Только начал засыпать, как что-то загремело около него. Это какой-то крестьянин, несший охапку дров, сбросил ее на землю, решив отдохнуть и покурить.

— Здравствуй!

— Будь здоров, добрый вечер, — ответил Бата, приподымаясь.

— Видно, ты издалека?

— Да, довольно-таки.

Они разговорились. Бата рассказывал о своем горе, и тот перебил его, вздохнув.

— Горе-несчастье, где его начало! Мало ли горя на свете! Живет у нас хороший крестьянин по имени Шакир. Имел он единственного сына. Помнишь последнюю русскую войну? Шакира сын ушел на нее добровольцем. Прошла война, вернулись его друзья, а его все не было. Когда стали родители разузнавать, что случилось с их сыном, им ответили, что он погиб в одном большом сражении. С тех пор прошло много лет. Свергли грузинского царя. И что же? Когда пришло новое время, сын Шакира живой, невредимый вернулся домой. А ты горюешь! Ведь твой сын не на войну ушел — куда ж он денется, коли не вернется домой?

Бата молчал, задумавшись о своем.

— Если с твоим сыном не случилось беды, то куда он уйдет, — опять начал крестьянин, — проголодается и вернется обратно. Был я неделю назад в Очамчири на базаре. Бродят там беспризорные дети — раздетые, босые, голодные. Воруют, чтобы не умереть с голоду. Вот и топорик этот купил я у одного из них...

— Не может быть!.. — Бата, побледнев, схватился за топорик. Но сразу опомнился, опустил руку и замолчал, слушая.

— Как не может быть? Так оно и было, — неторопливо продолжал крестьянин.

— Деньги он прямо-таки выхватил у меня из рук — и бегом. Сначала я потерял его из виду в толпе, а потом видел, как он пробирался, как затравленный волчонок, к выходу. А под мышкой у него — буханка черного хлеба. Видно, купил, бедняга, на деньги, что я ему дал за топорик... Вот я и говорю — мало ли детей, ни кола ни двора не имеющих, бродит по городу. А твой знает, что ты его ждешь. Не бойся, голод пригонит его домой.

Но Бата уже не слушал его. Он сидел потрясенный, с окаменевшим от горя лицом.

V

А в это время от Тбилисского вокзала отошел поезд в сторону Авчалы (там расположена была детская колония). В одном из вагонов на грязном полу, среди разбросанных окурков, сидели дети.

Взрослых среди них не было, но голоса могли показаться старческими — так изменили их табак и водка, к которым эти дети пристрастились, судя по их виду, уже не первый год.

Оборванные, нечесанные, с ранними морщинами у глаз, они у одних могли бы вызвать ужас, у других жалость.

Быстро темнело. Выл ветер, хлестали в стенки вагона потоки дождя. Злая осенняя ночь подступала со всех сторон и, может быть, потому дети в вагоне то тоскливо переругивались, то начинали драку, то снова мирились и грубовато утешали друг друга. Им было не по себе. Только и было развлечения пошутить над стариком, то и дело засыпавшим с ружьем в руках у двери вагона. Старик не сердился. Он понимал, что нет здесь ни одного человека, на которого можно обидеться.

А между тем несколько ребят о чем-то потихоньку совещались в дальнем углу вагона.

— Если бы ночь была еще темнее! — говорил один.

— Да, это бы неплохо, — добавил другой, бледный, с жидкими рыжеватыми волосами, — а много ли тут волков?

— Пусть много, — их товарищ посмотрел на них гордо. — Я знаю их повадки. Лишь бы нож был в руках!..

— Брось болтать! Откуда тебе, молокососу, их знать — ты ходить-то вчера научился!

— Однажды они целую ночь продержали меня на дереве.

— Вот умеют люди заливать! — восхищенно протянул все тот же мальчишка. Товарищ его только хихикнул.

— Хотите, расскажу? — и Чичико (это был, конечно, он) рассказал ребятам то, что читатель уже знает.

Когда он кончил, рыженький тихо присвистнул:

— Смотрите, старик-то наш заснул!

Ребята осторожно поднялись. Вокруг все спали, только в углу ворочались несколько человек, устраиваясь поудобней.

Поезд шел медленно. Ребята по-одному спрыгнули с подножки в темноту. Дрожа, стояли они на краю насыпи, ожидая, пока пройдет весь состав. Вот простучали последние колеса, и скоро весь поезд пропал во мгле.

— Куда мы пойдем? — спросил Чичико.

Под дождем и мокрым снегом они зашагали прямо по шпалам.

VI

А в это время тоскливо было в доме Баты. Вот уже год семья не видит своего Чичико. Родителей его нельзя узнать. Крепкая телом, быстрая, румяная, как девушка, Кякяла стала теперь худая, как жердь. Ввалились щеки, глаза утонули в черных кругах. С трудом вставала она на ноги и без палки не могла сделать и шагу. А Бата? Все дни пропадавший раньше на своем поле, чтобы както заработать на пропитание, теперь он совсем забросил хозяйство. Стояла уже зима, а у него на дворе не лежало ни одного полена. Словом, из-за бесконечных безуспешных поисков совсем развалилось его хозяйство.

Однажды ночью свистела за окном непогода. Валил с неба не то снег, не то дождь—какой-то холодный кисель. У самого дома Баты выли лисицы, выгнанные из леса голодом и холодом.

Кякяла роняя слезы в очаг, одиноко сидела у огня. Баты не было. Отчаявшись, он с утра ушел к знахарке, захватив с собой куриную лопатку — для гадания.

Кякаля ждала мужа. Когда сон смыкал ее глаза, она начинала ходить по пацхе. Вдруг топот коня послышался у самого крыльца. Она пошла к двери, думая, что вернулся Бата.

— Эй, хозяин дома? — раздался голос со двора. Сердце Кякялы дрогнуло. «Кто бы это мог быть так поздно?»

Она вышла. У крыльца стоял всадник.

— Сходи с коня, нан!

— Хозяина нету?

— Не приходил еще. Сойди с коня, обогреешься, подождешь.

— Нет, спешу, собираюсь в одно место, — сказал всадник, натягивая уздечку.

— Нан, скажи хоть, по хорошему делу или по плохому? — спросила Кякяла плачущим голосом.

Тот сначала сделал вид, что не слыхал ее слов, но потом, подумав, сказал:

— Нет, ничего плохого, так просто, дело у меня, думал, Бату встречу... Ну, ладно... — он оборвал фразу на полуслове и пропал в темноте.

Кякяла долго стояла на крыльце, всматриваясь в тьму, будто туда умчались вести о ее сыне. Потом, сидя у очага, она вспомнила, что не узнала даже имя всадника и в сердцах выругала себя.

Вскоре вернулся и Бата, хмурый, расстроенный, с красными от недавних слез глазами. Кякяла бросилась к нему:

— Что-нибудь услышал о нашем ребенке? Что, скажи мне? Жив ли он?

Бата долго сидел молча, схватившись за голову. Слова жены доходили до него как в тумане, но он молчал, молчал, и она начала понимать, что Бата привез дурные вести.

Наконец, он поднял на нее глаза:

— Сколько перенесли мы с тобой горя, может ли настать для нас время хуже?.. Наш ребенок пропал. Надежды нет уже никакой. Приготовь его одежду для траурного стола, готовься оплакивать его.

Кякяла заголосила. Бата, не моргая, смотрел в огонь очага.

Злится на дворе непогода. Идет дождь со снегом, и ветер с силой бьет в дверь. Скоро начнет светать.

VII

Как только поезд промчался мимо Чичико и его друзей, они вошли в ночь и уже не видели ничего вокруг. Долго шли они наощупь по шпалам. Несколько раз пролетали мимо них поезда, проходили обходчики, закутанные в свои шинели, но ребята ни о чем не спрашивали у них, только дрожали всем телом да озирались по сторонам, будто искали потерянную скотину.

— Эх, — со вздохом повернулся Чичико к друзьям,— если бы хоть один из этих поездов шел в Очамчире, я, ейбогу, нашел бы способ попасть туда хоть сегодня ночью.

— Кто доведет железную дорогу до Очамчире, — сказал другой мальчик, засовывая красные свои руки поглубже в оборванные рукава.

— Да, и я о том же... Была бы дорога — махнули бы опять в Очамчире.

Они уже еле тащили ноги, когда сквозь сырую мглу проглянули очертания будки.

— Чичико, — сказал мальчик, который плелся последним, — я больше не могу идти. Я останусь здесь до утра. Холодно очень... Будь что будет...

В будку вошли все трое. Внутри было темно и холодно, как на дворе. Чичико чиркнул спичкой, осветил тонкие стенки, дрожавшие от порывов ветра. Везде висела паутина, на маленькой полке — пыли на вершок. Посреди будки — железная печка, дрова.

Через десять минут все трое уже сидели перед пылающим огнем. Они пили водку, закусывая черным хлебом, грели ноги, сушили мокрую одежду, громко и весело разговаривали. Раньше Чичико побаивался своих друзей, послушно исполнял все, что они ему скажут. Но скоро все изменилось. Незаметно Чичико стал их главарем. Он нахмурится, — и они опускают головы, его слово для них закон. Но сейчас Лев и Косуля, обогревшись и выпив водки, веселились, не замечая, что Чичико мол-

чал. Он, обхватив руками голову, не мигая, глядел на огонь. Наконец, ребята забеспокоились.

— Друзья мы или нет, Волк? — Лев посмотрел на Чичико. — Что с тобой? Клонит в сон — ложись, мы будем сторожить, заболел — тоже найдем, чем помочь.

Чичико поднял мокрое от слез лицо и взглянул на них.

— Вот уж год мать оплакивает меня, как покойника. Об отце я не думаю, он меня ненавидит, найдет — зарежет. Но мать моя! Хоть бы одним глазком взглянуть на нее. Может, она уже умерла от горя... — Чичико зарыдал, не в силах сдержаться. Друзья утешали его, как могли, но он плакал, стонал, бил себя в грудь. Ребята затихли и молча стояли вокруг него.

— Как вспомню ее—у меня в глазах темнеет. «Дорогой мой мальчик, нан» — по другому не называла она меня.

Сделаю им что-нибудь приятное — они не забудут, купят мне разных сладостей. А сейчас — где они? Где я? Что стало с их сыном? Он ворует, охотится за кошельками, день ест, два дня голодает... Знали бы они, какая для меня теперь радость — сидеть у зажженного очага.

Чичико замолчал, улегся на пол и отвернулся к стене, уткнувшись лицом в шапку. Два его друга еще долго о чем-то шептались, позевывая, потом сели спиной друг к другу и задремали. В печке еще потрескивал огонь, а ветер все сильнее сотрясал стены будки, будто хотел поднять ее с земли и забросить далеко-далеко отсюда.

Так прошел час с небольшим. Вдруг Чичико зашевелился и, громко вскрикнув, вскочил на ноги.

— Убивают, убивают! И мать хочет моей смерти, — кричал он, хватаясь за голову, затравленно озираясь.

Ребята схватили его за руки, теребили, кричали: «Очнись, Чичико!».

— Куда мне теперь деваться? — бормотал мальчик. — Даже мать ходит за мной с ножом. Вот подошел я к толпе соседей, а у них у всех ножи в руках, они бросаются на меня, хотят убить, я стараюсь закричать — не могу, бегу, но ноги заплетаются, и я падаю на острые камни. Тут мать подбегает ко мне и заносит нож... А отец стоит рядом и весело смеется. Ой, люди, что же мне

делать? Куда идти? Видно, отец и впрямь охотится за мной, если найдет — убьет.

Чичико долго еще плакал и вздрагивал, не в силах избавиться от страшного сна.

* * *

Рано утром путевой обходчик, закутанный в насквозь промокшую шинель, толкнул дверь будки, но она не подавалась. Кто-то закрыл ее изнутри. Из-за двери тянуло дымом и водкой. Забор вокруг будки был наполовину разобран.

Обходчик застучал сильнее. За дверью послышалась возня, грохот, глухая брань. «Это бандиты, выйдут — убьют», — подумал обходчик. Немудрено было подумать так — в то время много бандитов гуляло по лесам, и, подобно голодным волкам, налетали они на людей. Обходчик стоял перед дверью в растерянности, когда из-за поворота показалась дрезина.

— Так-ак! Ну, теперь мы увидим, какие вы храбрые! — обрадованно сказал обходчик и пошел дрезине навстречу, размахивая красным флажком.

Поверив старику на слово, из дрезины выскочили красноармейцы-пограничники. Впятером окружили они будку. Обходчик, дрожа, жался к насыпи. Старший схватил за ручку двери, сильно дернул. Дверь сорвалась с петель, рухнула к его ногам.

Перед его глазами предстали трое ребят, исхудалых, оборванных, насмерть перепуганных.

Пограничники, после короткого молчания, смеясь, стали рассматривать детей, расспрашивать, откуда они.

— Ведите их к дрезине, — приказал старший и пошел вперед.

VIII

Бата совсем пал духом. «Сделаю оплакивание, пошлю по селениям вестника смерти», — говорил он. Но соседи и родственники не позволяли ему этого делать. Больше всех заставил его призадуматься сосед Шарап, которого все называли «белый старик».

Седая белая борода старика Шарапа струилась по выпуклой, как у юноши, груди. Все дни ходил он по двору с посохом в руке, в белой черкеске, перетянутой в талии. Белый башлык болтался за спиной на тонкой шелковой бечевке, скрипели щегольские красные сапожки,— встречные удивлялись бодрому его виду. Спокойно, не спеша говорил «белый старик». Краткой и мудрой была его речь, всегда искусно расцвеченная народными пословицами. Он был добр ко всем. За это все любили его в селении и с уважением прислушивались к его слову.

Однажды Бата спросил у Шарапа, начать ли ему оплакивание пропавшего сына.

Старик задумался, опершись подбородком о посох.

— Знаешь, что, дад? — сказал он после долгого молчания. Говорят, иногда и река возвращается в старое русло. Потерпи еще немного. Всем нам будет стыдно, если Чичико, веселый и невредимый, придет домой в день своего оплакивания.

Слова Шарапа сильно подействовали на Бату. И с этого времени начались его ссоры с женой.

— Не буду я оплакивать живого сына! Жив наш мальчик, жив, говорю я тебе! — убеждал Бата.

— Ой, не надо утешать меня! Гадалка сказала, что он умер, а ты просто боишься расходов, скупец, — плача, говорила Кякяла. — Единственный сынок, на которого мы дохнуть боялись, умер, а мы даже не оплакали его. Соседи смеются над нами!

Бата долго терпел попреки, но потом стало уже невмоготу, и он начал ругаться с женой. Жить стало еще тяжелее.

Однажды вечером, когда Бата и Кякяла сидели одни, не зная, куда себя деть, открылась дверь и вошел Омар, местный учитель.

Не меньше родителей горевал он о Чичико. Был Омар совсем молодым парнем и учителем стал недавно. Сначала он обращался с ребятами строго, потом увидел, что этим с ними ничего не добьешься и стал задабривать своих учеников. Он всегда улыбался им весело, как мать улыбается проделкам своего малыша. И что же? Одним его доброта и впрямь помогала, других безнадежно портила. В это время и попал в школу Чичико. Учиться он сразу стал хорошо. За год окончил два класса, а в третьем классе уже только о Чичико и говорили в школе.

На каждом собрании учитель начинал его хвалить. Немудрено, что Чичико очень скоро решил, что он и правда лучше всех. Стоило ему подольше посидеть над книжкой, мать говорила: «Нан, не утруждай себя очень. Чего тебе бояться, Омар и так переведет тебя, не знаешь разве, как он тебя уважает?»

А тут еще Чичико совершил свои «подвиги», и слава его раздулась до непомерных размеров. Не хватало только одного — вывесить его портрет на проезжей дороге, чтобы люди, проходя мимо, кланялись ему, как святыне.

А родители Чичико, люди добрые, но недалекие, по простоте душевной полагали, что другого способа воспитания вообще не существует.

Приходу Омара они обрадовались. Как бы ни воспитали они своего Чичико, как бы ни портил тут дело и сам Омар, но ведь так или иначе только он делил с ними заботы о ребенке и в глазах родителей был вторым отцом их сыну.

Кякяла накрыла стол и накормила Омара. После ужина завязался разговор о Чичико.

— Ни в чем он не виновен, виноваты мы сами — я и вы, — вздохнул Омар. — Поздно я это понял.

— Нан, чем виноваты мы? На ладонях держали мы своего Чичико, пылинке сесть на него не давали, — всхлипнула Кякяла.

— Вот и я о том говорю. Не смогли мы удержать его на ладонях, упал он. Если бы мы хоть одной ногой поставили его на землю, сидел бы он сейчас с нами.

Бата с напряженным лицом слушал учителя.

Вдруг лай собаки перебил их. Бата, вскочив, подбежал к двери. К крыльцу подскакал всадник. Пока Кякяла и Омар расставляли у стола стулья, гость и хозяин медлили у порога, по обычаю стараясь пропустить друг друга вперед.

Сели за стол.

— Это тот, который, помнишь, как-то вечером не застал тебя дома, — успела шепнуть Кякяла мужу.

Гость говорил мало и неохотно, все поглядывал по сторонам. Потом поднял глаза на Бату и замялся.

— Это твой сын? — показал он на Омара.

— Откуда у нас, бедных, сын? — Кякяла не удержалась и заплакала. Бата застеснялся и опустил голову.

«Как могла она сказать такое при госте», — подумал он и, не глядя ни на кого, пошел к двери.

— Дад, не расседлывай лошадь, — гость встал.

— Куда так спешить, нан?

— На дворе темно, как говорится, вертела горячего перед глазами не увидишь, грязь по колено, куда ты пойдешь? — приставали к гостю хозяин и хозяйка.

Бата и Омар пошли к лошади, а хозяйка осталась занимать незнакомца.

Когда все сели за стол, гость стал говорить о том, ради чего приехал.

— Сейчас хозяйка мне рассказывала... горе, оказывается, в вашем доме. Ездил я в Тбилиси на побывку к сыну, хочу рассказать вам, что я там слышал.

Кякяла и Бата, не отрываясь, смотрели на гостя.

— Что же случилось с твоим сыном, болен был? — спросил Бата в ожидании новости.

— Ха, болен, говоришь ты? Чуть не умер, вот как. Он служит в армии. Охранял нашу границу с каким-то государством, и с той стороны ранили его. Когда упал мой сын, враги думали, что он убит. Чуть не десять человек к нему побежали и многие встретили его пулю. Около получаса продолжалась перестрелка. Когда друзья забрали его, он стал рассказывать и тут уже потерял сознание.

Словом, остался жив, да еще медаль, что ли, ему дали. Ходит теперь, выпятив грудь, красуется.

Так вот, хочу сказать о том, ради чего приехал, — гость стал наполнять трубку табаком. — Недавно шел мой сын с группой солдат. Встретил он недалеко от железной дороги каких-то беспризорных ребят и увез их в Тбилиси. Одного забрали в армию, двух других в школу, что ли. А тут как-то говорили мне в сельсовете, что потерялся сын Баты. Вот я пришел к тебе — думаю, может, натолкну на след.

Рассказ гостя почти не затронул Бату. Кякяла же плакала беспрерывно.

— До Тбилиси не только ребенку — взрослому трудно доехать. Кто повезет туда нашего мальчика? — Бата сплюнул в очаг. Омар молчал, о чем-то думая.

— Нан, а во что одет он был, не сказал твой сын? — спросила Кякяла.

— В рвань всякую, водкой от них разило, говорит.

— Не только водки — воды без спроса не пил наш мальчик.

Что бы ни сказал теперь гость, родители Чичико горестно качали головами, не веря, что сын их мог быть там.

Что бы ни сказал теперь гость, родители Чичико говорил, лихорадочно отыскивая все новые, но столь же несбыточные планы поисков Чичико.

Кякяла молча плакала.

IX

Прошло пять лет. Бата и Кякяла заметно постарели, осунулись. Когда теперь вспоминали они о своем единственном сыне, то им было так же тяжело, как и в первый день его исчезновения. Кякяла, плача, садилась у очага. Бата молчал, обхватив голову руками. Нескончаемо было их горе. Все пять лет ходили они в траурных одеждах; всегда вместе, грустные и подавленные.

За это время Бата записался в колхоз. Кякяла сначала была недовольна, но потом потянуло ее к людям, к общей работе, и каждый день привычно стала выходить в поле. Там забывалось горе, там в ответ на шутку сама по себе рождалась улыбка. Но вечером тоска снова властно завладевала ими.

Однажды, когда — уже в который раз! — пришла весна, и радостный солнечный свет будто сделал еще более скорбным их траур, родители Чичико отправились в Очамчире. Они захватили с собой все заработанные ими в колхозе деньги, но, потоптавшись по городу, так и не купили ничего, что им было нужно. Но домой они тоже не торопились и, как-то не сговариваясь, надолго остановились у большой проезжей дороги, где в непривычной для них суете быстро двигались люди. Бата не переставая курил, думая о чем-то своем. А Кякяла то и дело спрашивала его: «Что это за люди? А те куда так торопятся? А почему так быстро бежит машина?» Бата молчал.

— А вот, взгляни на этих — как счастливы, должно быть, их родители, — Кякяла, вздохнув, показала на детей, бежавших в школу. — Мы, несчастные, недолго ви-

ви радость на лице своего ребенка. Как увидела я этих детей, показалось мне, что я глянула в милые глаза моего Чичико.

— Если Чичико жив, он уже мужчина; что ты думаешь, он этим сверстник? — вздохнул Бата.

В это время Бату заметил их очамчирский знакомый.

— Почему же не идете на станцию? — спросил он, подходя.

— Да пока не собираемся ехать, дад, — ответил Бата, здороваясь с ним за руку.

— Нет, ты не понял. Я зову вас не к автобусу, а на железнодорожную станцию, к поезду.

— Э, шутник!.. Как попал в Очамчире поезд? Говорят, ведь, он ходит только по железной дороге.

— Да к нам уже провели железную дорогу!

— Чудеса ты рассказываешь, дад...

— Провели, говорю я вам. Сегодня пойдет первый поезд. Видите, как все спешат в ту сторону?

— Вот так сказка! Ну, так идем быстрее.

И все трое пошли в сторону вокзала.

* * *

На станции толпился народ. Солнце било прямо в глаза, но люди, прикрываясь ладонями, не отрываясь, смотрели на восток. Бата и Кякяла протиснулись к платформе. Они стояли потные, растерянные, и озирались по сторонам. Свисток железнодорожника заставил их вздрогнуть, но Бата быстро сделал вид, что все это ему знакомо и понятно. Все стали отодвигаться от рельсов, и он, схватив Кякялу за руку, отвел ее подальше с озабоченным видом.

В это время раздались странные звуки, напоминавшие громкий крик причитавшей женщины. Все мгновенно затихли. Выметнулось из-за поворота облако пара, и, тяжело попыхивая, вздыхая и отдуваясь, выехал паровоз, тянувший за собой несколько вагонов. Заиграла музыка, и все захлопали в ладоши.

Кто-то говорил речь, за ним другой. Бата и Кякяла, ошеломленные увиденным, смотрели вокруг во все глаза.

В это время стал говорить речь паренек, стоявший на ступеньках паровоза. Это был сам машинист.

— Послушай, послушай, он по-абхазски говорит. Уз-

наем, что он скажет, — Кякяла одернула Бату. Они подвинулись поближе, чтобы не пропустить ничего.

— Ох!.. Чтоб меня земля проглотила... Мне кажется, это голос моего Чичико!

— Перестань!.. Ты, кажется, стала уже и птичье чириканье принимать за голос Чичико.

* * *

Этот день стал праздником. Выйдя со станции, все бродили по главной улице, гуляли по берегу моря. Всюду были радость, оживление, смех.

Проголодавшись, Бата и Кякяла зашли в одну столовую. Уже стемнело. За столиками сидело несколько празднично одетых молодых людей и девушек. Жена и муж, робко оглянувшись, сели за свободный столик в углу. В столовой было накурено. Закурил и Бата, достав свою трубку.

Пока они ели, в столовую вошел тот самый парень, который говорил речь прямо с паровоза. С ним была девушка. Все столики были заняты. Парень, осмотревшись, повел свою спутницу прямо к столику Баты и Кякялы.

Тускло светили покрытые копотью лампы. Парень, не переставая, вполголоса говорил что-то девушке. На соседей своих он не смотрел, а Кякяла не отрывала от него взгляда. Она старалась заглянуть ему в лицо, но он сидел боком, и она видела только крутые завитки его угольных волос и свежую юношескую смуглость щеки.

— Почему ты перестала есть? — спросил Бата. Он сидел спокойно, поглаживая рукой отпущенную за последние годы бороду.

Кякяла молчала. Парень продолжал:

— С месяц побуду здесь, потом, наверно, съезжу домой. Очень давно не виделся я с семьей.

— Пойдем сегодня в кино, Чичико, — сказала девушка, вставая.

Кякяла коротко вскрикнула. Бата побледнел и выронил трубку. Спустя секунду девушка растерянно смотрела, как незнакомые пожилые люди, плача, обнимали и целовали Чичико.

ПЕСНЯ СКАЛЫ

1

Селение Доу затеряно в глубокой горной котловине. В то время, когда полуденное солнце жарким светом заливает города и села Абхазии, в Доу можно видеть солнечный восход. Не успеешь оглянуться, а солнце снова опускается за горы...

По горным склонам взбегают вечнозеленые деревья. Сочные травы шумят на раздольных колхозных пастбищах. Колхоз славится богатыми отарами и стадами.

Тяжелым трудом добыто это богатство. Природа не балует доутцев. Лето здесь коротко, как день. Зима наступает быстро и неожиданно, а уходит медленно, неохотно, словно тащит на себе огромный жернов. Осенью жители побережья еще купаются в море, а в селении Доу уже стучатся в окна холода.

Но доутцы привыкли к холодам. Трудолюбивые, жизнерадостные, гордые люди. Председатель местного колхоза «Алашара» Элкан Шарба, утверждает, что если доутцев поставить даже в невыносимые условия, они и тогда не станут жаловаться на судьбу.

Их правило: не жаловаться, а бороться.

Элкан Шарба, конечно, не совсем прав. Жителей Доу никогда в такие условия не поставишь. Попросту, они не позволят этого. Тем более, что жизнь идет вперед, люди растут, от года к году растут и их запросы...

Скажем, в прошлом году доутцы стали роптать. Первым поднял свой голос Темураз Чамагуа — человек, который даже из печки мог бы выбраться целым и невредимым; человек, у которого грудь, как в кольчуге, в орденах и медалях. О чем говорят эти награждения? О

его воинской доблести. А к Темуразу присоединился Элкан Шарба. Если они встретятся друг с другом, то сейчас же возникает долгий задушевный разговор. На этот раз предметом их разговора оказался горный поток, светлой лентой опоясывающий селение Доу.

И в самом деле: темнеет рано, пастухи и работники ферм наощупь проверяют коров, овец и баранов. Из-за отсутствия света бездействует колхозный инкубатор. И разве могут доутцы примириться с тем, что до сих пор в их домах жалко помигивают коптилки?

Селение Доу потребовало света.

Однажды вечером местный почтальон Мажагу Твамба осторожно открыл дверь клуба, в котором шло колхозное собрание, поднялся в тишине на сцену и подошел к столу президиума. Сотни глаз следили за ним из зала.

Почтальон — не торопясь, с сознанием собственного достоинства — порылся в своей объемистой сумке, достал из нее небольшой конверт и положил его перед Элканом Шарба. Элкан вскрыл конверт и пробежал глазами письмо. Он нашел в нем что-то такое, что заставило его лицо просветлеть; и снова — но теперь уже медленней и внимательней — он перечитал письмо. Колхозники настороженно молчали. Элкан передал письмо секретарю парторганизации Темуразу Чамагуа. И Темураз повел себя так же, как и Элкан: прочел, улыбнулся, перечитал.

Взяв у Темураза письмо, Элкан Шарба серьезным взглядом окинул зал. Все сгорали от любопытства. Но Элкан не торопился: пусть каждый почувствует значительность и торжественность этих минут. Он вручил письмо председателю сельсовета Джото Малазания и что-то шепнул ему на ухо.

Джото поднялся с места.

— Минуту внимания! — торжественно сказал он и поднял руку с письмом. — Это письмо—вестник завтрашнего счастья. Скоро у нас будет электрический свет!

В зале зашумели:

— Это правда?

— Значит, к нашему голосу прислушались?

— Минуту внимания! — Джото снова поднял руку.— На днях из города к нам прибудут грузовые машины, а с ними — инженер и техники. Наша задача помочь им. Я думаю, у нас найдутся и землекопы и плотники.

Не прошло и десяти дней, как на берегу безымянного потока уже начали рыть траншеи и возводить здание электростанции. Темураз Чамагуа организовал комсомольскую бригаду.

Однажды к комсомольцам, рывшим канаву, подошла стройная смуглолицая девушка. Увидев ее, землекопы, словно по уговору, бросили работу. Облокотившись на лопаты, они смотрели на девушку. Трудно не заглядеться на нее. Черные брови, черные косы до пояса. Черные добрые глаза. Когда она улыбалась, на щеках у нее появлялись ямочки. Девушка сухо поздоровалась с ними, проверила их работу, определила грунт и подошла к Темуразу Чамагуа.

— Я — техник, — отрекомендовалась она. — Инженер Айтымба направил меня к вам бригадиром.

— Очень рады, — сказал Темураз и, скользнув смущенным взглядом по лицу девушки, значительно посмотрел на своих комсомольцев. — Свое знакомство с вами нам хотелось бы начать с одного вопроса. Инженер сказал, что к лету мы получим свет. Что вы об этом думаете?

— Если инженер обещал, то так и будет, — твердо сказала девушка. — Вы что, сомневаетесь?

— Нет, вы меня не так поняли...

— Так в чем же дело?

Девушка начала сердиться.

— Видите ли... Комсомольская бригада хочет, чтобы свет был к Первому мая!

На щеках у девушки появились ямочки. Официальности в ее тоне — как не бывало.

— Вот это по-комсомольски! — обрадованно сказала она. — И если вы этого действительно хотите, то... так и будет!

Итак, бригадир и бригада сразу же нашли общий язык. Но для Темураза, по-видимому, одного обещания оказалось мало. Он прошел с девушкой вдоль канавы. Они шли медленно, и шершавый ветер гладил их лица.

— Говорят, любопытство — не грех, — помявшись, начал Темураз и почему-то покраснел. — Можно узнать, как вас зовут?

— Дария... Зовите Дарией, — тихо ответила девушка и, отвернувшись, протянула руку к отаре овец, пасу-

щейся у подножия небольшой скалы. — А у вас — богатый колхоз...

— Здесь только овцы... А вы посмотрели бы на коров!

Во время разговора к ним подошел старик-пастух. Дария обратила внимание на старинную поломанную шашку, висевшую у него на боку, и на длинный шрам, рассекающий лоб старика. Давнишний шрам... Наверно, в юности пастух имел дело с хищными зверями. Многое он мог бы рассказать молодежи!..

Темураз пожал старику руку.

— Видишь, Алгери, — сказал он, — хотим, чтобы в горах загорелся свет. Ты доволен?

Алгери помолчал. Он огляделся вокруг. И только спустя некоторое время, медленно повернувшись к Темуразу, произнес:

— Это хорошо... Но куда денутся звери? Они не любят света.

— А мы пригласим их на новоселье и приручим!

Молодые люди засмеялись. Улыбнулся и старый Алгери. Поглаживая свою бороду — белую, как утренний снег, — он смотрел на юных землекопов и вспоминал свою молодость, так не похожую на юность нового поколения... Но и он — Алгери — в свое время боролся за свет... Он боролся с хищными зверями, не любившими света. И в одной из таких схваток был ранен. До мельчайших подробностей помнит Алгери минуту, когда пришел в себя на холодном полу пацхи. Глубокая тишина стояла вокруг... Он встал, перевязал башлыком свою рану, завернул в бурку тело убитого друга и вскинул его на плечо.

Голова у него кружилась, он пошатывался, слезы застилали глаза...

— Прощай, очаг бедняка! Прощай, мой мальчик! Прощай, дорогая могила — больше я не приду к тебе и не поклонюсь женщине, отдавшей свою жизнь за свободу...

Волны горной реки ответили ему печальным плеском. Это было в 1921 году, и об этом подробней читатель узнает ниже.

Похоронив друга, Алгери ушел из селения, с которым у него были связаны тягостные воспоминания, и прибрел к далекому горному селу Доу. Здесь он, как

праздник, встретил установление советской власти; здесь и решил провести остаток своей жизни. Одним из первых вступил он в колхоз, стал пастухом, состарился... Но работал с охотой и держался бодро...

Старый Алгери не заметил, как к ним подошел инженер Айтымба. Очнувшись от своих мыслей и увидев инженера, заговорившего с землекопами, старик незаметно скрылся за деревьями. Ему не хотелось, чтобы молодой инженер посчитал его, старика, бездельником.

Пристроившись у невысокой скалы, Алгери достал апхьярцу[1]. Отсюда ему удобно было следить за отарой.

Комсомольцы рассказали инженеру о своем обязательстве: работать так, чтобы дать свет к Первому мая.

— Молодцы, — похвалил их Айтымба. — Но смотрите, не опозорьтесь. Не одни вы такие ретивые... Вон плотники тоже что-то задумали.

— И хорошо! — весело сказал Темураз. — Я как раз собираюсь созвать партсобрание. Вместе с активом все и обсудим.

Айтымба направился к плотникам. Надо сказать им о собрании: пусть подготовятся... Комсомольцы правы: Май можно сделать двойным праздником. И его задача— обстоятельно все продумать.

Вдруг он остановился и прислушался. От подножия скалы донесся звук, заставивший дрогнуть его сердце. Это был голос апхьярцы. Песня то приближалась, то удалялась: казалось — ветер кружит ее на своих крыльях.

Инженер побледнел...

Кто мог играть эту песню — «Песню скалы», — так много значившую в жизни Айтымба?..

Когда песня оборвалась, Айтымба вздохнул всей грудью и зашагал дальше. И как только он подошел к плотникам, новые заботы и думы захватили его. Работа плотников инженера не порадовала. Их бригадира, изобретательного Лео Гуриели, он отпустил вчера в город, и, воспользовавшись отсутствием бригадира, плотники слегка распустились. Вот и сейчас: двое из них сидели— покуривали, вели пустые разговоры.

— Кто остался вместо Гуриели? — спросил инженер.

Плотники переглянулись и ничего не ответили.

---

[1] Апхьярца — музыкальный инструмент.

— Значит, никого за себя не оставил?

— Товарищ инженер, — приложив к груди руку с зажатым в ней тяжелым рубанком, сказал пожилой плотник, — ну что может случиться с нами без бригадира? Мы не дети...

— Не дети, а рассуждаете по-детски! — сердито сказал инженер. — Без бригадира дело не пойдет.

И он сам остался руководить бригадой. Так и прошел день. Лишь к вечеру Айтымба вспомнил о «Песне скалы»...

2

Невдалеке от села, раскинувшегося на берегах Ингури, у подножья невысокой горы, горбилась старая одинокая пацха. Подслеповатыми, мутными глазами-окнами пацха смотрела в сторону моря... В этом убогом домишке и жил Айтымба со своим отцом.

Стояла весна. Сладко пахло распускавшимися почками и оттаявшей землей. Весенний сырой ветер озорно посвистывал над верхушками деревьев. Земля звала к труду.

Но отцу Айтымба было не до хозяйственных забот. Весну он встретил без обычной радости. Мрачные, горькие думы томили его.

Время было тревожное. Власть временно перешла к злобным шакалам-меньшевикам. Их бесчинствам не было предела. У бедняка отбирали они последнюю овцу, сдирали последнюю рубаху... В селах зловеще поскрипывали виселицы.

Но меньшевики не могли отнять у крестьян самого главного: стремления бороться. Крестьяне уходили в леса...

Время было тревожное, и в один из февральских дней хозяина жалкой пацхи посетило горе. Утром его жена — Макрина — пошла по воду. Когда она с полным кувшином на плечах поднималась по рыхлой снежной тропинке к дому, ее нагнал меньшевистский карательный отряд. Впереди на сытом коне ехал лощеный офицер. Меньшевики искали партизан...

Макрина ускорила шаги. Нужно было предупредить Вано — одного из партизанских вожаков, большевика, часто заглядывавшего к ним в пацху. Он пришел к ним

сегодня из лесу и сейчас, наверно, грелся, ничего не подозревая, у домашнего очага.

— Стой! — донесся до Макрины резкий оклик офицера.

Макрина побежала. Вода из кувшина выплескивалась, шурша по снегу...

Первая пуля разбила кувшин на черепки, вторая впилась в спину бегущей женщины.

Эти выстрелы спасли жизнь Вано: услышав их, он поспешил скрыться.

А Макрина долго мучилась... Рана оказалась тяжелой. Возвращаясь после работы домой, муж Макрины брал апхьярцу, присаживался около Макрины и начинал играть. Из всех песен больше других любила Макрина скорбную «Песню скалы». Стонали, плакали струны апхьярцы, стонало, плакало сердце певца; нежные печальные звуки плыли по комнате, ласкали слух умирающей... Была в этой песне мужественная торжественность, и Макрине на минуту становилось легче: боль забывалась, на лице умирающей появлялась слабая улыбка... Макрина поднимала голову, смотрела на мужа, и глаза ее просили: спаси меня!..

В середине февраля она умерла. Она умерла на руках одиннадцатилетнего сына, под звуки любимой песни... С тех пор маленький Рабистан (так звали тогда Айтымбу) часто плакал по вечерам. Один вечер был особенно тягостным. Отец где-то задержался. Не было дома и Вано, снова скрывавшегося у них. Весь вечер Рабистан провел у портрета матери. Он даже не заметил, как во дворе, с кривой сохой на плече, показался отец; мальчик смотрел на портрет и плакал...

Увидев плачущего сына, отец тяжело вздохнул и нахмурился. Рабистан отошел от портрета и умоляюще взглянул на отца. Отец занялся своей трубкой. Набивая табак, он склонил над ней лицо, и Рабистану были видны только нахмуренные отцовские брови.

Тогда Рабистан отвернулся и стал смотреть в раскрытое окно — на бесстрастное темное небо, на далекие, окутанные вечерней дымкой, горы...

Никто не сочувствовал горю Рабистана!

И, не поворачивая головы, он позвал сдавленным голосом:

— Папа!..

Отец молчал.

— Папа!..

Отец медленно поднял голову. Он затянулся, и сизый клуб дыма заслонил его лицо. Когда он рассеялся, взгляды отца и сына встретились.

И на этот раз опустил голову Рабистан.

Отец вздохнул:

— Понимаю, сынок. Понимаю. Знаю, чего тебе хочется...

— Мама любила эту песню...

— Да, любила... Но скоро придет Вано, сынок. Он не любит, когда мы опускаем головы...

Сын молчал. И отец не выдержал, снял со стены апхьярцу и заиграл. Он извлекал из апхьярцы приглушенные стоны, мучил и себя и струны... Сын молча стоял у окна и с тоской смотрел в темноту...

Дверь тихо открылась. В пацху вошел Вано. Он снял свою шашку и положил ее на скамью. Легкий стук шашки вывел отца и сына из забытья. Отец, словно прогоняя тяжелый сон, провел рукой по лицу, бросил апхьярцу на кровать и, виновато улыбаясь, подошел к Вано.

Лицо у Вано было огорченное.

— Ведь я просил вас забыть эту песню!.. Полюбуйся, на что стал похож мальчик... Он высох от слез. Плохого борца растишь ты из Рабистана!

Они присели на скамью. Вано достал винтовку и положил ее рядом с шашкой.

— Почему ты не раздеваешься, Вано?

Вано наглухо застегнул свой полушубок.

— Собирайся. Мы должны уходить. За мной следят. Тандел — предатель.

Рабистан с волнением следил за отцом. Отец вскочил с места, снял со стены свою шашку и шагнул к двери. В это время в пацху ворвались жандармы. Вано выстрелил. Один из жандармов упал как подкошенный. Зазвенели шашки. Жандармы отступили к двери. Неожиданно из-за их спин протянулась рука Тандела, раздался выстрел, и... не выпуская из рук винтовки, Вано без звука опустился на пол...

Вскоре рядом с Вано свалился и отец Рабистана; шашка жандарма оставила на его лбу глубокий алый след... Шашка отца была сломана. Жандармы толкнули

грубыми сапогами неподвижные тела, схватили Рабистана, и вскоре их силуэты растворились в темноте...

Но долго еще доносился из темноты голос Рабистана:

— Папа! Папа!.. Они убили папу! Убили папу!

Много лет прошло с тех пор. Рабистан стал инженером Айтымбой. Он шагал по светлым дорогам новой жизни, сильный, широкоплечий, и ветер шевелил его густые черные волосы; и новые, радостные песни звенели вокруг него... Людям нравилось открытое лицо инженера, ясный взгляд, прямота и серьезность его слов.

До войны Айтымба работал на крупном строительстве в Таджикистане. В первый день войны ушел на фронт. Его полк проделал трудный и славный путь — от Сальских степей до Бухареста.

Часто, под грохот пушек, Айтымба рассказывал фронтовым друзьям о своем безрадостном детстве. И еще большей решимостью загорались глаза воинов, защищавших счастье, за которое отдал когда-то свою жизнь отец Айтымбы.

Вернувшись после войны в Абхазию, Айтымба построил две колхозные электростанции. В Доу он возводил третью. Жизнь бурно шла вперед.

«Песня скалы» воскресила в Айтымбе прошлое. Как не вязалась эта печальная песня с сегодняшним днем!

3

Однажды ночью, когда инженер Айтымба сидел у себя в комнате и при свете керосиновой лампы читал книгу, в дверь постучали. В комнату вошла Дария — взволнованная, с покрасневшим от обиды лицом и блестящими от навернувшихся слез глазами.

Айтымба отложил книгу и вопросительно взглянул на девушку.

— Мы не выполним... не выполним задания! — сразу же начала Дария. Голос у нее дрожал. — Нам обещали помочь, а вместо этого вставляют палки в колеса!

— Я не совсем вас понимаю...

— И вы, и вы тоже! Взяли из моей бригады трех комсомольцев. Самых лучших! Мы не справимся!

Дария присела на табурет. Айтымба покосился на нее, достал папиросу, не торопясь зажег ее.

Тихо и спокойно сказал:

— Я все понимаю, Дария. Мы обязались построить станцию к майским праздникам.

— Да.

— Май — не за горами.

— Да, но вы...

— Подождите, Дария. Мне хочется задать вам один вопрос. Вы согласны остаться в Доу для обслуживания станции?

— Ни в коем случае! У меня и в городе много дела.

— Вот видите. И Лео не хочет оставаться. Он собирается учиться. Но ведь кто-то должен обслуживать станцию. Где мы достанем специалистов?

— Не знаю.

— Выход только один. — Айтымба поднялся со стула и подошел к Дарии. — Специалистов даст село. Мы заранее подготовим их на курсах. Через три месяца ваши комсомольцы вернутся в село монтерами.

Инженер был прав. Дария понимала это, но она не хотела сдаваться так легко:

— А в мою бригаду вы дали неумелых и неопытных!

— Учите их.

Дария кивнула головой в знак согласия, молча встала со стула и вышла из комнаты.

Строительство электростанции приближалось к концу. Стоял дождливый март. Тучи исходили слезами. Со склонов гор бежали мутные пенистые ручьи. С громким журчаньем они вливались в безымянный поток. Но, несмотря на испортившуюся погоду, колхозники, работавшие на строительстве, перевыполняли задания. В перерывах они собирались у стенгазеты, которую каждую неделю выпускал Темураз Чамагуа; никто не был забыт: каждому было посвящено хотя бы несколько строк.

В субботний вечер в клубе ждали выступления организованного Дарией драматического кружка. Зал был полон. Сюда пришли лучшие люди села: непобедимый Сампал Гудалба—герой-землекоп; сметливый Куаста Чамагуа, изобретший лопатку для рытья канавы; искусные плотники Нарт Симсом и Смыр Килба. В зале—торжественная, напряженная тишина. Дария и Темураз спусти-

лись со сцены и прошли к Айтымбе: их места были рядом.

Вот-вот взовьется простенький, легкий занавес...

И вдруг в зал ворвался Алгери Блабба. Вода ручьями стекала с его насквозь промокшей одежды, глаза были широко раскрыты.

Все встали со своих мест.

— Несчастье! — встревоженно выкрикнул Алгери, упал дуб, обвалилась земля над траншеей!

Он махнул рукой и выбежал из клуба — под дождь, в непогоду... Колхозники бросились вслед за ним. Зал опустел.

Всю ночь и следующий за нею воскресный день колхозники восстанавливали разрушенное, укрепляли траншеи. По домам разошлись усталые и довольные: стихия была побеждена.

Не прошло недели, как инженер Айтымба и техник Лео Гуриели отправились в город за дизелями для новой электростанции.

Наверно на фронте при свисте снарядов у Темураза Чамагуа сердце не билось так сильно и взволнованно, как при виде Дарии. Впрочем, и сама Дария не смогла остаться спокойной и безмятежной. Тонкая лоза обвивает дерево; светлый ручей вливается в речной поток, человек тянется к человеку.

Темураз и Дария полюбили друг друга...

И все обстояло бы хорошо, если бы не желание Дарии остаться в городе: там она родилась и выросла, там сделала свои первые шаги; в городе ей был знаком каждый камень. Она привыкла к городскому шуму, к городской суете, к толпе на улицах. Ее тянул родной дом: родители учительствовали в одной из городских школ.

И когда Темураз предложил ей остаться в Доу, Дария засмеялась.

Засмеялась и — призадумалась. Нужен был совет. С кем же посоветоваться, как не со своим сердцем? А сердцем Дарии безраздельно владела любовь к Темуразу. И тут уж ничего нельзя было поделать. Трудно

справиться с высокой, крутой волной, подхватившей тебя и уносящей в море. А как же справиться с полюбившим сердцем? Дария расставалась с Темуразом, — а ей все мерещился его голос, Дария засыпала — и видела Темураза во сне. Не вспомнив имени Темураза, как говорит пословица, воды не пила.

И селение выпестовавшее любимого, стало представляться Дарии в ином свете. Она внимательно оглядывалась вокруг себя — и всюду узнавала родные городские черты: те же хитрые и сложные машины... А если чего и не хватает — так ведь все же в руках людей!

— Подумай хорошенько,—предупредил ее Темураз,— все-таки деревня — не город. Останешься, заскучаешь, начнешь жалеть...

— О чем? — спросила Дария. И сказала твердо и серьезно: — Я — советский человек. Скучать нигде не умею. Тем более в Доу.

Две дороги стали одной, два потока слились в один.

Наступили солнечные, ясные дни. Зазеленели, закурчавились склоны гор. Выбившаяся из-под земли трава неудержимо потянулась к солнцу. На строительстве торопились. Айтымба появлялся то на одном, то на другом участке: помогал, советовал, подгонял. Подбадривала строителей и стенгазета: отмечая лучших, Темураз стыдил отстающих; попадало от него и бригаде Дарии...

Дария не обижалась. Все, что было связано с Темуразом, становилось для нее дорогим; все вокруг напоминало ей о Темуразе. Услышит шум потока, взглянет на цветущие деревья — радуется: здесь живет Темураз... Заметит на дороге оброненную ветку, замедлит шаг, улыбается: может быть, эту ветку срубил Темураз... Остановится у стенгазеты — задумается: это писал Темураз, он хочет помочь ей...

Любовь, как весна: приходит весна — пышно расцветает земля; приходит любовь — еще сильней и прекрасней становится человек. Но, конечно, радость Дарии стала всеобъемлющей лишь ко времени, когда закончилось строительство электростанции.

Из города приехала комиссия во главе с секретарем райкома. Проверила работу дизелей. Люди с нетерпением ждали праздника: в этот день должен был загореться свет...

В день Первого мая селение Доу празднично преобразилось. Всюду полыхали флаги. Стены клуба пестрели плакатами. В клубе гремела радиола: молодежь устроила танцы.

В этот день Дарии сообщили, что она назначена директором электростанции. Темураз радовался этому не меньше, чем Дария...

Молодые монтеры, вернувшиеся с курсов, — Сампал, Рожден и Миха — протянули в клуб провода. Сампал остался в клубе, а Рожден и Миха высмотрели невысокую голую скалу и полезли на ее вершину. За ними черной змейкой побежал провод. На скале росло старое раскидистое дерево. Айтымба и Темураз укрепили на дереве репродуктор.

Вечером колхозники собрались в клубе. Алгери пришел со своей апхьярцой; его посадили в первом ряду. В зале было шумно; молодежь, собравшаяся у рояля, пела; старики неторопливо перебрасывались словами. Сумерки за окнами становились все гуще: они просачивались и в зал...

И вдруг — вспыхнул свет. Яркие лампы отшвырнули темноту к окнам, но и на улице ей пришлось потеснить-ся: навстречу огням клуба засияли освещенные окна колхозных домов. И сразу обнаружилось: колхозники пришли в клуб в праздничных нарядах. Всюду яркие краски, половодье красок! От неожиданности колхозники даже зажмурились. Но через мгновение, подхваченные общим порывом, вскочили с мест, зашумели, радостно забили в ладони...

Собрание было коротким. Свет в окнах красноречивей слов.

После собрания Темураз пригласил к себе домой инженера Айтымбу, Лео Гуриели, Дарию и Алгери — старик желанный гость: он умел сдобрить разговор острой шуткой, мудрым словом...

Было уже заполночь, а гости все еще не расходились. Вино сверкало под электрическим светом, чаши пустели и вновь наполнялись, тост сменялся тостом...

— Пора предоставить слово Алгери, — сказал Темураз.

— А, может быть, его апхьярце? — предложил Лео. Слова Лео заставили инженера пристально взглянуть на старика.

Алгери не заставил долго себя упрашивать. Он настроил апхьярцу и сыграл несколько шуточных песен. Отдохнув, он задумчиво провел пальцами по струнам апхьярцы. И по комнате, словно волны, поплыли нежные печальные звуки старинной песни — «Песни скалы».

И с каждым новым стоном струн все больше мрачнел инженер Айтымба. Темураз забеспокоился. Что могло огорчить его гостя?

Когда Алгери кончил играть и спрятал свою апхьярцу, Темураз подсел к инженеру и заботливо спросил:

— Может быть, ты устал? Пройди в комнату, постель приготовлена.

— Нет, спать мне не хочется, — грустно покачал головой Айтымба. — И если уж на то пошло, я расскажу, почему на меня так подействовала эта песня. Она напомнила мне детство. Далекое тяжелое детство... Я рано остался сиротой. Вот откуда мое имя[1]. Мать и отца убили меньшевики. Мне удалось бежать. «Песню скалы» любила слушать моя мать. Эта песня была последней песней, которую она услышала в жизни... Но—по порядку. Мы жили тогда на берегу Ингури...

На столе, зазвенев, подпрыгнули чаши. Это Алгери вскочил из-за стола и с криком бросился к инженеру:

— Сын! Ра-бис-тан!..

Отец и сын долго стояли, приникнув друг к другу. Наверно, электрический свет был слишком ярким: окружающие прикрыли глаза ладонями. Когда Алгери успокоился и снова сел за стол, его седые брови были нахмурены.

Не отрывая взгляда от сына, Алгери начал говорить:

— Мы жили тогда на берегу Ингури...

Темураз и Дария сидели, взявшись за руки, и молча слушали суровый рассказ о прошлом. А в окна врывалась радостная, торжественная песня: ветер нес ее на своих тугих крыльях с вершины обновленной скалы.

---

[1] Айтымба — сирота.

РАССКАЗ О СЕЛЫМБЕ

Провожая Селымбу, Шахусна сказала:

— В чужом краю ты можешь оставить все, не оставь там только любовь свою.

Селымба ответил ей долгим взглядом и Шахусна поняла, что этого ей и говорить не нужно было.

С самого начала сыновья дворян посмеивались над Селымбой.

— Мужик задумал жениться на дворянке! Зачем тебе Шахусна — ровня ли ты ей!

Но Шахусна говорила: — «Лучшее в человеке — это его душа. Если душа пуста, то и деньги и звание бессильны».

Селымба верил сердцу Шахусны, но сомнения одолевали его: до любви ли ему сейчас? Мысль о Дзикуре, старшем брате, мучила его днем и ночью. Турки увезли Дзикура в далекий Стамбул как заложника. Селымба знал, что если не найдет брата, то не будет ему радости и в любви. Он решил добраться до Стамбула и разыскать там Дзикура.

Потому-то и отправился он в Сухум-Кале, унося в душе своей чистый образ Шахусны.

... В ожидании, когда с парусного судна раздастся сигнал отплытия Селымба бродил по берегу. Он осматривал места недавних боев русского гарнизона с отрядами ставленника султана — Аслан-бека, прозванного отцеубийцей. В самом появлении турецкого парусника не было ничего необычного. Но красные фески так и сновали в порту, и было ясно, что хозяева их только и думают о том, как удрать из Сухумской бухты. С севера дул иной ветер, шел иной свет.

Густая пыль, неподвижно висевшая над полуразрушенной пристанью, к вечеру улеглась. Повеял влажный

ветерок, и парусник качнулся на волне, заскрипел снастями, медленно отвалил от пристани и вышел в открытое море. Плыл месяц, то скрываясь за редкими облаками, то показываясь вновь, и отражение его играло и дробилось в мелкой зыби. Парусник заметно ускорял свой ход, вздрагивая под порывами ветра. Пассажиры, страдавшие морской болезнью, безжизненно и тупо смотрели на море, расхаживали по палубе, глубоко вдыхая чистый морской воздух.

Кто были эти люди? Были ли они счастливы? Нет, довольных лиц что-то не видно: тот, у кого в кошельке мало золота, был недоволен тем, что его мало; тот, у кого золота много, боялся, как бы его не стало меньше, а тот, у кого его совсем не было, погружался в печальные думы.

Турецкий купец с необъятным животом смотрел на море, облокотясь на борт. То серебро, то золото переливалось в плещущих волнах, и купцу грезились, наверно, те звонкие монеты, которые текли к нему с табачных плантаций Эрзерумской долины, где, обливаясь потом, работали на него строптивые газы и армяне.

На палубе появился Селымба—стройная фигура в узкой черкеске, гордо поднятая голова, на поясе серебряный кинжал с золотыми насечками. Все оживились. У купца же красота молодого абхазца вызвала злобу.

— Из какой клетки вырвался и куда летит этот голубь? — спросил купец, насмешливо оглядев его с головы до ног.

Селымба вспыхнул, в горле у него пересохло от обиды. Оглянулся — везде покачивались красные фески чужеземцев.

— Голубь летит, чтобы клюнуть свинью! — громко ответил Селымба и вплотную придвинулся к купцу.

Тот воскликнул: — Во имя аллаха, получай! — и неуклюже ударил Селымбу ногой. Но абхазец устоял и сильным ударом кулака свалил купца на палубу. С криком: — Держись Рафет! — другой купец кинулся на помощь поверженному, но тут же пришлось ему пожалеть о своей поспешности: мгновение — и рукоятка кинжала Селымбы торчала над его ключицей.

Из маленькой каюты парусника, засучивая на ходу рукава, уже бежали турки. Могли ли они примириться с тем, что абхазец одолел их соотечественника! Встав

спиной к парусу, Селымба смелыми ударами встретил нападающих.

Турки наседали на него с дикими криками и ругательствами. Но сказано: остерегайся раненого кабана. На собственной шкуре познали турки мудрость этой поговорки.

Тем временем нападающих становилось все больше. Руки Селымбы начали слабеть от усталости. Он собрал последние силы, решительным ударом кинжала расчистил себе путь к борту, прыгнул и камнем полетел в море. В том месте, где скрыла его волна, вода вспенилась. Потом всплыла пола черкески, Селымба, мощными взмахами рук рассекая воду, плыл к берегу.

С неба сорвалась звезда и рассыпалась над морем на мириады ярких пылинок.

С тех пор, как Шахусна тайно проводила Селымбу в дальний путь, она почти не выходила из дома, — слезы ручьем лились из ее глаз, не было сил удержать их. Напрасно расспрашивала испуганная мать, что с ней. Шахусна молчала. Отец ее, Талкан, оскорбленный сватовством Селымбы, разгневался на дочь и несколько дней где-то стяжал себе славу кутилы и грубияна...

Талкан негодовал. Дерзкий мужик осмелился полюбить его дочь! Он унизил этим дворянское достоинство Талкана!

Талкан объявил, что убьет Селымбу.

В воскресенье к вечеру Талкан вернулся домой.

Хмурый и озлобленный, он потребовал ужин. Матери не было дома. Шахусна, усадив отца за стол, пошла с кувшином по воду.

Река протекала за развалинами башни. О башне этой была сложена легенда. Каждую ночь, говорили в народе, посещает башню невидимый дух, зажигает костер, догорающий к рассвету. Души погибших в бурной реке Кодор днем витают над рекою, а ночью слетаются к башне, чтобы погреться у костра. Почиталось грехом пройти мимо башни с наступлением сумерек. Это было неписанным законом для жителей села.

Но Шахусна забыла об этом погруженная в думы о Селымбе.

Если бы листья деревьев превратились в бумагу, ветви в перья, а человеческое воображение стало бы

подобно бушующему морю, то и тогда нельзя было бы описать радость, охватившую Шахусну, когда она увидела Селымбу. Он сидел среди развалин башни и неподвижно глядел в воду. Голос Шахусны показался ему голосом собственного сердца. Поэтому он не поднял головы. Шахусна снова окликнула его.

Селымба вскочил одним рывком. Живая Шахусна стояла перед ним и смотрела на него глазами, полными радости и счастья.

Оба долго не могли вымолвить ни слова.

— В такое время ты у башни? — произнес наконец Селымба и услышал смелый ответ:

— Как видишь, самое лучшее время.

Говорили они мало, но сказано было все. Через три дня молодые люди во что бы то ни стало поженятся, а там Селымба доведет до конца свое решение, поедет разыскивать брата.

На прощание Селымба протянул Шахусне три розы, стебли которых были вдеты в кольцо, три розы — три последних дня ожидания.

Как ни коротка была их встреча, на следующий день все село говорило о свидании Селымбы и Шахусны. Чего только ни наболтали длинные языки! Закипев черной злобой, Талкан решил осуществить свою угрозу.

Тайно от всех он оседлал коня. Только жена видела, как мелькнула тень Талкана, когда скрылся он за амбаром.

Суеверные люди говорят, что перед несчастьем петухи в селе кричат в неурочное время, волки и лисицы выходят из лесу, не боясь людей, а люди ссорятся друг с другом из-за пустяков.

В день свадьбы Селымбы и Шахусны не было этих зловещих примет, — все предвещало удачу. С утра Селымба напомнил друзьям о предстоящем похищении Шахусны, а сам поскакал в соседнее село к родственникам просить на время принять его с женой. На обратном пути Селымба отпустил поводья, отдавшись своим мечтам.

Неожиданно лошадь попятилась и встала на дыбы, Селымба огляделся. Ничего, кроме извилисто бегущей дорожки и молчаливого леса. Селымба дал шпоры коню, хлестнул его плетью. Конь медленно и осторожно

подался вперед. Время было к вечеру. В лесу стояла необыкновенная тишина, только дятел изредка постукивал по коре дуплистого дерева.

— Стой! — раздался внезапный крик. Не пройти тебе по этой тропинке!

Перед Селымбой выросла группа дворянских молодчиков.

Селымба не сразу понял, что дело плохо. Взглянув на знакомые лица односельчан, усмехнулся. «Шутники», — подумал он.

— Как не пройти? — отозвался он добродушно. — Тропинка принадлежит всем.

В ответ из-за дерева раздался выстрел. Среди листьев мелькнуло торжествующее лицо Талкана. Безжизненное тело Селымбы повисло на шее лошади. Снова тишина сковала лес.

Полный месяц плыл по небу, когда Талкан вернулся домой. Бурей он ворвался в спальню дочери.

— Не жди своего дружка, милая дочка!—крикнул он. — Если и увидишь его, то на том только свете!

Хлопнув дверью, Талкан вышел на балкон. Остановившись там, он ждал, что скажет ему дочь. Но Шахусна молчала. Она поняла все. Она поняла, что отец убил не только Селымбу, но и дочь свою, ее честь.

Никто не знал о ее любви к Селымбе. Теперь станут говорить, — и Талкан постарается об этом, — что Шахусна подговорила отца отомстить Селымбе за его ухаживания; станут глядеть на нее, подталкивая друг друга локтями:

— Смотри, это она погубила Селымбу!

— Какая низость! Толкнуть отца на убийство такого джигита.

Шахусна закричала:

— Нет, нет!

Она распустила свои золотые косы, ниспадавшие до пояса, накинула черную шаль и, выйдя из дому, медленно пошла в сторону разрушенной башни. Лунный свет заливал дорогу. Ночь была так светла, что оброни иголку, сразу найдешь ее в траве.

Дойдя до башни, Шахусна остановилась. Глубокая тишина сковала мир, только внизу, под обрывом, неумолчно шумел Кодор. Шахусна сбросила с себя шаль и подошла к крутому берегу.

В это время в селе поднялся крик. Это друзья привезли убитого Селымбу.

— И я за тобой! — крикнула Шахусна и кинулась с обрыва вниз.

ТЕМРАЗ И ЦИЦАНА

1

Когда Темраз поднялся в горы со своей отарой, его встретил ветер, напоенный запахом альпийских лугов.

Двое суток шел Темраз. За ним то верхом, то пешком следовала его жена Цицана с пятилетним Абрагом. Темраз и Цицана словно сбросили с плеч несколько лет, — такой животворной свежестью повеяло на них в горах.

Усталость как рукой сняло. Темраз с Цицаной решили тут же, не мешкая, взяться за сооружение шалаша.

В течение десяти лет каждую весну и лето Темраз выгонял скот на горное пастбище. Он заботливо выращивал молодняк, по-хозяйски умножая стадо, и вскоре слава лучшего пастуха в районе прочно закрепилась за ним. Суровая природа закалила и дух его и тело.

Подстать ему была молодая Цицана. Ведь не даром говорят в народе: у пасечника и кончик указательного пальца сладок. Рожденная у подножья гор, Цицана жила среди пастухов, привыкнув с детских лет к тяжелым горным переходам. Когда она подросла и стала сильной и крепкой, ей разрешили брать с собой охотничье ружье. Не раз Цицана вступала в единоборство с свирепым кабаном или настигала пулей быстроногого джейрана. Ее уважали за смелость и отвагу, отмечали ее красоту и ум. Здесь, среди скал и горных потоков зародилась любовь Цицаны к Темразу, могучая, как скала, буйная, как поток. Счастлив и горд был Темраз любовью Цицаны.

С тех пор прошло без малого шесть лет. Родился сын. Первое, что он увидел, раскрыв глаза: скалистые горы, бурные потоки и опьяненные счастьем лица отца и матери.

Мальчик рос и мужал с каждым днем. Крики маленького богатыря как бы перелетали от скалы к скале,

наполняя радостью сердца Темраза и Цицаны. За пять лет своей жизни Абраг побывал на пяти горах.

И сейчас, когда Темраз и Цицана строили шалаш, маленький Абраг беззаботно резвился подле них: то хватал барашка за его закругленные рога, то падал смеясь, то снова поднимался и снова падал.

Дни неслись, как воды потока. Скот сбрасывал старую шерсть, обрастал новой, рос и жирел. Счастлива была семья пастуха.

Кто поднимался на высокие горы, особенно в конце весны и в летние месяцы, тот знает постоянную изменчивость погоды на кавказских высотах. Вот выглянуло окаймленное золотыми кудрями утреннее солнце, и вдруг — все небо в облаках, повисающих на остриях иглообразных скал, словно бурки на человеческих плечах. Могучие молнии озаряют ложбины. Скот прячется под скалой. Бывалые собаки обходят стадо, как часовые, охраняющие пороховой погреб.

Однажды ночью разгулялась непогода. Сторожевые псы, не издавая ни звука, носились по кремнистой земле, готовые в любую минуту встретить зверя, если он дерзнёт приблизиться. Известно, что в бурную погоду, хищники смелей нападают на стада. Предвидя наступление бури, Темраз с заряженным ружьем обошел все узкие проходы, откуда угрожала возможная опасность.

Скалистая цепь гор, казалось, дрогнула под громовыми ударами. Непогода разыгралась. В такую погоду, согласно поговорке, хороший хозяин и дохлой кошки не выкинет во двор.

Внезапно в стаде поднялся переполох. Собаки, словно сговорившись, кинулись к проходу. За ними, держа ружье на изготовку, побежал Темраз. Вскоре собаки остановились, лай их усилился, и Темраз догадался, что они окружили врага и не дают ему двинуться с места. Темраз встал на колено, чтобы при первом же блеске молнии взять зверя на прицел. Молния сверкнула. В кольце лающих собак Темраз увидел человека и прикрикнул на собак.

Человек шагнул ему навстречу.

— Кто такой? — крикнул Темраз.

Человек ответил недовольным голосом:

— Всегда вот так: чем сильнее спешишь, тем больше помех на пути.

В незнакомце Темраз узнал Астана, своего односельчанина.

По всему видно, Астана принес неожиданные вести. Но, поздоровавшись с ним, Темраз воздержался от вопросов. Он ждал, когда гость расскажет сам. Они подошли к шалашу. Цицана стояла у входа с винтовкой.

— Как на войне! — засмеялся Астана.

Он скинул бурку, отдал ее хозяйке и стал вытирать мокрые лицо и руки. Тем временем хозяева стали готовить ужин для гостя. Наступило молчание. Темраз и Цицана ждали, когда Астана заговорит. Астана же своим молчанием давал понять, что вести не из приятных и нужно приготовиться, чтобы мужественно встретить их.

Долго раздумывал гость, с чего бы ему начать. Чтобы выиграть время, он наклонился над спящим Абрагом и принялся гладить его по голове, называя ласковыми именами: «Ты Абрскил наш», «Ты нарт Сасрыква неутомимый*».

Наконец он сказал:

— Спит, как ангел! Можно ли назвать человеком изверга, который хочет отобрать у тебя это счастье?

При этих словах Цицана уронила нож, которым разрезала сыр.

— Абраг — мой! Кто посмеет отобрать его у меня?— воскликнула она. — Что случилось, Джарма*? У тебя дурные вести?

— Враг ломится на Кавказ, немецкие фашисты, — проговорил Астана и, помолчав, продолжал: — Все, от малого до старого, вооружаются. Даже молодые девушки бегут в военкомат, требуя, чтобы их направили на фронт. Война стала народной. Нам поручено охранять скот.

— А разве мы... не способны держать винтовку в руках? — прервал его Темраз.

— Есть приказ беречь скот. Он нужен армии. Я то-

---

* Герой абхазского эпоса, нарт Сасрыква отнял силой огонь у великана людоеда и спас своих братьев от холода. Много подвигов совершил нарт Сасрыква — оттого он «неутомимый».

* Замужняя женщина не называет по имени родственников и близких соседей мужа, поэтому Цицана сказала «Джарма» вместо Астана.

же просился на фронт, понимаю тебя, Темраз. Но приказ есть приказ.

— Надо запастись патронами, — сказала Цицана, до сих пор молча следившая за искрами, летящими от костра.

Спустя неделю над скалами появились немецкие коршуны. Слуха пастухов достиг гром далеких взрывов. Война подошла к горам.

2

Темраз стоял на высокой вершине. Под ним с ревом несся горный поток. Из-под короткой бурки Темраза торчала винтовка. Временами пастух подносил к губам ачарпан,* сзывая скот.

По ту сторону потока, на другой вершине, стоял Астана. Оба зорко следили за лощиной, по которой бежал поток. На случай опасности условились о сигнале— выстрел.

Цицана осталась в шалаше. Не снимая с плеча винтовки, она варила ужин, готовила сыр из козьего молока, укладывая вещи на случай, если придется уходить. Время от времени она посматривала на запас взрывчатки, о которой на всякий случай позаботились мужчины.

Астана выстрелил. Темраз увидел тонкую струю дыма, и только через секунду услышал звук выстрела. Оба кинулись к шалашу; он стоял ниже по склону, ближе к лощине. Пока пастухи добирались до него, они услышали два выстрела, прогремевших один за другим. Стреляла Цицана.

Барс, защищая своего детеныша, впадает в такую ярость, что уже никакой враг ему не страшен. Оба пастуха подумали об этом, когда увидели Цицану. Страшный гнев был написан на ее лице. Прикрыв Абрага своей спиной, она стояла с винтовкой в руках на пороге шалаша, готовая к смертельной схватке.

Из лощины ползли немцы, — длинный ряд их касок напоминал темно-зеленую змею.

Пастухи проворно собрали стадо, и собаки-конвои-

---

* Ачарпан — род свирели.

ры, по их указке, погнали стадо в сторону южного перевала. Вскочив на оседланную лошадь и держа перед собой Абрага, Цицана поспешила за стадом. Пастухи, захватив взрывчатку, пошли навстречу немцам. Для обороны они выбрали место, где небольшая скала, как зонт, повисла над проходом. Этот проход враги не могли миновать, и пастухи спокойно приготовились встретить здесь непрошенных гостей.

Астана выстрелил первым, — с головы немца свалилась каска и покатилась вниз.

— Не подведи, винтовочка! — крикнул Темраз и тоже выстрелил.

Горный поток, обычно шумом своим тревожащий вековой сон гор, казалось, онемел. Гора грохотала. Грохотало эхо. Враг рвался вперед, но каждый шаг стоил ему крови.

Когда немцы оказались на расстоянии человеческого голоса, Темраз скомандовал:

— Закрывай ворота!

Астана подбежал к веревке, конец которой был привязан к висящей над проходом скале, и потянул ее на себя. Дым и комья земли одновременно взлетели в воздух.

— Ворота закрыты! — рапортовал Астана.

— А теперь—догонять отару! — крикнул Темраз.

Надвигалась ночь. Упал низкий, густой туман.

Поговорка гласит: нужда заставит, — море перешагнешь! Пастухи шли быстро, и, несмотря на крутые кремнистые тропы и тяжелый туман, уже через час наткнулись на козленка, отставшего от стада. Впереди видна была отара, но Цицаны не было.

«Где же она?» — толкнулась тревожная мысль. Но ни тот, ни другой не высказал этого вопроса вслух.

Астана полагал, что Темраз вправе обидеться: почему сторонний человек заботится о чужой жене? Муж налицо — ему и отвечать за жену и ребенка.

А Темраз жаждал в душе вопроса Астана; по обычаю, мужу не положено открыто высказывать беспокойство за жену: что бы ни случилось, он должен казаться равнодушным, хотя бы вся душа его изнывала.

Пастухи двинулись дальше; тревога их возрастала. По всему видно, Цицана не могла опередить стадо. По

неписанному закону гор, женщина с наступлением тумана должна укрыться где-нибудь под скалой. При каждом шорохе пастухи ждали, что вот сейчас увидят Цицану. Но Цицаны не было.

Наконец Астана остановился.

— О чем ты думаешь? — спросил он.

— Цицана... — помимо воли вырвалось у Темраза, ибо, как говорится: мысль, прячась в душе, шевелит губами.

— Да, Цицаны не видать, — сказал Астана.

— Не видать, — глухо подтвердил Темраз; помолчав он добавил: — ты иди с отарой, я подожду, — может тропинка развела нас в разные стороны.

Астана со стадом пустился в путь, а Темраз остался на краю скалы и долго смотрел на бурлящие волны потока. Было ясно, случилось несчастье. Дикая серна, выскочив из леса, стрелой метнулась назад, в чащу — Темраз так и не заметил ее. Когда роса, упавшая на камни и листья деревьев, заблестела на солнечных лучах, Темраз очнулся. Схватив ачарпан, он заиграл самую печальную песню — «Песню скалы». Казалось, от звуков этой песни вянут листья и тускнеет блеск росы.

После двухдневных бесполезных поисков Темраз в серой шинели выходил с группой байцов из военкомата. Его просьбу об отправке на фронт уважили.

3

На левой стороне реки Десны раскинулось село Белая Береза. От самой околицы его начинается прославленный Брянский лес, гостеприимный для друзей и грозный для врагов. На поляне, расположенной между Десной и опушкой леса, и сейчас еще видны следы недавних боев. Под могильным холмом похоронен неизвестный боец, павший за то, чтобы жизнь была светла, как солнце.

Когда над поляной встает утреннее солнце, неутомимый соловей еще продолжает свою песню и росинки устилают поляну сверкающим ковром, кажется, сама Десна замедляет бег, чтобы наглядеться на эту благодать, насладиться соловьиными коленцами.

В такое вот прекрасное летнее утро 1943 года из лесу

вышли два человека и, оглядываясь по сторонам, направились к реке. У переднего на груди висел бинокль, а за поясом торчал пистолет. На нем была короткая, подпоясанная ремнем, кожаная куртка, кавказские сапоги и папаха. Борода и глубокие морщины казались как бы чужими на его молодом лице. Не годы, а тяготы войны наложили на него свою печаль. Следом за ним шел юноша с автоматом и, наклонив голову, ждал его распоряжений. Но старший молчал. Его отсутствующий взгляд говорил о том, что он не столько смотрит, сколько прислушивается.

— Товарищ командир! — начал было юноша.

— Тсс!..

Юноша тоже насторожился. Среди однообразного шума листьев он вскоре услышал едва уловимый стон.

— Слышишь? — шепотом сказал командир.

— Слышу, товарищ командир.

— Это там, — сказал командир, повернувшись, — вон, где большой дуб.

Командир партизанского отряда «Бей фашиста» товарищ Черный обладал одной особенностью: кто бы ни шел в разведку, даже самый опытный боец, он всегда лично проверял выполнение задания, иначе душа его была не спокойна. В отряде были разведчики, заслужившие у врага прозвища, — эти прозвища говорили сами за себя. Были, например, такие: «человек-невидимка», «красная чума», «ночная мышь». И все же Черный проверял работу каждого из бойцов. Эта лишняя, на первый взгляд, бдительность Черного не раз оправдывала себя.

В ответ на упреки разведчиков он говорил:

— Ты обнаружил дивизию врага в походе, а я заметил автоматчика на дереве.

К сведениям, принесенным разведчиками, Черный добавлял свои наблюдения; в результате он составлял себе более цельную картину обстановки.

Так случилось и сейчас.

Убедившись, что в селе Витемля, на противоположном берегу Десны, не заметно признаков жизни, Черный вместе с адьютантом направился к дубу. Юный автоматчик опередил его, бросился вперед и бегом вернулся обратно.

— Женщина с мальчиком и немец, — торопливо доложил он.

— Немец? — переспросил Черный, вынимая пистолет.

— Немец мертв. Стая мух жужжит над ним.

Они подошли.

У подножья старого дуплистого дуба лежала женщина. Она чуть приоткрыли веки, посмотрела на Черного и снова закрыла их. Казалось, она лишилась чувств. Мальчик лет семи собирал поодаль листья и желуди. На оклик командира он даже не повернул головы, так был увлечен своим занятием. Черный подошел к убитому немцу. На груди фашиста ссохлась кровь. Рана не была похожа на пулевую, скорее всего удар был нанесен ножом. Левая рука немца судорожно прикрывала правый глаз; лицо его было изуродовано каким-то тяжелым предметом.

— Да, тут сошлись один на один,—заметил Черный и выпрямился, — но кто и с кем?

Адьютант поднял каску, валявшуюся в трех шагах от трупа.

— Края в крови, — доложил он.

— Сейчас постараемся уточнить картину, — сказал Черный и снова нагнулся над убитым.

— Первый удар, — начал Черный, как бы читая по книге, — нанесен в грудь — по-видимому, ножом; второй — в глаз — нанесен острием этой каски. Немец схватился за глаз — это было его последним движением.

Удовлетворенный собственной догадкой, командир подошел к женщине. Возле нее стоял мальчик, жалобно глядя на мать и недоверчиво на пришельцев.

— Мама заболела? — спросил Черный.

Мальчик не ответил.

Женщина открыла глаза и хотела сказать что-то, но вместо слов у нее вырвался тяжелый стон. Мальчик, быстро заговорив на непонятном командиру языке, протянул матери желуди. Женщина отвела его руку.

— Воды? — спросил, нагнувшись, адьютант.

— Воды, воды! — простонала женщина по-русски.

Она жадно схватила флягу, которую поднес к ее губам адьютант, и осушила ее до дна. Видно было, что она не утолила жажды.

— Разрешите наполнить флягу, товарищ командир? — спросил адьютант.

— Обойдешь поляну. Только скорее!

Женщина, перестав стонать, прошептала:

— Спасите... ребенка...

— Откуда вы?

— Далеко, далеко... Нас гнали... Вот он гнал... — женщина кивнула головой на немца.

— Кто его убил?

Глаза женщины испуганно вскинулись на Черного.

— Не бойтесь, мы свои, — угадав ее мысли, сказал Черный.

Эти слова вернули женщине самообладание. В глазах ее блеснули слезы радости.

Она заговорила:

— Я шла с мальчиком позади людей, таких же, как и я, измученных... Он начал приставать ко мне... И я, когда дошла до поляны, схватила мальчика — и в лес... Он заметил... Догнал, избил, а потом снова стал приставать, уговаривать, угрожать... Он нарезал хлеба и приказал: «Сядем, у меня есть сало, подкрепимся». Когда он потянулся к сумке с едой, я схватила нож, которым он резал хлеб, и ударила его в спину... Он резко повернулся ко мне, но я успела ударить его в грудь, схватила каску и изо всей силы швырнула ему в лицо... Ему удалось ударить меня прикладом автомата. Ох, тяжело... Третий день я здесь...

Когда адьютант принес воды, женщина напоила ребенка и напилась сама.

— Как вы попали к немцам?

— Я заблудилась... У нас такие туманы в горах... хуже темной ночи... Заблудилась и попала к немцам...

— Где эти горы?

— Кавказ... В эшелоне нас везли одиннадцать дней...

Пока командир разговаривал с женщиной, адьютант ушел в партизанский штаб за подводой и людьми.

Вечером в землянке штаба Цицана рассказывала партизанам о своих злоключениях.

* * *

Разгромленные и распыленные, охваченные злобным отчаянием, вражеские дивизии ничего и никого не щадили на своем обратном «марше». Уцелевшие мирные села были превращены в руины. Стариков и женщин толпами

гнали на запад, а тех, кто не мог или не хотел уходить, свирепо уничтожали.

Черному важно было установить связь с Красной Армией и определить пункт для совместного выступления. Посланный с этой целью прославленный разведчик Вано не возвращался уже двое суток. Обеспокоенный Черный разослал бойцов на его поиски. В числе последних была Цицана, — в короткий срок она сделалась боевым разведчиком, снискав общее признание своим бесстрашием, находчивостью и ловкостью.

Где же Вано?

Мысли Черного были прерваны конским топотом. Он поднял голову, — в серой шинели, с автоматом на груди подъехала Цицана.

— Разрешите доложить, товарищ командир! — громко крикнула она. — Ваше приказание выполнено. Вано возвращается вместе с тремя красноармейцами. Местом встречи с частями нашей армии указан этот лес.

— А Вано? Жив? — спросил Черный.

— Ранен...

— Вано ранен! — Черный покачал головой.

Чтобы скрыть свое волнение, он громко крикнул обступившим его партизанам:

— В ружье!

Партизаны исчезли так же внезапно, как и появились. Командир взглянул на всадницу, испытывая теплое чувство благодарности к ней. Он вспомнил старый дуб и мальчика, собиравшего под ним желуди и листья. «Кто бы сказал тогда, — подумал он, — что эта истощенная, обессиленная женщина станет моим боевым помощником!».

Черный сказал Цицане, взглянув на часы:

— Враг для прочесывания леса бросает две стрелковые дивизии. В шесть ноль-ноль он начнет наступление. Поезжайте и сообщите первому и второму батальонам мой приказ: окопаться за селом и на подступах к нему. Мы должны разгромить врага.

— Слушаюсь, товарищ командир.

— Я с резервом выступлю в надлежащий момент.

— Есть.

— Абраг останется со мной.

Суровое лицо разведчицы осветилось материнской улыбкой.

— Абраг!.. Нет, я не отпущу его от себя.

Уже сгустились сумерки, когда Цицана закончила рыть окоп.

Абраг, глядя в окоп, спросил:

— Мы будем здесь спать?

Цицана не ответила.

— Здесь нам будет тесно, мама.

Невдалеке раздались два глухих выстрела. В небе, как мыльные пузыри, повисли два огненных шара.

— Ой, какие красивые шары! — закричал мальчик.

Как бы в ответ на возглас мальчика, со всех сторон послышались выстрелы.

Началась атака.

До начала боя Цицана строго наказала Абрагу: при выстрелах надо прятаться за дерево или в канаву. Она беспокоилась, как поведет себя мальчик во время боя. Оказалось, что он очень доволен. Для него это была игра.

Когда раздались первые выстрелы, Цицана стала складывать около себя патроны. Не обнаружив Абрага, она перепугалась, у нее захолонуло сердце, и тут же услыхала его голос:

— Мама, здесь хорошо, иди сюда!

Мальчик лежал в окопе.

Слезы навернулись на глазах Цицаны от нежности к мальчику. Но от них, этих слез, она стала еще злее, схватила винтовку и залегла под деревом. Бой разгорелся. Снаряд разорвался так близко, что земля зонтиком взмыла над окопом мальчика. Абраг, не сообразив, в чем дело, высунулся и стал отряхиваться.

— Ложись! — крикнула Цицана.

— Мама, здесь грязно! Я вылезу.

Цицана подползла к мальчику и силой заставила его спрятаться в щели.

Автоматная пальба внезапно смолкла. Послышалось могучее русское «ура». Цицина поднялась и увидела, как атакующие немцы, повернув, беспорядочно бегут назад. Радость, охватившую ее, она хотела разделить со своим сыном.

— Смотри сюда! — крикнула она. — Видишь, как бегут немцы? Испугались!

— Мама, они плачут?

— Хуже — воют!

Цицана и Абраг побежали вслед за бойцами. Вскоре Цицана вынуждена была остановиться — мальчик устал. Он расстегнул свою шинельку, снял шапку-ушанку и еле волочил ноги. Куст, мимо которого он проходил, зашевелился.

— Стой! — крикнула Цицана.

Быстро заслонив мальчика, она подняла над кустом гранату.

— Руки вверх! — крикнула она.

Немец, скрывавшийся в кустах, притворился мертвым. Цицана схватила его за плечо и так сильно рванула «мертвеца», что он сразу ожил.

Вскочив, немец схватился за автомат, но дуло карабина Цицаны смотрело ему прямо в лицо.

— Вперед! — скомандовала женщина.

Обложенная пороховыми тучами надвигалась ночь, когда Цицана и Абраг привели немца в село. Их остановили бойцы Красной Армии и повели в штаб.

— Надо разобраться, — сказал один из них.

В штабе командир полка слушал рапорт Черного.

— Три часа отдыха, — приказал полковник. — Завтракать будем за Десной. А там...

Его слова оборвал вошедший адьютант.

— Товарищ полковник, доставлены женщина с ребенком и немец.

— Где они?

— Здесь.

— Веди сюда.

Черный не сразу узнал Цицану и мальчика, так они были испачканы грязью и опалены. Только голос Абрага развеял его настороженность.

Указывая на часового, Абраг спросил у матери:

— А этот дядя зачем пришел?

Все рассмеялись.

— Женщина и мальчик — люди из моего отряда, — сказал Черный.

— А немец откуда?

— В кустах поймала! — ответила Цицана.

— Мальчик ваш? — спросил полковник, приподняв очки.

— Мой!

— Откуда вы?

— С кавказских гор.

При этих словах часовой, стоявший у дверей, сделал два шага вперед и пристально посмотрел в лицо женщине и ребенку.

Полковник приказал «передать обоих в санитарный батальон». Нельзя сказать, что это распоряжение пришлось Цыцане по душе. Ей большо хотелось носить винтовку, чем таскаться с санитарной сумкой. Она искренне считала, что ухаживать за ранеными — слишком мирное занятие.

— Какая из меня медсестра! — говорила она.

Но прошло несколько дней, и Цицана так освоилась с новым для нее делом, что бывалые медицинские сестры, работавшие с первых дней войны, только дивились ее сноровке, нежности и чуткости к искалеченным людям.

— Боль бойца — моя боль! — коротко говорила Цицана.

Никто не подозревал, глядя на нее, сильную и жизнерадостную, как страдала она сама при виде чужих страданий.

Больше месяца минуло с тех пор, как Цицана сообщила домой о своей судьбе. Она ждала, что письма к ней хлынут потоком. Но ожидания ее не сбылись; не пришло ни одной весточки. Цицана не знала, что и подумать.

Однажды, декабрьским утром, два бойца привели тяжелораненого сержанта. Не только тело, но и лицо его было перевязано. Он тихо стонал, когда Цицана укладывала его на койку, не отвечая на вопросы и не поднимая глаз.

Всю ночь он без устали говорил о величавых скалах, о беззаботных орлах...

— Бредит, — сказал врач.

Цицана знала слабое место каждого бойца.

И она сказала раненому:

— Пришел почтальон. Хотите послать письмо домой?

Боец попытался приподняться и сейчас же со стоном упал на подушку.

— Не перемогайте себя, я буду писать, а вы диктуйте...

Раненый ничего не ответил. Цицана повторила. Боец молчал.

— Мне некому писать... и некуда...—наконец прошептал он, словно говорил сам с собой.

— Как некому? Мать, жена, дети, — кто-нибудь есть же у вас?

Раненый приоткрыл глаза.

— Где я? Не во сне ли мне чудится все?

— Нет. Вы в санбате...

После долгого молчания Цицана услыхала его слабый голос:

— Пишите... — И он стал диктовать лихорадочным шепотом: — «Прости, мать, что я долго молчал... Но вы сами сказали, чтобы без них я не показывался домой».

Раненый прижал ладонь к глазам.

— Без кого?

— Я не нашел их, но найду, где бы они ни были...

— Кого вы потеряли? — спросила Цицана. Сердце ее защемило от жалости.

Раненный продолжал:

— «В предгорьях Кавказа я не нашел их, на Кубани тоже не нашел, на Украине тоже не нашел. А ведь сколько городов и сел встречалось мне на пути! Но если они живы, я их найду, хоть в самом Берлине».

— Скажите адрес, кому послать письмо.

— Не надо. Не надо посылать письмо...

— Почему?

— Мать не захочет читать такое письмо. Она никогда не простит мне: я не уберег жены и ребенка...

Цицана порывисто вскочила с места. Сердце ее гулко колотилось. С силой сдерживая себя, она спросила:

— Вы когда-нибудь прежде встречали меня?

— Нет, не встречал... но голос знакомый...

— Вот как сильно я изменилась!..

Темраз широко раскрыл глаза:

— Цицана... Абраг...

И сознание покинуло его

Маленький Абраг удивленно переводил глаза с плачущей от счастья матери на неподвижно лежавшего бойца.

Вызванный сестрами врач коротко сказал:

— Ничего опасного. Глубокий обморок.

НЕПРОЛИТЫЕ СЛЕЗЫ

—... Реку, о которой пойдет сейчас речь, самой знаменитой в России назвать, пожалуй, нельзя. Мало ли в России великих рек, вблизи которых совершались исторические события и ныне и в давние времена! Но с той рекой душа моя сроднилась навеки, и когда я вижу сейчас горный поток или даже незаметный лесной ключ, я думаю невольно, что они несут воды той, моей реки! —.

Здесь Дамей замолчал и острым взглядом оглядел тех, кто окружал его. Все сидели тихо, по-стариковски внимательно прислушиваясь к каждому слову рассказчика. Они хорошо знали Дамея и гордились им. Это он, когда враг подошел вплотную к Санчарскому перевалу, остановил со своим отделением большой отряд немцев. Подобно прославленному Напха Кягуа, он избавил от плена детей и женщин, которых фашисты согнали в ущелье.

Дамей об этом никогда не рассказывал. Не рассказывал он и о своих подвигах на фронте, а о них шла громкая слава.

И вот Дамей говорит почему-то о реках России. Старики и старухи, сидевшие вокруг него, еще не понимали, зачем собрали их сюда в этот чудесный весенний вечер. Ах, что за дни, что за вечера в Абхазии весною! Но трудно забыть свои горести и заботы, которые у каждого лежат на сердце. Один ждет весточку от сына, надеется, что вернется он к родному очагу и, как свет во мраке, разгонит темное беспокойство ожидания. Другой нащупывает в кармане зачитанное до дыр письмо единственного своего наследника и рисует в воображении желанное счастье: вот окружают его, старика, проказливые мальчишки и обращаются с должной почтительностью, но настойчиво:

— Дед, почему не готовитесь к свадьбе?

А то еще и так:

— С вас подарок, дедушка, — сына жените!

Ах, сколько радости прибавилось бы у всех, если б и старухе Уарчкан можно было сказать:

— Твой сын вернулся, вернулся с победой! Ликуй, пляши, не скрывай счастья своего!

Дамей продолжал прерванный рассказ:

— Была вот такая же весна. Враг отступал и, как раненный дикий кабан, кидался на все, что попадалось ему на дороге. Надо было задержать его во что бы то ни стало. И вот партизаны собрались на берегу тихой Десны. Десна!, — так называется она, моя река Десна!

— Вечерело. Было тихо. Уснул Брянский лес: ни шороха, ни шелеста. Мерцал на темном небе Млечный путь. На него-то и показал нам командир. «Вот оттуда, — сказал он, — с юго-востока и надо ждать врага».

Партизаны заняли позиции, а сам он (звали его Махария) с тремя бойцами направился в сторону моста, пропал в темноте... Да....

Дамей снова задымил своей трубочкой.

— И вот неожиданно загрохотала артиллерия. Близко от нас стали рваться снаряды.

«Накрыли! Заметили! Весь наш план летит к черту!» — заволновались партизаны.

Но командир приказал не отвечать на выстрелы. Немец просто проверяет, охраняется ли мост. Пусть себе проверяет! Так и оказалось.

Через полчаса на противоположном берегу Десны показалась немецкая пехота. Немцы пошли через мост, в своей безопасности они были уверены. Тут-то и отведали они нашего партизанского угощения! Земля вдруг вздрогнула. Река вздыбилась и, казалось, потекла вспять. В небо ударили молнии. Звезды заволокло дымом. Было так, как будто началось извержение вулкана.

Дамей передохнул.

Самое тяжелое в этом рассказе было впереди.

Слушатели и не догадывались об этом. Они терпеливо ждали. Но Дамей как будто набирался духу. Он огляделся.

Вот сидит пожилая Уарчкан, безучастно глядя на тлеющие угли. Так, наверное, вспыхивают и вновь уга-

сают ее надежды. Третий год ждет она вестей от сына. Но молчит Саатба. Забыл, видно, старуху-мать. Другие пишут, другие возвращаются... Пусть только вернется ее Саатба... Если мать и упрекнет его, то лишь так, при случае. Пусть только вернется...

Дамей всмотрелся в ее лицо. Чует ли старая мать недоброе?

...В селе знали о гибели ее сына, но никто не решался сказать ей об этом. Ждали возвращения Дамея, друга Саатбы. Вместе они ушли на фронт, и вместе сражались друзья в партизанском отряде на Брянщине. И вот Дамей вернулся. Уарчкан не расспрашивала его о сыне. Ждала, когда придет сам, расскажет, успокоит мать. Но Дамей все тянул с этой встречей. Он обдумывал, как бы осторожней и бережней рассказать ей о том, что знал!

Тамагу, председатель колхоза, сказал, что старухе легче будет узнать о несчастье на людях. Под видом встречи с бывалым фронтовиком и созвал он стариков и старух в дом Дамея.

...Теперь, понимая, почему замялся рассказчик, Тамагу поспешил к нему на выручку.

— Как это было? — спросил Тамагу. — Кто же взорвал мост, когда по нему проходила немецкая пехота?

— Взрывчатку заложили три партизана. Это было сделано мастерски: громадный железный мост вместе с людьми, танками, орудиями, как игрушечный, взлетел на воздух...

Старики восхищенно закачали головами.

Один из них спросил:

— Но кто же эти молодцы?

Дамей сделал вид, что не слышит вопроса.

— Потом наши открыли огонь, — продолжал он. — Ну и дали жару немцам! А тут еще подоспели части Советской Армии и довершили дело. Немало фрицев нашли себе могилу в Десне и на ее берегах. Но на берегах Десны белеет и обелиск, который поставили мы. Это памятник двум героям, павшим весной сорок третьего года во славу весны сорок пятого.

— Ты забыл, о чем я тебе спрашивал?

Кто эти герои? Почему ты не говоришь их имена?— снова повторил старик, обиженный невниманием рассказчика.

Дамей, опустив глаза, медленно произнес:

— Нет, я не забыл... И никогда их не забуду. Я был тогда вместе с ними. Я уцелел, они погибли. Один из этих смельчаков носил имя... Саатба...

Уарчкан громко вскрикнула. Потом она стала озираться словно кого-то разыскивала вокруг себя. Затем встала. Видно было, что для этого она собрала все свои силы.

Она сказала:

— Не плачу я... Не плачу. Мой Саатба... Мой герой!..

Уарчкан медленно пошла к выходу.

Люди встали и молча последовали за ней. И сердца всех заполнила одна мысль:

«Как же велика и могуча сила, способная остановить материнские слезы!...».

СВЕТ ЧЕРЕЗ РЕШЕТКУ

I

Вот уже целую неделю Адамур здесь. До мельчайших подробностей изучил он каждую трещину грязносерых, в сырых потеках, стен камеры, потолок, тусклую лампочку в жестяной сетке, заложенный кирпичами оконный проем.

Адамур встал, прошелся по камере. Четыре шага туда, четыре обратно.

Уже можно ходить, не цепляясь за стены. Нога заживала. Еще шаг, еще один. При некотором усилии можно даже ходить прямо. Четыре шага от окна к двери. Еще четыре...

Но вот шаги, гремят ключи. Это тюремщик, немецкий солдат Дант. Надо торопиться. Когда немец входит, Адамур уже лежит на своей деревянной койке и, громко охая, растирает больную ногу. Тут же он на чем свет стоит ругает немца. Глупо ухмыляясь, тюремщик начинал:

— Кто виноват... Сидел бы себе тихо дома, вместо того, чтобы прыгать с парашютами. И ничего бы не случилось...

Адамур молчал, еще яростнее растирая ногу. Хоть пока это и кажется невероятным, но вдруг забрезжит слабая надежда на спасение? Пусть, на всякий случай, немцы считают его слишком больным, чтобы думать о побеге.

Немецкий офицер и девушка-переводчица уже два раза заходили к арестанту. Но Адамур молчал, только изредка стонал. Ничего не добившись, они уходили.

— Ну ничего, ты, миленький, в моих руках! — бормотал сквозь зубы Эрих Шульц.

Комната подвального этажа школы, которую немцы

превратили в тюрьму, предназначалась для «крупных людей», чьи показания могли быть важными — партизан, ответственных работников, коммунистов, пленных красноармейцев. Если показаний вырвать не удавалось, заключенных вешали. К «крупным людям» был причислен и Адамур.

Неделю тому назад Адамур спустился на парашюте недалеко от города Крупец. Приземляясь, сильно ушиб правую ногу. Уйти он не мог. Отстреливался до последнего патрона; двух врагов застрелил. Догадываясь, что немцы хотят взять его живым, он последнюю пулю оставил для себя. Но подкравшийся сзади солдат схватил его за руку в тот самый момент, когда Адамур подносил пистолет к виску.

О, как обрадовался новому пленному Эрих Шульц! Пять танков новейшего образца не привели бы его в такой восторг.

Адамур был готов к самому худшему. Но с первого же дня он был удивлен отношением к себе. Его не били; на койке была солома; пища была, конечно, плохая, но есть было можно. Разговаривали с ним вежливо и обходительно. Во всяком случае, грубостей от них он не слышал. Даже главный — офицер Эрих Шульц — при первой встрече с Адамуром говорил так:

— Прекрасный молодой человек! Он достаточно строен и красив для того, чтобы его можно было пожалеть!

— Напрасно! — думал Адамур каждый раз после посещения Шульца. — Не на того напали!

Больше всего узника угнетала мысль: он, Адамур, не смог выполнить задания! Сейчас он должен быть у партизан, наладить радиосвязь с Большой землей, а вместо этого, не успев повоевать, оказался в плену. Но где Алиса? На свободе ли она? Нашла ли она партизан?

Еще полгода не прошло, как началась война, думал Адамур. Враг еще силен, он уже у Москвы. Что сделал он, Адамур, для своей Родины? Ровным счетом ничего! Другие погибают на фронте, с оружием в руках... А он погибнет безо всякой пользы в фашистском застенке, даже не выполнив боевого задания!

Он прошел радиотехническую подготовку. — Желаем удачи, товарищ, мы крепко надеемся на тебя, — сказали

ему на прощание. А он? Где сидит он, сложа руки? Может быть, кончить все разом? Удариться головой об стенку, зубами перегрызть вены? Кровь выйдет — и конец...

Все мрачнее становились мысли Адамура.

Он в руках врага. Раньше даже во сне не верилось в это. Но это не сон, это явь. Это факт, и от него не уйдешь. Говорят, лучше горькая правда, чем сладкий обман. Он в плену. Конец. Неужели конец? Нет, так просто он не сдастся!

Адамур вскочил. Медленно подошел к двери. Несколько минут прислушивался, приложив ухо к замочной скважине. Ничего не слышно, только за окном пронзительно свистит ветер. Адамур снял сапог и вытащил спрятанный в него комсомольский билет. Долго смотрел на тоненькую книжечку. Прижал её к щеке. За дверью раздались шаги тюремщика. Адамур спрятал билет.

Вместе с тюремщиком вошла пожилая женщина с ведром и тряпкой. Одета очень бедно, худая, морщинистая. Выглядела она как-то виновато, словно всем своим видом хотела сказать Адамуру: «Прости, сынок, перед тобою я виновата».

— Ты делаешь медленно. Убери, чтобы здесь было чисто! — прикрикнул Дант на женщину. Уходя, он сказал Адамуру, как всегда, глупо ухмыляясь и старательно выговаривая русские слова:

— Я сегодня вижу, что боль на ваших ногах меньше. Посвистывая, он пошел по коридору. Адамур, скрестив руки и вытянув больную ногу, сидел неподвижно на своей койке, прислонившись к стенке.

Женщина принялась за уборку камеры. Когда немец был уже в дальнем конце коридора, она, не поднимая головы, сказала:

— Давно ты здесь, сынок?

— Около недели; почему вас это интересует?

— Плохи твои дела, сынок, дочка рассказывала.

— Кто твоя дочь, откуда она знает?

— Она переводчица. Ты видел её, она заходит к тебе с офицером.

— А, знаю, это та, которая за немецкий шоколад продала свой народ?

Женщина сразу подняла голову и взглянула в глаза узнику. Страдание и горечь были в этом взгляде.

— Не говори так сынок... Моя дочь не изменила Родине. Она ничуть не хуже, чем Алиса..., и ты поймешь это... Нет, она не уступит Алисе, моя Нина!

— Как? Что вы сказали? — вскочил Адамур. — Алиса? О какой Алисе вы говорите?

Женщина хотела что-то сказать, но немец уже подошел к самой двери.

— Быстро, быстро, я тебе сказал!

Адамур молча сидел на койке. На дворе вьюга все усиливалась. Ветер выл, как стая голодных волков. Вдруг сквозь шум вьюги до узника донесся пронзительный женский крик. Адамур вздрогнул. Женщина то кричала, то рыдала, говорила какие-то непонятные слова... Голос то доносился отчетливо, то еле слышно. Иногда она кричала так, как будто в нее медленно вонзали острый нож. Вдруг она замолкла. В камере опять был слышен только вой ветра.

Взгляды Адамура и солдата встретились. Сытость, довольство и тупое торжество прочел юноша во взгляде немца. Адамур отвернулся.

Женщина окончила уборку. Выпрямившись, взглянула на Адамура. Казалось, она хотела что-то сказать. Но в это время раздался голос Данта.

— Убирайся!

Сам он вышел следом и тщательно запер дверь.

Адамур попрежнему сидел неподвижно и думал. Было от чего запутаться мыслям. Откуда уборщица знает Алису? Кто кричал минуту тому назад? Есть ли между этим какая-нибудь связь? Вот уже неделя, как его «прикармливают» здесь. Когда к нему пришли в первый раз, он не дал никаких показаний. Во второй раз тоже. После этого никто больше не приходил. Что это все значит? И ко всему прочему эти слова уборщицы: «Ты поймешь, что моя дочь не хуже Алисы...».

На другой день утром Адамур проснулся от звона ключей тюремщика. Дант вошел к нему с каким-то узелком.

— Офицер прислал тебе белье для смены, — сказал он и положил вещи на койку.

Адамур чуть улыбнулся, потом нахмурился. Опять возникли те же мысли, что и вчера. Почему ему принесли эти вещи? Что за непрошенная забота?

Как только тюремщик вышел из камеры, он лег на кровать и закрыл глаза.

«Если белье загрязнится, — мысленно говорил себе Адамур, — его легко можно отмыть водой. Но если здесь, в тюрьме, будет запятнана моя совесть, то какая вода отмоет её? — Нет такой воды. Кровь, только кровь — вот что может очистить совесть...».

Вся жизнь прошла в эти часы перед юношей.

...Вот маленький Адамур. Он сидит на берегу Баслы, опустив удочку в воду. В летние дни с утра до полудня его всегда можно застать здесь. Рябит в глазах от солнечных бликов, дрожит и неожиданно рвется из рук леска. Тогда сверкнет на солнце рыбка, и радостно сожмется сердце маленького рыболова.

А после полудня он шел с отцом и матерью купаться в море. Он так любил нырять, заплывать далеко в море. Когда уставал, садился на теплый песок рядом с отцом и начинал спрашивать:

— Папа, почему море все время волнуется? Почему оно хоть один день не может быть спокойным?

Отец мальчика, учитель Мехтат, начинал не спеша объяснять, и природа оживала, становилась близкой, понятной.

— Возьми свои руки и приложи к сердцу, — говорил он. — Приложил? Что ты чувствуешь под рукой?

— Сердце бьется — тук-тук, отец.

— Это так. Но когда-нибудь твое сердце переставало биться?

— Если оно перестанет биться, я же умру!

— Вот я и отвечаю на твой вопрос. И море тоже имеет какую-то силу, которая заставляет его волноваться, как живое сердце. Поэтому оно никогда не бывает спокойным.

Адамуру хочется знать все. Со своей матерью, преподавательницей немецкого языка, он много занимается и пробует говорить с ней по-немецки даже за столом, сердя отца. Язык дается ему легко. В десятом классе он уже свободно читает в подлиннике стихи Гете и Гейне.

В институте Адамур выбрал исторический факультет. Домой он писал, что историком решил стать уже давно, а знание иностранного языка поможет ему в этом.

Адамур учился на втором курсе, когда началась война.

Он окончил курсы радистов, и его, как знающего немецкий язык, вместе с окончившей эти же курсы Алисой, командование направило в тыл врага, к партизанам.

Начальник курсов капитан Соловьев, провожая Адамура и Алису, говорил им:

— Имейте ввиду, к партизанам мы посылаем далеко не всякого...

— Мы понимаем это,—твердо ответил тогда Адамур.

— Одного знания языка еще мало, —' говорил капитан Соловьев. — Нужна отвага, нужно умение. И если надо — умереть, не опуская головы... Но помните — смерть смерти рознь. Бессмысленная смерть не нужна никому. Вы едете туда не умирать, вы едете работать. Время тяжелое, всего не предугадаешь, обо всем не скажешь. Но что бы ни случилось — я уверен в вас.

Адамур не ответил тогда капитану Соловьеву. Мысленно он был уже там, у партизан. Падали скошенные его автоматной очередью фашисты, летели под откос взорванные им поезда...

Нить воспоминаний прервалась; Адамур задремал... Его убаюкивал вой ветра, как некогда убаюкивала колыбельная песня матери. И снилось ему: едет он куда-то на поезде. Та-то-та — стучат колеса. Вот на какой-то станции поезд остановился. Адамур хочет сойти, но поезд неожиданно трогается. Адамур выпрыгивает на ходу и падает на доски перрона. Он хочет подняться и не может. Лежать на дощатой платформе жестко, неудобно.

— Вставайте! — говорит ему миллиционер. —

— Вставайте!

Адамур открыл глаза. Перед ним стояла переводчица Нина.

— Вставайте! Проснитесь, — говорила она.

II

Ночь была темная, уже в двух шагах не было видно ничего. В ветвях деревьев свистел ветер. Где-то за горой погромыхивал гром. То там, то здесь на улицах, у немецких казарм, раздавались свистки дозорных.

...Холодно. У дозорных мерзнут ноги, и они то топчутся на месте, то начинают быстро ходить взад и вперед. Окутав головы женскими шалями, кофтами, они зябко жмутся, боязливо вглядываясь в черноту ночи. Темно. Холодно немецким часовым. Страшно.

В эту ночь две тени неслышно пересекли улицу, осторожно двигаясь вдоль домов, вышли на окраину города. Здесь люди пошли спокойнее, стали слышны их голоса. При свете только что взошедшей луны можно было увидеть, что подмышками они держали какие-то свертки. Люди вошли в небольшой дом рядом с высоким пирамидальным тополем.

Дальний угол комнаты занимала большая русская печь, на которой спали дети. Какая-то женщина мыла посуду. Перед керосиновой лампой человек средних лет починял старый ботинок. Кроме них, в комнате были еще две девушки, видимо, чужие. Они сидели рядом с сапожником, грызли семечки, шутили, смеялись, как будто у них не было больше никаких других дел и забот. Время от времени они обращались к человеку, починявшему ботинок, называя его Степаном.

...Так все звали высокого человека средних лет, появившегося в Крупце вскоре после начала войны. Остановился он в доме своей сестры Лизы и зятя. Когда зять ушел на войну, Степан взял на себя заботы о детях. Племянники при дяде ходили не хуже, чем при отце, были обуты, накормлены. Степан жил незаметно, ни к кому не ходил. Только иногда говорил Лизе: — Вернусь поздно, стукну в окошко... Приходил далеко за полночь. Когда немцы вошли в город, Степан явился однажды, держа подмышкой деревянный ящик. В ящике были припасы и инструменты по сапожному делу.— Открою мастерскую, — коротко сказал он. Лиза удивилась: Степан, она знала, никогда и гвоздя не вбил в подметку, а тут мастерская. Но она промолчала.

После этого Степан стал мрачен, задумчив, по вечерам уходил чаще, исхудал. Раньше, бывало, часто играл с детьми, а теперь за неделю никого даже не погладил по головке. Наконец Лиза не выдержала.

— Степан, — сказала она как-то за ужином. — Ты мне не доверяешь?

— В чем?

— Во всем.

— Как же не доверяю, почему тебе так кажется?..

— Если мы с тобою рождены одной матерью, доверься мне. Знай, что я помогу тебе всегда, если это будет нужно — сказала Лиза и пристально поглядела на брата.

Степан улыбнулся. Вытер полотенцем губы и уже серьезно сказал:

— Есть, конечно, и такие, которым я не доверяю, но не тебе, Лиза. Давно уже я ждал от тебя вопросов...

С этого вечера Степан и Лиза стали работать вместе. В подвале они установили радио и телефон. По ночам слушали Москву. С каждым днем росла и крепла подпольная организация, которой руководил Степан. Многие из ее членов работали на различных предприятиях у немцев, двое служили в полиции. Таким образом удавалось добывать оружие, получать информацию о передвижении немецких войск, движении составов с продовольствием и боеприпасами.

— Добрый вечер, Степан! — поздоровались с сапожником вошедшие девушки. Они быстро оглядели комнату, потом развязали свои свертки и вынули оттуда какие-то старые туфли.

— Очень просим вас починить нам эти туфли, — сказала одна и положила обувь перед сапожником.

Степан взял туфли, внимательно их осмотрел. Вынул из кармана махорку, устроился поудобнее.

— Здесь все свои... Говори, Нина.

Девушка подошла ближе к лампе. Теперь в ней можно было бы узнать ту самую Нину, переводчицу Эриха Шульца.

Женщина, которая в углу мыла посуду, положила тарелку и подвинулась ближе. Веселые девушки бросили семечки и приготовились слушать.

— Когда я зашла в камеру, он спал, — рассказывала Нина. — Когда он проснулся, то сначала, мне показалось, рад был видеть меня, но потом вдруг помрачнел и спросил насмешливо:

— Вы пришли за моими показаниями?

— Напрасно, дорогой, ты принимаешь меня за врага, — сказала я. — Ведь то, что беспокоит тебя, беспокоит и меня.

— Если бы это было так, я не видел бы тебя рядом с фашистским офицером!

— Меня привело сюда то же, что и тебя, — сказала я.

Он посмотрел на меня испытующе.

— Спрашивать не стыдно, есть поговорка. Чего ты хочешь от меня?

Тогда я рассказала, что он числится в списках «крупных людей».

Если до сих пор к нему относятся мягко, то это потому, что они ждут прибытия какого-то важного лица. Это-то важное лицо и должно говорить с Адамуром и выведать всё, что он знает. Что это за лицо, они скрывают даже от меня. Когда я сказала ему это, Адамур сжал зубы:

— Пусть спрашивает — он увидит, какой прекрасный ответ я дам ему!

— Нет, дорогой, не этого ждут от тебя, — возразила я ему. — Слишком ты торопишься. Мы хотим спасти тебя. Умереть, не выполнив задания — невелико геройство.

Не успела я договорить, как Адамур встал и схватил мою руку. Я поняла, что он мне поверил.

— Что ты посоветуешь?—весь побледнев, спросил он.

— Скоро придет уборщица, моя мать. Она возьмет твое грязное белье и уберет камеру, потому что тот важный господин, который должен прибыть, хочет взять у тебя показания здесь.

— Уборка, белье — это хорошо... Но кто прислал мне его?

— Прими это белье. Что это значит — узнаешь потом, — сказала я и подала ему руку. В это время ключи Данта зазвенели почти у самой двери. — Не падай духом и жди нас.

Тут вошел Дант и Адамур стал смотреть на меня с ненавистью, чтобы отвести подозрения. Так я и ушла под его ненавидящим взглядом.

— Ты думаешь, он смотрел на тебя так, чтобы отвести подозрения у тюремщика? — спросил Степан. — А может быть, он не доверяет тебе?

— Уверена, что он поверил мне — отвечала Нина.

— Ты не говорила ему об Алисе? — снова спросил Степан, кивнув головой в сторону окна. Закутанная девушка у окна пошевелилась.

— Нет, о нашей Алисе я ничего ему не сказала, — просто не успела.

В это время раздался стук из-под пола. Степан приподнял доски, и двое юношей вылезли из подполья, запыленные, в помятой одежде. Все окружили их.

— Ну что? какие новости? что говорила Москва? — посыпались вопросы.

— Город Калинин взят нашими войсками... освобождено много сел и деревень, — сказал один из молодых людей.

— По радио сообщили, что Германия и Италия объявили войну Америке, — добавил другой.

— О, это хорошая новость, — просиял Степан. Хоть некоторую часть немецкой армии, быть может, отвлекут от нас эти американцы. — Степан помолчал.

— А пока наше первоочередное дело — спасти Адамура.

Он задумался. Адамура надо освободить во что бы то ни стало. Но как? Открытый налет не годится. Нужно сделать тихо. Кто сможет это?

Степан посмотрел на своих людей. Вот Арсен, один из тех двоих, которые слушали радиопередачу в подвале. Высокий, черноволосый юноша с крупным полным лицом, с черными тоненькими усиками. Другому, которого он, Степан, шутя называл Борисом Ивановичем, можно было дать не больше 17—18 лет. Они были разные, эти парни. Арсен, получив задание, никогда не спешил, составлял подробный план, обдумывал все до мельчайшей детали и только тогда приступал к делу. Борис же был скор на решения: если бы сейчас к нему подойти и сказать, что надо напасть на тюрьму и освободить арестованного, то он пошел бы в ту же минуту, не рассуждая... Они были разные, Борис и Арсен. Но в одном они были похожи. Оба не знали, что такое страх. И ни разу ни один не вернулся, не сделав того, что ему поручили. Но сейчас они не годятся. Тут нужно действовать другими средствами... Нина? Но Нину сразу заподозрят. Нам никак нельзя терять Нину... Это сделает ее мать, — решил наконец Степан.

— Надо освободить Адамура не сегодня—завтра. Начальник может приехать и раньше, чем через неделю. И тогда — допрос, тогда—мучения, каких и врагу пожелать трудно. Вы знаете, что они сделали с женщиной, которую посадили позавчера? Об этом даже рассказы-

вать трудно.... Руки и ноги ее пригвоздили к стене, и так, распятая, она провисела несколько часов. Потом ее расстреляли.

— Мы сделаем все, — сказал Борис. — Говори, что нужно делать.

— Не спеши, Борис Иванович, — улыбнулся Степан. — Вот что я придумал...

Из внутреннего кармана пальто Степан достал большой нож с красивой деревянной ручкой. На ручке была надпись: «Ты отправляешься в дальний путь, Адамур. Да поможет тебе это! Т. А. Москва».

— Этот нож надо передать через уборщицу, — сказал Степан.

— О, маму могут заподозрить, — забеспокоилась Нина.

— Я об этом подумал—продолжал Степан.—Ты забыла о надписи. Если этот нож найдут, то подумают, что он был спрятан у него, у Адамура.

Все оживились; лицо Нины повеселело. Только Алиса попрежнему оставалась печальной.

— С этим все, — сказал Степан. — Начинайте переписывать листовки, — обратился он к любительницам семечек.

Лиза укладывала в сумку продукты, которые она поутру хотела отнести на базар для продажи.

— Когда будешь продавать продукты, — сказал ей Степан — не подкладывай листовок, кому не очень доверяешь. Время опасное. Выходим по двое, — сказал он, обращаясь ко всем.

Уже брезжил тусклый зимний рассвет, когда две тени снова пересекли улицу. Держась близко у стен домов, они быстро уходили от небольшого дома на окраине. Поднявшаяся метель совершенно скрыла их от любопытных глаз.

III

В это же время, на рассвете, в другом конце города, в увешанной награбленными дорогими коврами комнате, безмятежно спал под двумя пуховыми одеялами офицер войск СС Эрих Шульц. Вечером он не успел узнать, чем окончился разговор Нины с заключенным. Ну, ничего,

укладываясь на высоко взбитую перину, думал Шульц, он узнает это завтра. Это от него не уйдет. Арестант сидит в камере, переводчица явится завтра рано утром. Все идет своим порядком. Все будет хорошо.

Эрих Шульц видел сон. Он часто видел сны. Сны были приятные. Вспоминать их по утрам за чашкой кофе было тоже приятно. Сны были понятны.

Но сегодня какой-то странный сон снился Эриху Шульцу. Ему снилось, будто Адольф Гитлер перед группой офицеров держит речь. Он, Эрих, тоже среди них, правда, почему-то на заднем плане. Вот Гитлер окончил речь, открыл коробку, которую держал в руке, и стал награждать офицеров — всех железными крестами. Наградил одного, двух, пятерых, но когда очередь подходила к Шульцу, фюрер вдруг отвернулся от него и стал что-то говорить своей свите. Тут Эрих Шульц проснулся.

Долго лежал он с открытыми глазами. Что мог значить этот сон? Почему мне не достался орден? Если бы я проспал еще с минуту, фюрер, конечно, опять бы повернулся и вручил мне крест. Но почему он все-таки отвернулся? Это было непонятно.

Пока Эриха Шульца мучили эти сложные вопросы, за окном уже стало совсем светло. Шульц встал, оделся, умылся, специальными ножницами подрезал свои рыжие, узкие — «под фюрера» — усики, парижским одеколоном освежил свое желто-белое одуловатое лицо, особой щеткой аккуратно пригладил белесые редкие волосы. Внимательно осмотрел себя в зеркало.

Неслышно вырос на пороге адьютант.

— Завтрак готов, герр обер-лейтенант.

Шульц не спеша отошел от зеркала. Запустил два пальца за пояс, туго охватывающий его объемистую талию. Выпрямился. Вот так. Теперь хорошо. Медленно пошел за адьютантом. Но уже на середине комнаты не выдержал и, переваливаясь, быстро затрусил.

Уж очень не терпелось рассказать хозяйке сон и послушать, как она его истолкует. Но и хозяйка ничего не разъяснила.

— Наверное, вас ждет обман, — сказала она. Но потом, посмотрев на Шульца, добавила: — впрочем, может, и что-нибудь другое.

Сон так и остался необъясненным.

Плотно позавтракав и выпив водки со странным названием «чача», Эрих Шульц направился на базар. «А может быть, мой сон означает удачу? Субботний сон, говорят, сбывается в воскресенье, — думал он. А вдруг это и есть то мое воскресенье, когда сбываются сны?».

На базаре было уже много народу. Офицер медленно шел среди разложенных на прилавках скудных припасов. Вдруг взгляд его упал на какую-то бумагу, наклеенную на телеграфный столб. Он подошел поближе.

На двойном листке в клетку, вырванном из школьной тетради, слева по-русски, а справа по-немецки было старательно выведено: «Советские люди! Немецко-фашистские полчища разгромлены нашими войсками под Москвой. Большая часть московской области освобождена. Города Калинин, Елец, Тихвин заняты нашими войсками. Не падайте духом товарищи! Фашистов и предателей Родины уничтожайте беспощадно. Скоро Красная Армия придет сюда. Чем больше мы уничтожим фашистов, тем скорее придет освобождение».

С яростью Шульц стал по клочкам срывать листовку. Потом он оглянулся — не посмотрел ли кто без должного уважения на немецкого офицера? Нет, без уважения не смотрели. Даже вообще не смотрели. Но вдруг мальчишка лет тринадцати, встретившись с офицером глазами, громко расхохотался ему прямо в лицо и побежал. Эрих схватился за револьвер, но мальчишка исчез в толпе, как будто в воду канул.

Эрих Шульц пошел дальше. Он шел мимо женщин, торговавших продуктами, стариков, перед которыми на прилавках стояли бутылки с соками и водкой, мимо мальчишек, продававших какое-то старье. То у одного, то у другого он спрашивал цены и шел дальше. «Дикари, — думал Эрих Шульц. — Каждый смотрит так, как будто в рукаве у него спрятан нож».

Вдруг что-то темное мелькнуло перед глазами. Эрих мгновенно закрыл голову рукой, а другой стал шарить у пояса. Но никто не хотел бить его по голове. Это лишь длинная тень от какой-то седой высокой старухи скользнула по его лицу. Сконфузившись, Эрих сделал вид, что поправляет шапку.

Около одной лавки кто-то громко ругался по-немецки. Эрих поспешил туда. Три немецких солдата по оче-

реди били ногами старика. Старик ползал по земле, пытался встать, снова падал. Лицо его было в крови. Из лежавшей рядом сумки торчали бутылки.

Заметив офицера, солдаты перестали бить старика и вытянулись.

— Это партизан? — спросил офицер.

— Он хуже партизана, господин обер-лейтетант, — сказал один из солдат. — Когда мы хотели купить у него одну бутылку, он нам сказал: «Лучше разбить ее вдребезги, чем продавать вам!».

К месту происшествия стали стекаться люди.

— Взять его! — крикнул Эрих Шульц. Солдаты окружили старика и повели. Вдруг раздался свист. Шульц повернулся. И в этот момент комок мокрого снега ударил ему прямо в рот. Бросал тот самый мальчишка, который так нагло расхохотался ему в лицо пéред столбом с листовкой. Отплевываясь и размахивая пистолетом, немец кинулся к мальчишке, но тот опять словно растворился в толпе.

Сестра Степана Лиза, распродав продукты, вдруг заметила, что рядом с нею нет ее сына. Посмотрела кругом, расспросила соседей. Никто не знал, где он. Лиза забеспокоилась. Но когда она уже пошла домой, из толпы вдруг вынырнул смеющийся Андрюшка.

— Мальчик мой, где ты был? Как же ты меня испугал!

Андрюшка рассказал матери, как он посмеялся над офицером и как запустил в него снежком. Мать и сын заторопились домой.

Эрих Шульц с солдатами гнал перед собой старика в тюрьму. Часовой в проходной отдал честь, надзиратель Дант почтительно открыл тяжелую дверь.

Отогревшись в своем кабинете перед жарко натопленной печью, Шульц приказал ввести старика. С порога старик презрительно посмотрел на Шульца, спокойно оглядел кабинет, потом спокойно повернулся к солдатам и, как ни в чем ни бывало, плюнул перед ними на пол. Солдаты переглянулись и вопросительно уставились на офицера: что он прикажет делать? Но офицер глядел неподвижно и молчал.

— Почему не идет Прудников? — спросил Шульц.

— Сейчас явится, герр обер-лейтенант. Он бреется.

Прудников был начальником городской полиции. До войны он лет десять провел в тюрьмах, почти не работал, но перед самой войной устроился работать в швейную мастерскую, перестал пить, держался тихо.

Но когда в город вошли немцы, Прудников переменился. Он показал, на что способен. Уже через неделю изменник родины был начальником полиции. Вехами его карьеры были расстрелы, смерти, пытки...

— Господин Прудников, я вас жду, — улыбнулся вошедшему Эрих Шульц.

— Виноват, господин офицер!

Шульц и Прудников понимали и уважали друг друга, как добрая свекровь и умная невестка.

— Господин Прудников, этот партизан должен сказать нам, где находится штаб тайной организации. Пусть не боится. Если он все скажет, ему и его семье все дадим, кроме птичьего молока.

Прудников перевел. Но старик молчал.

— Если ты крестьянин, нарежем тебе плодороднейшей земли, если городской — дадим прекрасную квартиру и хорошую работу, — обещал Шульц. — Но за это ты должен дать нам сведения хоть об одном члене тайной организации.

— Ничего я не знаю... и ваш плодородный участок не вскружит мне голову... Я и без вас его получу. Земля эта наша, — дрожащим от гнева голосом произнес старик.

— Нет, нет старик, мы так легко не отпустим тебя... Ты должен назвать хоть одного человека. Ты...

— Неправды сказать не хочу, а правды не знаю, — перебил старик офицера.

Обер-лейтенант встал и подошел к старику. — Ты не знаешь, кто изготовляет такие игрушки? — ткнул он листовку в лицо старику.

— Я не умею ни читать, ни писать; о чем там говорится?

Когда ему прочли, старик улыбнулся:

— Я думал, там написано что-то необыкновенное, потому и спросил. Но там все обычное. Все, кто живет в великой России, думают так. Разве что такие подлецы, как этот... — старик показал на Прудникова.

Прудников, до сих пор сидевший молча, вскочил и

кулаком ударил старика по голове. Старик закачался, не удержался.

— Кто писал это? — снова закричал Шульц и ударил старика кулаком по лицу.

— Бесчинствуйте покуда... До поры до времени, — неожиданно твердым голосом сказал старик. — Я и сам завтра умру, мне уже мало осталось. Но вы? Как будешь жить ты, предатель? Ты еще увидишь, как загорится у тебя под ногами земля...

Увесистый кулак начальника полиции прервал его речь. Вдвоем Шульц и Прудников долго били старика, пока тот не потерял сознание.

— В яму его! — коротко бросил Шульц.

Старика унесли. Вечернюю тишину нарушил одинокий выстрел.

Имени старика так и не узнали.

IV

К вечеру в воскресенье разыгрался буран. Мокрые хлопья снега залепили окна. Где-то хлопала оторванная доска. Под порывами ветра жалобно скрипел старый тополь у домика на окраине. Но в комнате у хорошо натопленной печи было тепло. Степан маленьким молотком забивал гвозди в детский башмак. Лиза укладывала детей спать.

— Ты знаешь, Степан, что сделал сегодня мой Андрюшка на рынке? — сказала Лиза. И она рассказала Степану про эпизод с офицером.

— Андрей, иди-ка сюда, — строго сказал Степан. Мальчик, потупившись, подошел.

— А что если б офицер, которому ты снег швырнул в физиономию, догнал бы тебя и застрелил?

— Пока он догонял бы меня, я ушел бы уже далеко-далеко...

Степан больше не мог сохранять серьезность.

— Ну, иди спать, герой, — рассмеялся он. — Только в другой раз все-таки так не делай.

Опять в комнате стало тихо, только мелко постукивал молоток Степана, да выл в трубе ветер.

В окно три раза тихо постучали. Лиза пошла откры-

вать. В комнату, облепленные снегом, вошли Арсен с Ниной и молодой человек в полицейской форме.

— Добро пожаловать, добро пожаловать, — встал им навстречу Степан. — О, и Цыган с вами. Садитесь, вот здесь, у печки. Тут теплее. Рассказывай, Нина, сначала ты.

— Адамура снарядили, теперь сам справится. Мама передала ему нож. Комната, где он пока укроется, приготовлена.

— Мы заложили динамит на мосту, — начал в свою очередь Арсен — между Конотопом и Крупцом. Оружие переправили в этот... — Арсен с трудом подбирал русские слова — в погреб. С членом бюро райкома виделись. Подтвердил приказ действовать.

— Теперь ты, Цыган, — сказал Степан.

— Вчера на улице Кирова, — заговорил юноша в полицейской форме — были массовые обыски и облавы. То, что говорил товарищ Шарба, верно. Нас ищут, это ясно.

Степан встал, оглядел присутствующих.

— Я думаю, положение ясно. Надо переходить к делу, пока нас не накрыли в тепленьких квартирках. Подготовительный этап кончился. Оружие есть. Один Цыганов, пока работает в полиции, добыл пятнадцать винтовок и пулемет. Патроны есть. Гранаты, взрывчатка. Сегодня уже пошли на задание Борис и Алиса.

На собрании было решено подпольную организацию преобразовать в партизанский отряд. Командиром был избран член бюро Крупецкого райкома партии Степан, комиссаром — Арсен, командиром группы разведчиков назначили Володю Цыганова.

Глубоко за полночь закончилось собрание. Но люди не расходились. Ждали вестей от Алисы и Бориса.

...Они сидели за сараем у дома Прудникова. Прудников все не шел. Но Алисе почему-то и не хотелось, чтобы он быстро пришел. Руки как-то странно дрожали, поминутно она ощупывала то нож, то револьвер. Борис молча сидел рядом. Неужели он не волнуется?

Скрипнула калитка. Кто-то вошел. Он что-то жевал и громко, как свинья, чавкал. Даже в темноте было видно, что его шатает из стороны в сторону. Прудников был

сильно пьян. Крепка, видно, была водка у убитого сегодня старика.

Прудников подошел к крыльцу, занес ногу, но покачнулся и чуть не упал. Второй раз попытался поставить ногу на ступеньку — и опять не смог. Пока Прудников безуспешно пытался одолеть лестницу, Борис неслышно подкрался сзади. Он замахнулся — и нож глубоко вошел в жирную шею начальника полиции. Прудников захрипел и грузно осел на землю. Подбежавшая Алиса наклонилась над ним. Изменник Родины был мертв.

Снег быстро заносил следы. Вьюга разыгралась еще сильнее, будто хотела помочь укрыться народным мстителям...

Недалеко от большой ямы, что рядом с тюрьмой, Борис увидел санки, запряженные парой лошадей. Двое людей несли к ним труп человека. Борис догадался: кто-то тайно хотел похоронить старика, расстрелянного днем.

«Проклятые немцы! Убитого ими даже похоронить нельзя как следует!» — Борис задворками пробирался к складу с боеприпасами, куда другим путем должна была прийти и Алиса.

Вокруг большого длинного сарая, где был склад, ходили два часовых.

— Этого я сниму без шума, — шепнул Борис Алисе. — Если второй подойдет, пока я закладываю взрывчатку, — стреляй. Потом уходим вместе.

Борис пополз. Часовой, заслонясь от ветра, стоял к нему спиной. Вот он уже рядом. Борис вскочил, метнулся к нему. Вдруг немец повернулся. Отшатнулся, но в то же мгновение бросился на Бориса. Они покатились по земле. Чтобы немец не кричал, Борис левой рукой зажал ему рот. Одной правой действовать было трудно. С ужасом чувствовал, как теряет силы. Немец уже добрался до горла и вцепился в него пальцами. «Неужели конец?» — мелькнуло в сознании Бориса. И тут удалось ему нащупать выпавший из рук во время борьбы нож. Борис освободил правую руку, с силой всадил нож в живот немцу и несколько раз повернул его. Руки часового разжались. Он захрипел, дернулся. Ползком Борис подобрался к стене и стал закладывать взрывчатку. «Только не спешить!» — мелькало в сознании.

— Хальт! — послышалось со стороны. Второй часовой бросился к Борису. Но в это время раздался сухой треск пистолетного выстрела.

Борис, на ходу разматывая шнур, уже не скрываясь, побежал от сарая. Рванул проволоку. Раздался оглушительный взрыв. Большой дом, стоявший недалеко от склада, подпрыгнул, как игрушечный. Из него стали в нижнем белье, в наспех наброшенных шинелях выскакивать немцы. Поднялась беспорядочная стрельба.

При свете зарева Алиса видела, как Борис бежал к ней. Но не добежав, вдруг покачнулся и упал. Пуля попала в спину.

* * *

Услышав взрыв, все переглянулись. Степан с молотком в руке подошел к окну, прислушался, зачем-то положил молоток на окно. Прошелся несколько раз по комнате. Потом сел на свое место. Лиза сидела, подперев рукой подбородок. Нина стояла, прислонившись к стене. В комнате было тихо, как будто в ней не было никого.

V

Переводчица Эриха Шульца Нина сидела у печки. Было тепло, но она дрожала. Чтобы Шульц ничего не заметил, Нина то вставала, то выходила за чем-нибудь.

Эрих встал из-за письменного стола, собрал бумаги. Положил их в шкаф. Прошелся по комнате, остановился. Зябко потирая руки, сел рядом с Ниной.

— Если не секрет, о ком вы сейчас думали? — улыбаясь, спросил Шульц.

— Есть о чем подумать, герр обер-лейтенант, — Нина принужденно улыбнулась.

— Это, конечно, верно, но все-таки — о ком?

— Знаете, над чем я думала? Я вычисляла, сколько чертей может поместиться на кончике иглы.

Оба рассмеялись. Потом Эрих Шульц встал и, глядя на Нину вниз, сострил:

— Может быть в ваших грезах вам привиделся какой-нибудь русский юноша или еврейчик?

Но заметив, что острота его не имела успеха, Шульц поспешил добавить:

— Не грустите. Скоро кончим войну, и вы увидите

того, кого хотите... И я тоже. Нет, надо скорей кончать эту войну.

— Что же вы тогда намерены делать? — Нина неспроста задала этот вопрос. Она во что бы то ни стало хотела разговориться с офицером. Раньше, до поражения под Москвой, офицеры без всякой опаски сообщали ей разные фронтовые новости, хвастаясь, выбалтывали много ценного. Но теперь они говорили с ней очень сдержанно. Степан все меньше получал нужной информации... — Вы, наверно, соскучились по семье, по дому?

— Да, Нина... Есть одна мечта... У нас, в великой Германии, земли мало. Когда мы шли в Россию, нам говорили, что после войны каждый из нас получит землю там, где захочет.

— Так это же превосходно!

— Конечно... Я бы очень хотел получить участок у моря. Есть один хороший участок между хинельским лесом и Барановкой, там еще речка небольшая есть.

— Да вы, оказывается, лучше меня знаете эти места. — сказала Нина, с улыбкой, располагающей к откровенности.

— Ну, как же не знать, ведь на той поляне мы уничтожили партизан... Да, кстати, вы не слышали, что мы сделали с теми партизанами, которые взорвали склад?

— Нет, не слыхала.

— Ха, сколько мы их отправили на тот свет! Увидела бы ты их могилу!

— Я не видела.

— Наступит весна, сойдет снег, увидишь.

Нина знала про эту могилу. В ту ночь, когда взорвался склад, Борис был тяжело ранен и умер через два часа. В ту же ночь товарищи похоронили его за городом, у дороги.

Утром Шульцу доложили об этой могиле, и Нина слышала, как он договаривался по телефону с другими офицерами, чтобы сообщить начальству, что на этом месте уничтожены последние партизаны и похоронены здесь.

— Я думаю, теперь никого не осталось, кто мог бы вас беспокоить — сказала Нина.

— Да ведь мы... — Шульц хотел еще чем-то похвастать, но телефон зазвонил.

— Начальник Крупецкого гарнизона слушает! —

важным тоном сказал Эрих. Но тут же выражение его лица переменилось. Он побледнел, и даже уши у него, казалось, затряслись. — М-м... Слушаю, господин полковник... в пятницу вечером? Очень хорошо. Да-да, и за питанием особо проследим. По моим наблюдениям он стал более живым, веселым. — Как вы сказали? Совершенно верно... Может, вступит на истинный путь. Нижнее белье, присланное мной, принял. Слушаю. Сегодня едете в Конотоп? Хорошо, я позвоню вам. Хайль Гитлер.

Окончив разговор, Эрих с победным видом посмотрел на Нину.

— Наверное, о налоге говорили?—с видом, как можно более равнодушным, спросила Нина.

— Хм! То, о чем мы говорили с полковником Гольцером, поважнее налогов... Зови тюремщика! — вдруг приказал Шульц.

— Вот что я тебе хочу сказать, Дант, — сказал он, когда тюремщик вошел, — ты распорядись, чтобы та камера, где сидит этот парашютист.... была почище убрана. И за питанием проследи лично. И чтобы сегодня же был парикмахер—усы и бороду ему надо сбрить. Через час я сам буду там.

Шульц говорил важным тоном, делая вид, что приказ исходит целиком только от него. — Послезавтра у нас будут гости, не могу же я осрамиться.

— Не журналисты ли приезжают? — спросила Нина.

— Наш шеф и с ним два журналиста. Почему бы ему и не приехать? Дорогу мы ему очистили, партизан больше нет,—самодовольно ухмыляясь, бахвалился оберлейтенант.

— Я уж сумею одурачить этих журналистов, — продолжал Шульц. — Знаю я, зачем они приезжают, но это все напрасно.

— А зачем они приезжают?

— Ты помнишь про ноту Советского правительства?

— Да я помню ее. Это от 25 ноября. Там говорится, что немцы бесчеловечно мучают, уничтожают пленных советских бойцов.

— Да, да это самое... Но мы покажем этим журналистам, что нота неправильна. Они увидят у нас только то, что мы покажем. Мертвые молчат, а живые скажут, что будет надо.

Вечером Шульц и Нина вошли в камеру Адамура.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Эрих.

— Хорошо, — оживился Адамур. — Мне здесь очень хорошо.

Нина перевела Эриху слова Адамура.

— Я думаю, что этот человек стал набираться ума,— Эрих значительно посмотрел на Нину. Он не знал, что Адамур понимает по-немецки. Нина решила воспользоваться этим и дать понять Адамуру, что бежать надо до пятницы, иначе будет поздно.

— Конечно, стал набираться ума, — говорила Нина

— В пятницу он расскажет начальству все, думаю, он пожалеет себя. Да и до пятницы он еще даст нам свои показания.

Они ушли. Когда тюремщик собрался закрывать дверь, Адамур сказал:

— Нельзя ли раньше принести сегодня ужин? Я проголодался.

— Не беспокойся, ужин сегодня хороший. Но раньше одиннадцати я его не принесу. — После последних распоряжений Эриха Дант стал словоохотливее и добрее.

Нина должна была сегодняшнюю ночь дежурить у телефона. К вечеру она отпросилась у Шульца сбегать на десять минут домой чего-нибудь закусить. Через пять минут она была у Степана. Она рассказала ему обо всем, рассказала, что Адамур, видимо, сегодня ночью совершит побег.

— Мы тоже уходим ночью. Твоя мать тоже поедет с нами в Хинель. Предупреди ее. Ждем тебя до двух ночи.

Степан достал из ящика стола какую-то бумагу с печатью.

— Вот это передашь Эриху вечером. Скажешь, что прислали с курьером из Конотопа в его отсутствие.

Нина посмотрела на бумагу.

— Сегодня в десять часов вечера, — было напечатано по-немецки на машинке, — в г. Конотопе состоится совещание городских комендантов. Должны прибыть Бахмачский, Крупецкий и Хомутовский коменданты. Инструктаж проводит полковник барон Гольцер».

Эта бумага, разъяснил Степан, должна помочь взять в плен Эриха Шульца, когда он вечером поедет в Конотоп. Сейчас, когда немцы срочно готовили наступление, такой «язык» как Эрих Шульц представлял большую ценность.

Забежав на минутку домой, Нина вернулась в кабинет Шульца. Бумагу Степана положила в ворох других бумаг.

Придя, Эрих Шульц просмотрел почту. Нине ничего не сказал, но стал быстро куда-то собираться, лихорадочно запихивая бумаги в пухлый портфель. Под окном уже фырчал автомобиль.

Куда вы, господин обер-лейтенант, — сказала Нина. — Время позднее.

— О, я еще и назад сегодня же вернусь, — сказал Эрих Шульц.

Мотор взревел, и машина исчезла в темноте.

В этот самый момент трое саней выехали на дорогу, соединявшую Конотоп и Крупец.

В головных санках ехали Арсен и Цыган.

...Открыв дверь в камеру Адамура, Дант, как всегда, тщательно закрыл ее за собой. Адамур, вытянувшись, в сапогах и шинели, лежал на койке. Дант направился было к нему, но удар ножом под лопатку свалил его на пол: на постели лежало искусно сделанное чучело, сам же Адамур стоял в стороне, прижавшись к стене. Теперь нельзя было терять времени даром.

Через несколько минут труп Данта лежал на койке, завернутый в шинель Адамура. Адамур, переодевшись в форму, надвинув глубоко фуражку и подняв воротник шинели, гремя ключами, медленно идет по коридору. В конце коридора его встречает Нина. Громко разговаривая по-немецки, они проходят мимо сонного часового. Говорит главным образом Нина — ведь часовой знает голос тюремщика: Адамур точно подражает походке Данта. Часовой, мельком взглянув, пропускает их.

...На рассвете в деревню Хинель въехало девятнадцать саней. В этой глухой лесной деревне немцы появлялись редко, зато партизан жители видели не раз.

Когда сани остановились, Арсен показал Степану на большой дом посреди села: — Этот дом мы заняли под штаб.

Степан с Арсеном вошли в дом.

В узком коридоре сидел Эрих Шульц, тупо глядя через окно на плодородные равнины, которыми он мечтал обладать. Рядом с ним стоял Адамур. Но роли теперь были другие: узником был Эрих Шульц.

БУДНИ КОЛХОЗА «ВПЕРЕД»

I

— Мы его председателем колхоза выбрали, — сказал вполголоса старый Сейдык. Бадра сидел на полуразвалившемся дереве, молча рассматривая муравейник. Он медленно поднял голову, посмотрел вслед молодому широкоплечему парню.

— А кто он такой?

Тот уже входил в вагон.

— Это же Ладикуа Акаба, не знаешь разве? Зять Лагуров, у кого та знаменитая лошадь... Внук Хилкана.

— Помню, помню... Так кто он теперь, говоришь?

— Председатель наш.

Сейдык вынул изо рта трубку, высыпал всю золу и начал снова набивать трубку табаком.

Когда-то Сейдык первый вступил в колхоз «Вперед» — со всей семьей и родственниками.

Много прошло времени с тех пор; те, кого тогда качали на руках, учатся сейчас в институтах, босоногие девчонки давно повыходили замуж, а у тогдашних парней сейчас сыновья вступают в комсомол.

Самому Сейдыку уже перевалило за шесть десятков. Волосы его белы как утренний, нетронутый молодой снежок. Если посидеть с ним полчаса, за это время он опустошит не только свою табачницу, но и чужую. Табачный дым для него—второй воздух. Но на здоровье не жалуется старый Сейдык — вечно он бодр, в выносливости спорит с молодыми; на празднике никому не уступит права первым начать песню.

Да и хозяин он не хуже других. Его амбар всегда полон кукурузы, а в доме под потолком висит плетеная корзинка, полная копченым сыром.

Двух своих сыновей Сейдык отдал в школу. Они выросли, стали людьми: Тамагу учится в сельскохозяйственной академии, а Бадра только что окончил Тбилисский индустриальный институт и теперь приехал домой в отпуск.

Бадра пристально смотрел на Ладикуа, пока тот не вошел в вагон, потом, повернувшись к отцу, сказал:

— Видно, он человек энергичный.

— Пожалуй, так. — Сейдык наполнил рот дымом и медленно стал его выпускать. — Помню, о нем все газеты писали, когда он был председателем Кумарчинского колхоза.

Бадра вспомнил Ладикуа еще юношей, когда тот организовал, в тогда еще молодом колхозе, комсомольскую ячейку и сам стал ее секретарем. Бадра был тогда пионером, но все время вертелся около комсомольцев. Они любили его за веселые выходки й неизменную аккуратность в выполнении всех заданий, за жизнерадостность и ту забавную серьезность в разговоре, за которую Ладикуа называл его «маленьким стариком».

Всплывали в сознании картины тогдашней жизни, которая вся была борьбой. Вот вспомнил он известного в районе бандита Арзакана. Он грабил крестьян, убивал сельских активистов — организаторов колхозов. Но у всего на свете есть не только начало, но и конец. Дождался своего конца и Арзакан. Как-то вечером Ладикуа вернулся из района очень взволнованный. Он тут же собрал комсомольцев и начал говорить: «В районе показаться нельзя, стыдят.... Бережете, говорят, вашего бандита. Долго ли нам терпеть этот позор?»

От слов Ладикуа у многих покраснели щеки. Заговорили все сразу:

— Правильно упрекают нас.

— Выходит, бандита боимся...

— Сегодня же вечером надо организовать засаду в Макезтоу... Говорят, вчера видели его в этом районе...

Через неделю в глубокую лунную ночь перед пятью комсомольцами во главе с Ладикуа Арзакан поднял руки...

Прервав цепь воспоминаний, Бадра неожиданно спросил отца:

— Все это хорошо, но как дела в нашем колхозе?

Прежде чем ответить, Сейдык воткнул посох еще глубже в землю и посмотрел на сына.

— Первая и вторая бригада хорошо идут. Кукуруза у них — как молодая ольховая роща. Ну и табак не уступает...

— А кто там бригадирами?

— В первой Ражден, во второй Гута. Молодые ребята, но далеко до них и Гугу и Тата!

— Еще бы... Ражден и Гута даже когда сидят, больше их делают...

— Знаешь, дада, — медленно начал Сейдык, — если бы не они, пожалуй, совсем отстал бы наш колхоз.

— Почему же, отец? А что другие бригады?

— Пятая подтягивается, а третья и четвертая... Э, что говорить! Приедешь — увидишь. Гугу и Тата и председателя нашего бывшего подвели, неверные сведения дали... Сказали, что столько-то кукурузы посеяли, а оказалось не столько.

Бадра мрачно молчал. Тогда Сейдык добавил:

— Зато если бы ты видел мой участок! Как в сказке! Три кочана на каждом стебле, а на некоторых и четвертый показывается.

— Какой толк от этого, ты-то ведь в третьей бригаде?

— Да, хотел перейти в хорошую, да люди не посоветовали.

— И думать об этом не надо, отец.

— Почему?

— Не мне объяснять тебе. Хороший работник не ищет легкой работы. Надо было вам своему бригадиру помочь. Почему и говорят: «Как хлопаешь, так и танцую».

— Хорошего танцора не запутаешь плохим хлопаньем. Подожди, сын, мы не так уж падаем духом. Теперь у нас Ладикуа, и время впереди еще есть.

Отец и сын не заметили, как подошла машина. Бадра с чемоданами залез в кузов. А Сейдыка помимо воли усадили в кабину рядом с шофером. Машина рванулась, подняв облако пыли. Старик начал сердиться: «Не все равно, что в кабине, что в кузове. В кузове еще удобнее. В кабине от угара задохнуться можно».

Но старый Сейдык хитрил. Он прекрасно знал, где удобней — в кабине или в кузове. Но ему хотелось бы

сидеть рядом с сыном. Он показал бы ему свой участок, выхоженный им как дитя заботливой матерью. И Сейдык все вертелся в кабине, поглядывая через окошечко на сына: смотрит ли на поля, не ищет ли взглядом участок отца.

Бадра, стоя, схватившись за верх кабины, смотрел вокруг. Бежали мимо густые зеленые нивы. Ветер клонил кукурузу то в одну, то в другую сторону, будто большие волны бродили по полям. Это были поля другого колхоза, но Бадра радовался изобилию земли, плодам неиссякаемых трудов человека.

В это время из кабины выглянул Сейдык и крикнул: «Вправо смотри, где большое дерево. Там мой участок».

Бадра был поражен урожаем. «Отец еще крепок», — подумал он.

Вдруг машина замедлила ход. Бадра присел на чемодан, понурил голову.

— Ну и старик, — прошептал он, заметив, что отец поглядывает на него украдкой. — Заставил шофера притормозить...

Покрытый черепицей дом, у которого машина замедлила ход, Бадра знал слишком хорошо. В этом доме оставил он половину своей жизни...

Здесь жила Сусанна. Год назад, прощаясь с ней, он обещал вернуться, чтобы всегда быть около тех глаз, которые смотрят на него, как два солнца.

— Я верю тебе, но что делать у нас инженеру? — сказала Сусанна. Тогда Бадра с гордой улыбкой показал ей на шумевший в дали горный поток.

— Ночью будет светло от силы этого потока.

Но Сусанна недоверчиво покачала головой.

...Машина подкатила к дому. Всплеснула руками мать, с улицы глядели любопытные соседи. Бадра недолго задержался дома. Надел новый костюм и пошел в правление. Но дверь правления была на замке. Не было даже неизменно ворчливой Макуалы — бухгалтера колхоза. Все были на чайной плантации.

По дороге туда Бадра не утерпел, чтобы не заглянуть в школу, где работала учительницей его Сусанна. Он остановился во дворе, посмотрел вокруг. Никого не было видно. Только валялись вокруг щепки, стояли бочки с известью. Видно, совсем недавно закончили ремонт.

Бадра заглянул в окно. Это был класс. Стояли парты, учительский стол. В углу — второй стол и керосиновая лампа. Засохшие цветы стояли на столе, и юноше подумалось вдруг, что за этим столом и сидела Сусанна с тетрадками учеников длинными зимними вечерами.

Во двор заехали две арбы, нагруженные дровами. Бадра растерялся, отпрянул от окна. «Скажут Сусанне: не увидел, мол, тебя, так от школы не мог отойти».

Заметив земляка, аробщики Куатут и Куаташ подбежали к нему.

— Вода возвращается в старое русло и ты, инженер, вернулся, — сказал Куаташ, хлопая его по плечу.

Бадра почувствовал сначала скрытую насмешку в этих словах — вот, мол, столичная птица недалеко улетела. Но дело было в другом. Куатут подмигнул товарищу и добавил:

— Она школу раньше всех подготовила. Теперь пристала к нам: привезите дров. Вот и возим...

Бадра сделал вид, что не слышит этих слов, что не понял намека в поговорке. Подошел к буйволам, погладил их. Потом сказал, ни к кому не обращаясь:

— Ищу плотников, сказали, что здесь работают, да вот не застал никого.

— Зачем тебе плотники, твой отец сам хороший мастер, его рука метет золото, — хитро сощурился Куатут.

Бадра холодно ответил:

— Ему некогда сейчас плотничать, а то не искал бы других.

Аробщики начали сгружать дрова, и Бадра вышел со школьного двора.

По улице шли гурьбой ребята и, переведя глаза, Бадра увидел, что их быстрым шагом догоняла Сусанна. Он покраснел, отступил было назад, потом шагнул к к ней. Сусанна остановилась от неожиданности.

— Бадра! — шепнула она.

— Да, я Бадра, — сказал он с серьезным видом. Рука его дрожала, когда он здоровался с девушкой.

—Не думала я, что сегодня приедешь...

— И я не думал, да вот пришлось.

Ученики Сусанны уже начали оборачиваться на них. Девушка покраснела, сказала тихо — «до свидания» и побежала, чтобы догнать своих ребят.

Бадра смотрел ей вслед. Волновалась от ветра красная юбка. Вот девушка скрылась за поворотом. Бадра глубоко вздохнул и пошел к дому. Алый диск солнца медленно опускался в далекое море.

II

На участке Сейдыка початки кукурузы уже зрели. По старости на другие работы его не звали, поэтому он каждый день со своим неразлучным топориком — цалдой — обходил участок, любовался урожаем. Если случайный папоротник подымет голову, Сейдык цалдой вырубит его до основания, как храбрый солдат на поле брани рубит голову своего врага. Если заметит старик, что стебель кукурузы клонится — не отойдет, пока не поправит его, не укрепит.

Но однажды чуть было все не погибло — поздней ночью начался ливень. Старик всю ночь не спал. И жена его, и сын — все побежали на участок. До самого утра копали обводные канавки для потока, поднимали стебли кукурузы, которые от тяжести початков падали под напором ветра.

Волнения чуть не свалили старика с ног. В течение пяти ночей бедный Сейдык видел плохие сны.

В эту ночь спасали урожай и на колхозных плантациях. Даже те бригады, про которых два месяца назад Сейдык говорил сыну столь резкие слова, — даже они вывели свои бригады целиком. И когда на второй день председатель колхоза объявил этим бригадам благодарность, то это было сделано совсем не для формы. Они и правда подтянулись за последнее время. Все началось с колхозного собрания на другой день после приезда Бадра, когда он выступил и обязался помочь третьей бригаде, где работал его отец. Тогда парторг колхоза Тамел сказал, что и вторую бригаду он не оставит без помощи. Это было что-то вроде скрытого вызова. Так началось подтягивание отстающих бригад.

Теперь Гугу и Тата было не узнать. Гугу даже подсылал во вторую бригаду разведчиков — узнать, все ли там вышли на работу, чтобы вечером бросить небрежно своему сопернику: «Оказывается, есть в твоей бригаде любители поспать и среди дня...»

У третьей бригады, в которой теперь все время можно было видеть Бадра, и кукуруза, и табак выросли на славу.

Сейдык всерьез забеспокоился, что опередят его участок, и все ходил в бригаду под видом того, что ему сына нужно видеть по одному делу. Но он и виду не подавал, пока его волнение не проявилось совсем неожиданно и для него, и для сына.

Однажды вечером Сейдык сидел под своим ореховым деревом. Видно было, что́ какие-то думы одолевают старика. Даже́ трубку свою запрятал за голенище. Вечерело. Сзади неслышными шагами подошел Бадра. Он целый день провел в бригаде. В этот день третья бригада вывезла первый в колхозе обоз тюкованного табака.

Бадра покашлял. Старик медленно поднял на него обиженные глаза.

— Что так долго пропадаешь? Гугу все хвастается. Вздумал, вижу, опередить старика?

Бадра засмеялся, сел невдалеке.

— Отец, не был еще в долине Лахлара?

— Не был. Что, плохой вышел урожай?

— Долина никогда не знала такого урожая.

— Ох, лучше б ты молчал! Значит, Гугу твердо решил посадить меня в галошу?

Бадра с комичным видом развел руками.

— Ва! Все ты виновит! — старик засопел от возмущения. — Хороший сын так не делает. Зачем здесь околачиваешься? Ты инженер, твое место в городе.

— И это говорит мой отец? Гугу не спрячет в карман свою славу, эта слава будет общая — и твоя, и других. А зачем я здесь — ты знаешь. Жду письма из центра. Пора нам этот горный поток запрячь.

— Что, поток мешает тебе?

— Да, не в ладу мы с ним. Пользы от него мало.

— Ну, это дело твое. А вот я вижу ты хочешь, чтобы этот несчастный Гугу опередил меня.

— Да чем тебе плох Гугу?

— Знаем, знаем... Всегда о нем говорили, как о никудышном бригадире.

— Вот и молодец, если из никудышных хорошим станет, — невозмутимо ответил Бадра.

— Посмотрим осенью. Осень уж на носу, — буркнул старик.

— Пойдем ужинать.

III

Жителей села Дван до сих пор называют дванцами, но когда-то под этим словом подразумевали лишь охотников да пасечников. Почему? Нетрудно догадаться. Дванцам не хватало своей кукурузы, и каждую зиму они вывозили на побережье мед в бурдюках. За пуд меда покупали пять пудов кукурузы.

Это время давно прошло. Землю стали удобрять каждый год и последний раз собрали урожай кукурузы, которого вполне хватило бы для двух сел.

Но Сейдыку покоя не давал Сампал из Кумарчинского колхоза. Этот старик ухитрился во время большой засухи собрать пятьсот пудов кукурузы — совсем один! Сейдык не мог перенести это спокойно.

Весной он первый вышел в поле, первый посеял, не пожалел удобрений.

Близилась осень, созревали плоды людских трудов.

* * *

Солнце скрылось за горизонтом. Холодный ветер срывал с деревьев и кружил желтые листья. Сусанна отпустила учеников, а сама села проверять тетради. Но недолго пришлось ей сидеть. Темнота разворачивала свои черные крылья.

Собрав тетрадки, Сусанна медленно пошла к калитке и почти столкнулась с Бадра.

— Сусанна, Сусанна, поздравь меня! — крикнул Бадра и остановился, тяжело дыша.

— Разрешили, наконец?

— Не только разрешили — в понедельник приедут рабочие, три машины пришлют. Будет свет в Двани!

...Поздней ночью расходились колхозники из клуба домой. В темноте слышны были голоса:

— Бородой клянусь—Ражден и Гута получат Героя...

— Сейдык чем хуже?

— Так у него один га, а у них по десять...

—... И Гугу отстал от него только на центнер.

— Э, пусть подождет Гугу, прошлая осень не забыта еще!

Спокойная, безлунная ночь окутывала селение. Только шум горного потока издалека врывался в ночную тишину.

СМЕРТЬ ГЕРОЯ

Это было в конце февраля. Солнце грело по-летнему. Скалистый клюв седого Эрцаху глубоко врезался в голубое небо. Полуденный ветерок лениво раскачивал вершину одинокого тополя.

На каменистом берегу Кетевана сидела в трауре седоволосая Салиха. Рядом с ней бросал в воду веревочку и старательно вытягивал видимую лишь одному ему рыбу её семилетний внук — Чичико.

Чтобы не показать своей печали, Селиха то и дело оборачивалась к внуку, ласкала его, гладила по головке.

Чичико надоело удить рыбу.

— Бабушка, я буду плакать...

Он посмотрел на Салиху угрожающим взглядом.

— Бабушка, плакать буду!

Салиха делала вид, что не слышит. Но мальчик был неумолим.

— Нан, вот я вспомнила одну хорошую сказку, — начала Салиха, вытирая воспаленные от слез глаза. — Это было давным-давно, так давно, что даже на месте вот этой Эрцаху-горы, вершина которой покрыта сейчас снегами, росла кукуруза, а там, где сейчас качается одинокий тополь, стоял дом прадеда отца твоего Казылбека...

Мальчик несколько минут напряженно слушал, не отрываясь, смотрел на Салиху. Но вот взгляд его опять потемнел, губы задрожали.

— Плакать буду... Скажи же, когда придет Кезы! — выкрикнул мальчик, и слезы так и покатились по его щекам. А Салиха продолжала:

— Тут из пруда выскочил Адау и во всю мочь погнался за одним мальчиком, которого звали Араш...

— Из какого пруда? — насторожился Чичико. Он

испуганно уставился в пруд, думая про себя: «Может, он и сейчас выскочит».

Салиха окинула его беспокойным взглядом — как бы мальчик не заболел от испуга. Но только этими сказками и можно было занять его.

Так проходили дни, недели и месяцы одинокой Салихи у подножия гранитной скалы на берегу Кетевана. Это было в феврале 1921 года. А тремя месяцами раньше, в ноябре 1920 года абхазские партизаны очистили селения Джирды и Гуада от грузинских меньшевиков.

Отряд черноусого Мустафы расположился на берегу Кетеван-реки, и местные крестьяне стали стекаться к своему земляку: кто привозил продукты, кто приводил лошадей, а кто приезжал сам на лихом коне, чтобы остаться в отряде.

Крепко подумывал об этом и Кезы — единственный сын Салихи. Всю ночь уговаривал он свою мать и жену. Всю ночь проплакала, не выходя из своей комнатки, жена, по обычаю не показывая своей жалости к мужу при свекрови.

— Клянусь прахом своего отца — я скоро вернусь, — умолял Кезы.

— Нан Кезы, — плакала мать, — пожалей нас! Ты же оставляешь любимого сына. А мы, женщины, — как останемся мы одни?

— Пойми же, я пойду ради вас, чтобы вам потом легче было, — уговаривал он свою мать.

— Это неправда, Кезы! Не жалеешь ты нас, меня, старуху, не жалеешь...

На рассвете следующего дня Кезы оседлал своего Араба и уже тронулся в путь, когда выбежала из дома Салиха и своими заклинаниями заставила сына слезть с коня.

Нет! Салиха уже не плакала. Она подошла к сыну, и суровый материнский взгляд заставил его опустить глаза. Спокойна была Салиха, но за этим спокойствием крылось глубокое страдание, боль за единственного сына, за самого родного ей на свете человека, которого провожала она неведомо куда.

В ушах ее еще звенели пронзительные крики абхазских женщин, оплакивающих своих покойников и созывающих соседей, чтобы они разделили с ними горе.

Но вставали перед ней и иные картины. Она видела, как забирали заложниками женщин и детей, как издевались над ними. И после ночи, проведенной в тяжелых раздумьях, Салиха, спрятав боль, спокойно отправляла сына на битву за правое дело.

— Не сердись! Клянусь прахом отца, я ни с кем не попрощался, не хотел прощаться. Я же вернусь, зачем все это? — И он обнял Салиху.

— Смотри, Кезы, — медленно сказала мать, — твой дедушка 19 лет был в лесах, отец твой погиб героем в Акармарском ущелье, и ты не показывай спину встречной пуле.

Кезы гордо выпрямился, выхватил свой кинжал и, безмолвно клянясь в своей неустрашимости, с силой воткнул его в ножны.

Через минуту Кезы уже скрылся за поворотом дороги, ведущей к Кетеван-реке.

* * *

Черноусый предводитель партизан хорошо знал и Кезы, и его Араба. Не раз горячий конь смелого джигита приносил своему хозяину славу на сельских состязаниях. Нетрудно было Мустафе вспомнить и о том, как, бывало, целые стада овец и коз, сбитые с ног шумными потоками горных речек, ударялись о камни и неслись прямо к морю, и тогда Кезы, позабыв об опасности, бросался в грозный водоворот и спасал многих несчастных животных от неминуемой гибели.

Мустафа был рад принять его в свой отряд.

— Но как мать, дети? Ведь нам не завтра по домам, — сказал Мустафа.

— Чистая совесть дороже всего, — спокойно ответил Кезы.

— Да, дад, дело нелегкое, — вздохнул Мустафа. — Ты вот еще молодой, а понимаешь, что нельзя больше терпеть — дети и внуки не простят. Хватит! Достаточно трепали нас. Раскаленный камень лопается, наконец.

Теперь Мустафу молча слушали и другие партизаны.

— Да, да, разве не правду я говорю? Человеческие у нас сердца — не каменные. Правду говорит Кезы — лучше умереть с чистой совестью, чем жить с запятнан-

ной честью. Пусть наши жены останутся вдовами, но не женами трусов!

Мустафа вытер лицо рукавом черкески, сдвинул на бок башлык и тихо сказал:

— Пора в путь, друзья.

* * *

Перед отъездом устроили бой лошадей на дыбах. Под громкие крики товарищей сошел с коня разгоряченный Кезы — победитель, опрокинувший лошадь соперника.

Его успели полюбить в отряде. И потому так внимательно слушали партизаны, уже сидевшие на конях и сдерживавшие их нетерпение, страстную речь Кезы, прозвучавшую как напутствие перед недалекими уже боями:

— Мне ли учить вас? Кто не рожден женщиной?! Кто не видит, что мы в ярме и нам надо снять его ценою крови?! Да прославит народ того, кто с нами; да будет вечное презрение народа на том, кто встанет нам поперек пути! Наши предки пролили немало крови за свою свободу. Лилась она перед зданием лыхнинского собора, лилась она и у Кодора. А кровь наших гудаутских братьев, наверно, еще не остыла на абхазской земле.[1] Разве мы забудем об этом, друзья? Я даю клятву не показать свою спину пуле! — Кезы вынул кинжал, и лезвие его сверкнуло в воздухе. И слушавшие его, повторяя эту старинную клятву абхазцев, все как один, рывком выдернули свои кинжалы и стремительно всадили их в ножны.

* * *

Это было на третьей версте от левого берега шумного Кодора. Была ненастная пора. Кодор вышел из берегов и затопил все вокруг. Дул осенний ветер; срывал последние листья с деревьев, свистел в мокрых кустах. Это было то время, когда выходит из лесу голодный зверь и жадно ищет любой добычи, когда одинокий пут-

---

* Речь идет о восстаниях 1840, 1866 и 1905 годов.

ник, сдаваясь перед непогодой, стучит в первую попавшуюся дверь и просит приюта.

В эти дни меньшевики, взорвав мост через Кодор, отступали в сторону Очамчире. Патризанский отряд Мустафы решил уничтожить их лобовой атакой.

Разъяснив задачу, Мустафа подскакал к Кезы:

— Ну, как, не остыла еще горячка?

— Она остынет вместе с солнцем, — улыбнулся Кезы, — но стоит ли идти всем напролом? Нас много. Часть людей может обойти врага и ударить с тыла.

— Что ж, ты прав, пожалуй...

— Я останусь здесь, — Кезы выпрямился и привстал на стременах — Ты, Мустафа, иди в обход.

— Почему я, а не ты?

— Нет, останусь я... Хочу встретиться с врагом лицом к лицу. Тебе, Мустафа, приходилось это не раз...

Стремительный топот коня послышался сзади, и к ним подлетел, запыхавшись, разведчик Куана.

— Мустафа, о Мустафа! Они отступают, но как? Поистине с быстротой молнии! Через какие-нибудь минуты они могут нас смять...

Куана не успел договорить — Мустафа прервал его:

— Иду в обход! Очамчирцы, моквинцы — за мной. Остальные с Кезы.

Мустафа еле успел пожать Кезы руку на прощанье.

* * *

Местность была незнакома. Необдуманно углубились в лес, с трудом пробирались сквозь заросли. Как ни торопился Мустафа, но добрых полчаса проплутали по лесам и болотам. И когда усталый, замученный лишней ходьбой Мустафа находился в полуверсте от тыла врага, маленький отряд Кезы принимал на себя главный удар.

Изнемогая от неравной борьбы, стиснув зубы, ожидали они помощи.

— За мной друзья! — это была последняя, фраза, которую услышали друзья от Кезы. Шальная пуля остановила биение горячего сердца отважного партизана.

Через несколько минут прямо на передние укрытия ворвалась группа Мустафы, и враг бежал, оставив на поле брани немало горячих голов, немало обманутых судеб.

* * *

В тот день, когда Салиха сидела на берегу Кетевана, рассказывая сказки маленькому Чичико, к селению медленно шла печальная процессия. Впереди вел под уздцы Араба черноусый мужчина с низко опущенной в знак глубокой печали головой. За ним несли носилки, и, окутанный буркой, лежал на них труп Кезы.

— Ой, что я вижу, нан Кезы! — воскликнула вдруг Салиха и мелкими шагами, вытянув вперед дрожащие старческие руки, побежала навстречу процессии. Сердце матери сразу сказало ей, что это сын.

К ней подбежали друзья, крепко взяли ее за руки, чтобы в горе не расцарапала себе лицо.

— Дети мои, не надо мне помощи, — тихо и сурово сказала Салиха. — Скажите только одно: куда вошла пуля?

Партизаны, пораженные, молчали.

— Если пуля попала в спину, то это не мой сын. На нашем кладбище не найдется и клочка земли, чтобы похоронить его. А если пуля попала в грудь...

Салиха умолкла, сдерживая рыдания. Мустафа подошел к покойнику и откинул бурку на груди. Не проронив ни звука, рухнула мать возле носилок. Рядом, дрожа, плакал Чичико.

— Помни, теперь всегда, что ты сын героя, — глухо сказал Мустафа, положив руку на голову мальчика.

Солнце грело по-летнему. Зацветали деревья. Шла весна.

БРАТЬЯ

I

Первый же отдаленный выстрел привлек их настороженное внимание. На другой день на рассвете они выехали из дома, опоясанные патронташами.

Мать сдерживала слезы, но дрожащим голосом сказала вдогонку:

— Не покажите спину пуле...

Гаху вздохнул; ехали молча.

— Ты хотел что-то сказать? — Зураб подъехал к старшему брату..

Гаху покачал голвой.

Только к заходу солнца достигли они горы. Злесь собралось несчетное множество людей. Везде горели костры из сухих листьев. На середине поляны кучкой стояли люди, вполголоса о чем-то совещаясь. Другие лежали под арбами, положив ружья рядом с собой, пели негромко песни Аергов (походные песни). Зураб увидел Тику, соскочил с коня, подбежал к ней. Заверял ее в чем-то жарким шопотом, клялся, прижимая руку к груди. Горючие девичьи слезы прожигали, казалось, траву.

— Тика, Тика, ведь не отговаривать же ты меня пришла?..

— Ты знаешь, Зураб, что нет...

— Ну зачем же говорить об этом? Ты девушка — оружия не знаешь... и потом...

— Неправда это, Зураб... Ты сам учил меня недавно.

Дрожащими руками взяла она у него винтовку.

— Это курок... вот ручка затвора... боёк...

— Так, так — усмехался Зураб.

— Это коробка для патронов, это...

— Ладно, Тика, пусть будет так. Тогда не отставай от меня. Умру, своим платком закроешь мне лицо.

Подошел Гаху.

— Ты с кем собираешься воевать? — серьезно спросил он у младшего брата.

Зураб опустил голову, глядел в землю, искал нужные ему слова:

— Буду бороться за правду.

— Если так, то мы еще встретимся, — сказал Гаху и, сев на коня, ускакал.

Высоко-высоко светила луна. Голубой ее свет тонул в желтом пламени костров. Пронизывающий осенний ветер стягивал холодом лицо.

Войско Махьяла готовилось к походу. Махьял выехал вперед.

— Братья, настало время узнать себе цену. Кто собирается показать спину пуле, пусть уходит сейчас. — Все молчали, только кони осторожно переступали, позвякивая уздечками. — Тогда вперед, братья.

Звенели копыта, высекая искры из каменистой дороги. Долго слышалась песня воинов.

II

Зима стучала в двери дома Селмы, и пусто было возле ее очага. Уже два месяца не было вести от старших сыновей. Муж давно расстрелян меньшевиками на берегу Кодора, двух маленьких ребятишек нужно растить самой...

Однажды вечером постучали в дверь. Пришелец вынул из кармана два листка, протянул Селме.

«Милая мама, — было в одном листке, — не бойся за меня, сына твоего Зураба. Я был ранен в руку, но уже поправился. Скоро очистим мы берег нашей Ингури, и я вернусь к тебе.

Пришла к нам из России Красная Армия. Это хорошие ребята. Мы не знаем их языка, но понимаем друг друга, потому что боремся за свободу. Чувствуешь ли ты, как прекрасно это слово?..

До свидания, мать. До скорой встречи.

Твой сын Зураб».

Так же дрожали руки матери, так же замирало тоской и радостью ее сердце, когда читала она другой ли-

сток, исписанный крупным и твердым почерком. Но смутны были для нее слова ее сына Гаху:

«...скоро уничтожим мы красных дьяволов. Мать, молись днем и ночью за нашего государя. Зураб сошел с ума. Он сам не знает, за что борется. Но скоро прибудет армия Жордания. Пусть дрожат тогда изменники! Любящий тебя твой сын Гаху».

Два листка принесли вести из двух миров. Боролись две силы, два мира, горели два огня. Но все это не было внятно Селме. Вздыхая, проводила она дорогого гостя и вернулась в дом. Последний уголек в очаге слабо вспыхнул и погас. Охватив руками голову и раскачиваясь, тихонько напевала Селма песню, звучавшую когда-то и над колыбелью Гаху, и над изголовьем Зураба:

Встань, подобно солнцу, дитя мое, нан
Догони своих братьев скорей.
Небо станет чистым, уже недолго...
Засияй, как солнце, дитя мое, нан.

Ах, дети... Что означали слова Гаху?

«Красные дьяволы», «Зураб сошел с ума». Уж не поссорились ли они? Почему Зураб не пишет ни слова о старшем брате? А в детстве они были неразлучны.

Новые горькие думы прибавились к медленному течению и без того нерадостных дней матери.

III

Еще одно усилие, еще немного мужества, еще раз сквозь огонь, сквозь пули, сквозь острые клинки. И тогда — мир, долгожданный мир, родной очаг, родные поля, новая, счастливая жизнь.

Вот уже два года Зураб и Тика, не расставаясь, воюют в войске Махьяла. Все время они в гуще войны, но красота девушки не поблекла, слезы горьких потерь не смыли ее румянец. Когда ранили Зураба, дни и ночи сидела она у его изголовья, улыбкой и нежным голосом поддерживая его силы. Вот и сейчас, как звездочка, сияет она среди воинов Махьяла.

С утра небо чисто. Теплые лучи солнца всех подняли на ноги. Люди зашевелились, радостно загомонили.

Весело блещут на солнце воды Ингури. Кто сидит

на берегу, полощет в реке виноградные кисти и сушит их на солнце, кто скрепляет развалившуюся обувь тонкими ремешками, нарезанными из шкур. Ждали Махьяла.

— Как ласково греет сегодня солнце, Зураб!

— Разве только сегодня? Оно всегда такое.

— А кто говорил, что никогда никого не обманывает?

— Ну, разве я сказал неправду? В любую непогоду светило мне солнце. Лучи его проникали мне в сердце, согревая его и делая мужественным. Тогда я забывал о своей боли. А сейчас мне светят два солнца.

Зураб положил голову на плечо Тики. Она погладила его лоб. В этот момент грянул выстрел. Все вскочили. Посреди поляны Махьял трубил поход.

— Нас обошли, — крикнул он. — Они хотят столкнуть нас в Ингури. Большой мост разрушен, отступать некуда. Придется пробиваться.

Люди слушали молча, с напряженным вниманием.

— Надо разделиться на две группы. Я поведу людей направо, вдоль Ингури. Другую группу поручаю Зурабу. Кто выберется из окружения... — Махьял помолчал. — Кто выберется, пусть идет к поляне, где мы вчера стояли.

Негромко прощаясь, люди быстро расходились на две стороны. Через пять минут поляна опустела.

IV

— «А-гуз-з!» — слышалось со всех сторон. Это взрывались бомбы, осыпая землей прижавшихся к камням воинов Зураба. Подниматься в атаку он не разрешал.

— Мне кажется, я понял их: они хотят увериться, здесь ли мы. Когда поверят, что нас здесь нет, то бросятся на отряд Махьяла.

— Тут мы и ударим им в спину, — тихо сказала Тика. Она не отходила от Зураба.

Разрывы затихали. Огонь все заметнее перемещался направо. Все ощущали, что близится минута самого страшного боя — рукопашной схватки. Кто-то ляжет на землю с последним коротким стоном, по ком-то зарыдает старая мать в далеком селении. Мертвые останутся

здесь, живые пробьются, чтобы продолжать борьбу и в тихий час вспоминать погибших.

— Вперед! — Зураб выскочил из укрытия, за ним кинулись остальные.

Через несколько минут слышен был уже только лязг оружия и громкие выкрики: «Ох, умираю! «Собаки!», «О, дьяволы!» «На, получай!» Зураб уложил на месте несколько врагов, бросившихся со штыками на Тику, но тут его самого еле спас от кинжала, уже занесенного за спиной, штык Махьяла. Рослый офицер со стоном рухнул на земле. Рука старика была тверда. «Бейте, бейте этих собак!» — яростно кричал старый Махьял, постепенно загоняя их в узкое место.

Выстрелы стали стихать. Там и здесь лежали трупы, сочилась кровь, и раздавались дикие крики тяжело раненных.

Зураб и Махьял подсчитывали убитых.

— И Сикуда погиб, и Шьмат?.. О, горе! — Скорбный список был окончен. Было так тихо, что слышен был полет мухи и шелест трав. Махьял повернулся к бойцам.

— Поклянемся, товарищи, что дело, за которое сегодня героически погибли наши друзья, мы доведем до победы!

Суровое и негромкое «да!» было ему ответом.

Утром Селму разбудил визг собаки. С трудом поднялась женщина с постели. Вчера весь день полола, не разгибая спины, и сегодня еще ломило ей все кости.

— Ой, несчастная, что же я так заспалась? — Селма стала поспешно одеваться. Она поняла, что кто-то пришел к ним, но не решалась выйти из дома. Кто-то неслышно отворил дверь. Селма от страха даже не смогла встать, только молча глядела на вошедшего. Уж очень необычен был его вид. Одни глаза говорили, что перед ней молодой еще человек. Черная, как смоль, борода закрывала все его лицо. Длинные волосы, как у попа, спускались на плечи. Он тоже смотрел на Селму растерянно, почти испуганно.

— Садись, нан, в ногах правды нет, — выговорила, наконец, Селма и показала ему на скамейку.

— Успею сесть... Что с тобой, мать, неужели не узнаешь меня? — спросил пришелец, вытирая набегавшие слезы.

— Гаху! — мать без памяти упала на руки сына. Долго не приходила она в себя.

Спустя полчаса, сидя перед очагом, Гаху рассказывал ей о себе.

Селма слушала, роняя в огонь слезы, взглядывая иногда на звездочки, блестевшие на погонах сына.

— С нами расправились, мать, — сказал он и злобно сплюнул на золу очага.

Стиснув зубы, долго смотрел на портрет Ленина, висевший на стене, шептал какие-то проклятия. Они долго молчали.

Селма, то и дело, взглядывала на сына, надеясь, что он снова заговорит. Разве понять ей было усталое отчаяние, охватившее его. Она только удивлялась, что сын, вернувшийся домой, сидит безрадостный.

А на другой день вечером въехал во двор Зураб. Был он одет щеголевато. Лицо казалось усталым, но так же, как и два года назад, было по-юношески свежим и румяным.

Младшие братья, игравшие во дворе, приняли его за чужого и смутились. Один даже бросился к дому, но Зураб удержал его.

— Ты не узнаешь меня, малыш?

Легко и весело спрыгнул он с коня и, взяв на руки детей, пошел в дом.

Через полчаса вся семья уже сидела за накрытым столом. Селма от радости не знала, что сказать, только прижимала руки к груди и сквозь слезы взглядывала то на одного, то на другого сына. Гаху молча ел. Зураб говорил:

— Апсны свободна, мать, теперь не бойся ничего.

— Успокойся теперь — ты победил, дал свободу Апсны, что нам больше надо! — со злой иронией сказал Гаху.

— Нет, борьба еще не кончена. Враг побежден, но пока он еще остался врагом...

Взгляды братьев встретились. Многое могла бы прочесть в них мать, но радость застилала ей глаза. В ее любовь к обоим сыновьям еще не примешалась горечь. Горе ее, отчаяние и безысходная тоска — все еще было впереди.

ПЬЕСА

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

(Драма в 4-х актах и 7 картинах)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Уарчхан — женщина лет 50-ти
Фариза — невестка Уарчхан, 30 лет
Тариэл — сын Уарчхан, 33 лет
Татлан — сын Тариэла и Фаризы, 13 лет
Матрос — 30 лет
Самсон
Заур
Цицана — девушка, лет 19-ти
Джапар — 40 лет
Барон Фон Клыч
Шмерке — его адьютант
Роберт Шнау — комендант
Гестаповец
Пленный фашист
Несколько крестьян
Коко, повар у немцев.

ПРОЛОГ

Опушка леса. Слева вдалеке дымное зарево. Это горит деревня. Молча стоят трое.

У а р ч х а н. Видишь, Татлан, видишь? Вон горит твоя школа...

Ф а р и з а. Боже, что же делается, боже!

Т а т л а н. Мама, я пойду с отцом!

Ф а р и з а. Иди, мой мальчик, иди! Бедное наше село...

(Женщины уходят. Из-за дерева выходит Самсон, свистит. Появляются Тариэл, матрос, Заур. У матроса рука на перевязи).

М а т р о с. Никогда не потерпит этого тот, кому дорога родная мать. (Долго смотрит на пожар). Мы отомстим!

З а у р. (Поднимает горсть земли, тщательно завязывает в платок). Здесь не ступил еще грязный сапог фашиста, земля пока чистая. Клянусь над этой горстью родной земли отомстить врагам!

В с е: Клянемся, что не пройдем по родной земле раньше, чем отомстим за нее! (Друзья целуют завязанную в платке землю и исчезают в лесу. Появляются барон, адьютант Шмерке и комендант. За ними, прихрамывая, идет Джапар).

Б а р о н. (Величественно протягивая руку в сторону зарева). Где ступит нога истинного немца, там пожар и пепел. Это заставит, наконец, образумиться наших врагов... Ну, ты, эта дорога здесь кончается, что ли?

Д ж а п а р. Клянусь создателем сего мира, тобой клянусь, что эта тропинка кончается здесь. Дальше уже горы, утесы...

К о м е н д а н т. Без танков тут нам не обойтись, но и танки не смогут карабкаться по горам.

Барон. Что же, воевать бросим?.. Где танк не пройдет, там должен пройти солдат. (В это время сзади раздается выстрел. Барон падает. Сопровождающие быстро подхватывают его и убегают).

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ.

Картина первая.

Пацха семьи Тариэла. У очага разжигает огонь Уарчхан, Фариза сидит у зеркала, причесывается.

Фариза. Сегодня комендант остановил меня и говорит, мол, если не причешусь как следует, не пропустит к барону.

Уарчхан. А ты что, лохматая пришла?

Фариза. Нет, просто они хотят, чтобы я делала на голове разные завитушки, как у их женщин... Требуют, чтобы мы, мол, их культуру перенимали.

Уарчхан. Да будь они прокляты!

Фариза. Если бы знали, зачем я навязываюсь к ним, давно бы слетела с плеч моя голова.

Уарчхан. Т-ш-ш... Идет кто-то?

Фариза. (Выглядывая) Что, уж Джапара не узнаешь?

Уарчхан. Матроса предупреди, что идет чужой. (Фариза быстро уходит в другую комнату, потом возвращается, подходит к тумбочке, на которой лежит револьвер, прячет его в ящик и запирает на ключ. В дверях уже стоит Джапар, делая вид, что не замечает ее действий).

Уарчхан. Садись, что ли, Джапар.

Джапар. Что ж, если разрешаете, сяду.

Фариза. Чудной ты, Джапар, вечно любишь кольнуть нас, иначе разговаривать не можешь.

Джапар. А что, мои слова задевают тебя?

Фариза. Говори что-нибудь толковое, тогда не будут задевать.

Джапар. Значит, я совсем бестолковый, да?

Уарчхан. Фариза, ты бы помолчала.

Джапар. Что вы, пусть говорит, я не обижусь.

Фариза. (Смеется). Джапар знает мой характер... Слушай, а куда же ты дел свой чуб?

Джапар. Кроме чуба, не нашла о чем говорить?

Уарчхан. Молчи, нан Фариза, не твое это дело.

Джапар. Да, когда человек остается без дела дома, он обычно становится не в меру языкатым.

Фариза. Ох, бедняга, он гибнет под грузом великих дел. (Смеется).

Джапар. (Значительно). Не смейся над упавшим впереди тебя.

Фариза. Да я шучу, что ты обижаешься?

Джапар. Ты шутишь, а ведь не знаешь даже, жив или мертв твой хозяин. (Имеет в виду Тариэла).

Фариза. (Спокойно). Это не твое дело.

Джапар. Да, есть такие женщины... Их мужья только вчера отправились воевать, а они уж сегодня гуляют и веселятся.

Уарчхан. Каждый сам отвечает за свою честь, Джапар.

Фариза. Раз ты такой честный, что ж не ушел туда, куда ушли все?

Джапар. Я должен отдохнуть, присмотреться. А там увидишь сама.

Фариза. Что-то ты зачастил в комендатуру.

Джапар. Разыскиваю свои документы.

Фариза. О том, что сидел пять лет?

Джапар. Да, и об этом.

Фариза. Тебе ведь еще оставалось сидеть?

Джапар. Да, еще пять лет.

Фариза. В чем тебя обвиняли, я забыла?

Джапар. В убийстве предколхоза.

Фариза. Ах, помню, помню... (Уарчхан уходит)

Джапар. (Тихо). Фариза, ты мне веришь?

Фариза. Не первый год тебя знаю...

Джапар. Не веришь, значит?

Фариза. Сейчас и брату не всегда доверяешь. А что ты хочешь?

Джапар. Хочу в партизаны уйти, но не смог достать оружия.

Фариза. В партизаны? Зачем это тебе?

Джапар. (Растерянно). Как зачем?.. Сама знаешь.

Фариза. Ну и что, ты думаешь, у меня оружие есть?

Джапар. (С неожиданным спокойствием, наблюдая за ее лицом). Правда, то, что у тебя есть, меня не выручит. Слишком маленький...

Фариза. Брось притворяться, отлично знаешь, что у меня ни маленького, ни большого нет.

Джапар. (Глядя на нее в упор). А то, что носила, когда была бригадиром?

Фариза. Вечно ты надоедаешь мне этим бригадирством. Давно ведь это было.

Джапар. Всего лишь шесть лет, между прочим.

Фариза. С тех пор я постарела.

Джапар. Ну, Фариза о чем нам долго говорить. Ты же сама понимаешь, что без оружия я не могу идти к ним.

Фариза. Ну, а я причем?

Джапар (Осторожно, но настойчиво). А может, у вашего гостя есть?

Фариза. У какого такого еще гостя?

Джапар. Э, не надо быть такой скрытной.

Фариза. Ты о том раненом, что ли говоришь?

Джапар. (Насмешливо). Да, о том раненом.

Фариза. Давно уж ушел. Он всего три дня у нас был.

Джапар. А куда же ушел? К партизанам?

Фариза. Не спрашивала. Он смоленский, может, к своим и ушел.

Джапар. А я, между прочим, узнал, что он партизанский командир... Да, вот так-то.

Фариза. Кто это тебе сказал?

Джапар. Да ведь и у деревьев есть уши.

Фариза. Ну, так и иди к партизанам, раз тебе все так известно.

Джапар. Пошел бы, но оружие надо достать. (Входит Уарчхан с хворостом).

Фариза. (Уарчхан). Сказала бы мне, я бы принесла сама.

Уарчхан. Зачем тебе идти, и у меня ноги, слава богу, пока целые.

Джапар. Ну что ж, до свиданья. (Уходит).

Уарчхан. (Вслед). Доброго пути... Что ему нужно было?

Фариза. Оружие ищет, хочет в партизаны уходить. (Входит матрос).

Матрос. Что он хотел?

Фариза. Хочет уйти к вам.

Матрос. Ну и что?

Фариза. Ничего. Как говорят русские, у него своя голова на плечах.

Матрос. Видно, она у него только для красоты. Что же он, не смог достать оружие?

Фариза. Кто же даст этому несчастному оружие?

Матрос. Что, не нашел нигде фашиста?

Фариза. Какой же фашист ему отдаст?.. Шутишь, да?..

Матрос. Какие шутки! Мирно не отдаст, конечно...

Уарчхан. Ну, насильно этот несчастный что может сделать...

Матрос. Ну что ж, пора мне к Тариэлу. И так 15 дней здесь пролежал, как в доме отдыха.

Фариза. Подожди, Татлан должен придти. Посмотри-ка на мою прическу. (Поворачивается).

Матрос. Ну, им сразу вспомнятся их Эльзы и Марты. Да, главное, когда пойдешь туда вечером, выясни, отправилось ли уже танковое войско. (Входит Татлан).

Татлан. (Бабушке). Почему это ведро не висит?..

Уарчхан. Ох, чтоб я сдохла, забыла совсем. Что это с нами случилось, нан Фариза?

Татлан. Весь день провалялись в кустах...

Матрос. Думал, немцы тут? А кто же с тобой?

Татлан. Самсон. Вот тебе записка. (Передает листок). Джапар был здесь?

Уарчхан. Был. Что, он встретился с тобой?

Татлан. Ну и что, если встретился? Что, у него глаз дурной?

Уарчхан. Нет, нан, просто я хочу, чтобы ты на него не дулся. Здоровайся при встречах.

Фариза. Но много не говори. Если что спросит, отвечай, что не знаешь.

Татлан. Да, как раз, буду я Джапара бояться.

Фариза. Не бойся, но все же...

Уарчхан. Зачем, нан, бояться, разве Джапар не наш? (Фариза не отвечает).

Татлан. (Матросу). Если я тебе не нужен, то пойду пришлю Самсона.

Матрос. Пусть он осторожно. Немцы могут появиться в любой момент. (Татлан уходит). Тариэл мне записку прислал. (Фариза бросается к матросу).

Фариза. Что он пишет?

Уарчхан. Хоть бы раз зашел. Неужели у него по нас душа не болит?

Матрос. Некогда ему, мамаша. Человек живет, как в огне, откуда у него свободное время. (Входит Самсон).

Самсон. Товарищ командир, ваш приказ выполнен.

Матрос. У немцев танковая дивизия готовится к бою. Иди быстро к Тариэлу, я за тобой. Пойдем поодиночке. (Самсон уходит).

Уарчхан. (Матросу). Подожди, поешь хоть что-нибудь.

Матрос. Нет, пора. (Собирает вещи). До этих пор я абхазцев хорошо не знал. До свидания, мамаша, если живым останусь, после войны расскажу своей матери, что есть в Абхазии женщина, которая была ко мне добра, как родная мать. (Уходит).

Уарчхан. (Вытирая слезы). Привыкла к нему, как к сыну... (Вспомнив). Ой, как же это я, а, Фариза? Моего Татлана весь день в кустах заставила пролежать. Хоть бы ты напомнила.

Фариза. Я ж говорила, что не только немцы — даже если Джапар идет, сразу снимать с кола ведро. Джапар, хоть и не враг нам, но я никому не верю. (За окном шум. Уарчхан бежит во двор и снимает ведро. Фариза смотрит в окно).Опять фашисты! Так каждый день.

Мужской голос. Партизан, партизан! (Доносится выстрел).

Женский голос. Боже мой, убили...

Фариза. (Помертвев). Татлан... (Входит Уарчхан). С Татланом несчастье, я чувствую.

Уарчхан. Что ты, он далеко уж, наверно.

Голос старика. Скоро и детей у груди будут убивать, как партизан. (Слышится немецкая ругань и новый выстрел. Женщины по-прежнему стоят у окна, смотрят в щель).

Фариза. Смотри, Джапар бежит.

Уарчхан. Видно, за ним гонятся, за несчастным.

Фариза. Да нет, не видно, чтобы гнались. (Выстрел). Ох, упал... Убит, наверно. Нет, опять бежит. Убежал... (Вбегает Татлан).

Уарчхан. Мой Татлан! (Бросается к нему).

Голос со двора. Партизаны тут есть?

Уарчхан. Нет, нан, откуда тут быть партизанам. (Входят трое. Двое вошедших первыми — с автоматами).

Шмерке. (Показывая на вошедшего последним) Барон фон-Клыч! Губернатор Кавказа. (Показывая на второго) Комендант Роберт Шнау. (Показывая на себя). Адьютант барона солдат Шмерке! (Семья стоит в безмолвии).

Барон. (К Татлану) Партизан?

Шмерке. (Беря Татлана за воротник). Партизан?

Уарчхан. Он еще ребенок. Всего 10 лет ему. (Показывает на пальцах).

Барон. (Брезгливо отводя руки Уарчхан). Где его отец? (Фариза прижимает руки к груди, в ужасе смотрит на Татлана).

Татлан. (Не замечает ее взгляда, с угрюмой гордостью). Мой отец воюет. (Барон рассчитанным ударом бьет его в живот носком сапога).

Фариза. (Защищая сына) Дьяволы! За что вы его бьете?

Уарчхан. Убейте лучше меня!

Барон. (Насмешливо) Не беспокойтесь!

Уарчхан. (Гладит прижавшегося к ней Татлана. Тихо). Дай бог, чтобы вы лишились родительского счастья!

Комендант. Что ты бормочешь?

Уарчхан. Говорю, за что вы бьете нашего единственного мальчика?

Комендант. Хватит разговоров! Доставай еду, ставь на стол!

Уарчхан. Вот только вчерашняя фасоль...

Комендант. Шмерке! Поди, поищи, может, ты найдёшь чего-нибудь получше. (Шмерке уходит).

Барон. Нужно обыскать дом. Джапар говорил, что револьвер спрятан где-то здесь.

(Обыскав все углы, комендант взламывает тумбочку и вынимает револьвер).

Фариза. Это мне подарили, когда выходила замуж!

Уарчхан. Это подарок обручальный!

Барон. Хорош подарок! В штаб! Мать и сына в штаб! (Вбежавший Шмерке уводит Фаризу и Татлана).

Солдат. (Вбегая, испуганно). Партизаны близко!

(Барон выходит быстрым шагом. Захватив кое-что из еды, за ним бежит комендант. Солдат, оглядевшись, торопливо набивает едой вещевой мешок. Слышатся выстрелы. Солдат пытается уйти, но дверь уже заперта снаружи. В это время из другой двери в комнате появляются Тариэл и Самсон. Солдат медленно поднимает руки).

Занавес.

Картина вторая.

Полночь. В небольшой хижине собрались партизаны. В сторонке, прислушиваясь к разговору, сидит Уарчхан.

Матрос. Сколько их в караульном помещении?

Самсон. Двадцать пять. Еще повар их рядом готовит...

Матрос. Приведите-ка этого типа, которого сегодня поймали. (Заур уходит).

Уарчхан. Ты об этом несчастном Джапаре?

Тариэл. Этот ворон все старался убежать от войны.

Уарчхан. Что ты, Тариэл, ну что этот бедняга смог бы сделать на фронте?

Матрос. Он обязан воевать.

Уарчхан. Да это все равно что я, старуха, решила бы уничтожить всех фашистов.

Тариэл. Он старается притвориться безобидным. А за что он сидел, по-вашему?

(Все это время Цицана и Самсон молча чистят оружие. Заур вводит Джапара).

Джапар. Здравствуйте.

Тариэл. Иди-ка сюда, герой.

Джапар. (Идет, прихрамывая). Слушаю тебя, дорогой. Не понимаю только, почему ты пригнал меня сюда под дулом ружья.

Тариэл. Не понимаешь? За обман Родины, за то, что болтаешься зря, разгильдяйничаешь, не взял в руки оружия.

Джапар. Мне его не дали...

Цицана. Может быть, подушку и одеяло тебе дать?

Тариэл. Не дали, говоришь? (Цицане). Кто тебе дал оружие, Цицана?

Цицана. Отобрала у фашиста.

Тариэл. А тебе кто дал, Заур? Тебе, Самсон?

Заур. Снял с убитого мною...

Самсон. Разоружил часового.

Матрос. (Джапару). Видел? Вот как они достали оружие, сами.

Тариэл. Враг вот-вот подходит к Кавказским горам, а ты все оружие ищешь.

Матрос. Словом так: воевать собираешься?

Джапар. Еще бы! Так сразу бы и спросили. Воевать для меня не ново.

(Матрос жестом собирает вокруг себя партизан, раскладывает нарисованную от руки карту, начинает объяснять план предстоящей операции)

Матрос. Вот наш лес... Здесь шоссе... Вот караульное... Я иду с Зауром. Мы забрасываем гранатами... Самсон и Тариэл добивают их из автоматов. (Поворачивается к Уарчхан). Да, мамаша, сегодня, когда будешь готовить обед барону, не вздумай положить отраву в еду.

Тариэл. Чего ж его жалеть, товарищ командир?

Матрос. Он нам нужен живым.

Тариэл. Зачем? Откармливать его, что ли?

Матрос. Ты вечно спешишь, Тариэл.

Тариэл. У них в руках моя жена и сын, товарищ командир.

Матрос. Мы освободим их, ты знаешь. (Слышится крик петуха). Счастливого пути, мамаша!

Тариэл. (Обнимая мать). Если днем сможешь вернуться, приходи прямо к нашим шалашам.

Уарчхан. Как смогу, нан. (Уходит).

Матрос. (Зауру). Иди, проследи, чтобы все подготовились. Скоро выступать. (Поворачивается к Джапару). Так я все-таки не понял, почему у тебя нет оружия.

Джапар. (Он кажется уже совсем запуганным). Ничего не знаю, ни в чем не виноват, мне не дали оружия.

Тариэл. Что с ним говорить?

Матрос. Страна по колено в крови, а тут здоровый мужчина болтается без дела, городит всякую чепуху...

Т а р и э л. Скрывается от фашистов и бежит от партизан...

М а т р о с. Пройдет война, тебя спросят: а что же ты, Джапар, сделал полезного для Родины?

Т а р и э л. Он скажет, что сохранил себя.

М а т р о с. Точно, так и скажет. (Тариэлу). Пусть пока хорошо сделает нам карту.

Д ж а п а р. За один час все сделаю, за один час. (Входят партизаны).

М а т р о с. (Тариэлу). Ты с отрядом отправляйся в лес. Ты понял?

Т а р и э л. Понял, товарищ командир! (Все уходят, кроме матроса и Самсона).

С а м с о н. Я думал, мы идем прямо к караульному...

М а т р о с. Туда и идем... Кто знает этого Джапара? Когда тебе нужно вправо, скажи, что ты идешь влево. Война есть война.

С а м с о н. Ясно, товарищ командир. Сегодня жду вас в кухне фашистов.

М а т р о с. Если сможешь поставить шнапс, придем точно. (Уходят оба).

З а н а в е с.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ.

К а р т и н а п е р в а я.

Лес возле шоссе. Среди деревьев немецкая кухня. Повар Коко готовит обед. Длинные волосы торчат из-под шапки, засучены рукава, в одной руке черпак. Он мешает в котлах, не снимая с груди автомата.

К о к о. (Вытирая пот) Что за народ! С какими людьми имею дело! Сегодня уже пять врачей приходило. Один захотел проверить калорийность и съел целую миску, другой говорит: «Может, ты бросил сюда медный купорос», и нажрал три миски. А если солдатам не хватит, то я буду виноват. (Зачерпывает и пробует, морщась). Ох, и обожрутся мои солдаты. Если бы я это делал барону, он, не задумываясь, швырнул бы мне миску в физиономию. Но голодные солдаты накинутся на

это, как зверье. Боюсь, как бы они вместе с едой свои пальцы не сожрали. (Нюхает суп). Фу, какая вонь. (Достает флягу, глотает). Завтра буду спать до вечера. Что за сумасшедшая ночь! Эх, молодость моя, где ты?.. Жанетта, ангел мой... Если бы ты увидела сейчас своего Коко!.. (Вынимает из бокового кармана фотографию). Мой Пьер! Как ты подрос, наверно, за три года... О, моя бедная Франция! (Прячет фотографию, вытирает слезы). Хайль Гитлер! Фашистский солдат не должен плакать. Не горюй, Пьер, скоро мы накормим тебя русским салом. (Из леса выходит Шмерке, Коко вздрагивает).

Шмерке. Что ты пугаешься, кому ты нужен?

Коко. Как ни говори, кругом лес... земля чужая.

Шмерке. Земля была чужая, а теперь она наша.

Коко. Да, конечно... Но черт возьми, зверей слишком много в здешних лесах!

Шмерке. Тебя зверь не утащит, слишком тяжел. (Нюхает пар, причмокивая).

Коко. (Тихо, в сторону). И этот вертится около моей кухни, но видит бог, напрасно.

Шмерке. Черт возьми, как приятно пахнет!

Коко. Да, ничего себе.

Шмерке. Всю ночь брожу с затянутым ремнем, кишки так и играют.

Коко. Ай-я-яй... Очень сожалею.

Шмерке. У барона немного съешь.

Коко. Что поделаешь!

Шмерке. (Опять нюхает, низко наклонившись над котлом). Ох, один запах чего стоит!

Коко. Да-да... (Тихо). Коли ему понравилось мясо дохлого осла, то от говяжьего духа он совсем бы помешался.

Шмерке. Интересно, как на вкус?

Коко. (Тихо). Теперь перешел ко вкусу. (Громко). И вкус ошеломляющий, разумеется.

Шмерке. Черт побери, у меня прямо слюнки потекли.

Коко. И у меня беспрерывно идет слюна, да что ж поделаешь!

Шмерке. Что ж ты жалеешь, поел бы немного и мне бы дал несколько ложечек...

Коко. (Тихо). Как беспокоится за меня! Просто трогательно! (Громко). Благодарю за совет, но потом солдатам не хватит.

Шмерке. (Решившись). Знаешь, если я сейчас не пожру, наверняка не доберусь до барона.

Коко. (Тихо). Чтоб ты треснул. (Громко). Дам один черпак, больше не проси.

Шмерке. (Радостно). Давай, давай, дружок!

Коко. (Протягивая миску). На, пользуйся моей добротой, пока я жив. (Тихо). Чтоб ты подавился. (Уходя). Пойду, дров поищу. Не уходи, пока я не вернусь.

Шмерке. — Никуда не уйду, не беспокойся. Ну, за то, что ты меня так проморил, сейчас покажу тебе, на что я способен. (Быстро опустошает миску, наливает вторую). Я не я, если не съем и третью. (Едва успевает налить, как появляется Коко с охапкой дров).

Коко. Эй, как ты жадно лопаешь! Гонят тебя, что ли? (Заглядывает в миску). Эй, любезный, твой суп растет, что ли?

Шмерке. Очень горячий был, я долил холодной воды.

Коко. (Скрывая злобу). А-я-я-яй, не бережешь ты свой желудок.

Шмерке. (Наевшись, вытирает губы). До свидания, Коко, спасибо тебе, друг.

Коко. На здоровье. (Тихо). Что б ты лопнул.

Голос. Коко! Коко! Где ты?

Коко. Разнюхали кухню, шакалы. (Громко). Эй, кто там?

Комендант. (Выходит из леса). С голоду умираю! Коко, где же ты?

Коко. (Резко). Здесь, господин комендант.

Комендант. Дай-ка побыстрей что-нибудь в рот положить, умираю.

Коко (тихо). Ты вечно умираешь. (Коменданту). Что именно, господин комендант?

Комендант. Да что попадет в руки.

Коко. (Тихо). Охотнее всего я сунул бы тебе в горло черпак. (Громко). Вот, кусок ноги есть.

Комендант. Еще?

Коко. Печенка есть.

Комендант. Еще что?

Коко. Голова осла, ребра.

Комендант. Еще, еще...

Коко. (Тихо). Видно, он хочет кусок пожирнее, но у осла не бывает курдюка, как у барашка. (Громко). Мозговые кости, язык...

Комендант. Язык, говоришь? Боюсь, буду кричать по-ишачьи. (Хохочет, довольный своей шуткой).

Коко. (Тихо). А чем ты лучше осла?

Комендант. Ты что-то сказал?

Коко. Да жарко, говорю, очень.

Комендант. Да, у тебя очень много работы. (Заглядывая в котел). Дай-ка вот этот кусочек, кажется, жирный.

Коко. Сейчас же, господин комендант! (Вынимает и отдает).

Комендант. (Садится и ест). Эх, сейчас бы глоточек водки!

Коко. (В сторону). Этот ишак учуял-таки запах моей водки. (Коменданту). Не то что выпить — понюхать давно нечего.

Комендант. (Вскочив). Как? Ты ничего не пил?

Коко. Откуда мне, бедняге, взять?

Комендант. (Разгневанно). Значит, тебе не дают спиртное?

Коко. Забыл уж, когда выдавали.

Комендант. Так, так! (Записывает в блокнот). Больше ни на что не жалуешься?

Коко. Да вот хлеба и мяса солдатам маловато.

Комендант. Так, так! (Записывает). Еще что?

Коко. (Подумав). Больше ничего не помню.

Комендант. (Встает). Хорошо! Сейчас пришлю человека. (Уходит).

Коко. (Думает, расхаживая около котлов). Что ему от меня надо? Наверное, хочет как-то наградить за то, что накормил его. (Достает флягу, пьет. Потом начинает напевать, сначала вполголоса, затем громче)

«...бом-бах, бом-бах,
Вперед, вперед, с оружием в руках.
Пусть льется кровь не нашей нации!
Бом-бах, бом-бах,
Покрепче штык держи в руках!»

(Из леса выходит низкорослый немец. У него тяжелый взгляд, жесткая складка у рта. Коко, глядя на него, умолкает, смотрит настороженно).

Пришедший. Ты Коко?

Коко. Так точно, господин...

Пришедший. Я представитель гестапо.

Коко. Очень рад, может быть, покушать хотите?

Пришедший. Молчать! Отвечай на вопросы.

Коко. Я готов...

Пришедший. «Я хожу голый, босый, голодный — это твои слова?

Коко. Только сейчас слышу... Что такое?

Пришедший. Молчать! За эту болтовню завтра утром пойдешь в штрафной батальон. Прощай! (Уходит).

Коко. О боже! Ничего не понимаю... (Слышатся выстрелы. Через несколько секунд слева выбегает Самсон, быстро обезоруживает растерянного Коко).

Самсон. (Связывая Коко). Спокойно, голубчик, спокойно!

Коко. Капут! Капут!

Самсон. И без тебя знаю, что капут.

Коко. Пан, господин! Не убивай! (Рукой показывает, что есть дети).

Самсон. Ладно, помалкивай! Где твой обед? (Открывает крышку котла). А, вот он! Хорошо. (Пробует суп). Только перцу мало. Что это за мясо? Конина?

Коко. Такой... такой. (Показывает рукой длинные уши).

Самсон. Ослиное мясо, что ли?

Коко. Такой... такой. (Показывает рост животного—себе по грудь).

Самсон. А голос, голос какой: и-го-го! Или бе-е-е?

Коко. (Кричит по-ишачьи). Каа-кый, каа-кый!

Самсон. Понял, понял! (Складывает в мешок буханки хлеба). Ну-ка, поднимай этот мешок!

Коко. Ох!

Самсон. Что же делать, ишака вы зарезали, теперь вместо ишака будешь ты. (Подталкивая Коко, Самсон отправляется в путь. Навстречу появляется Тариэл).

Тариэл. Кто это, Самсон?

Самсон. Это наш маленький ишачок. А у вас как дела?

Тариэл. Наши дела хороши. Барону, видно, не уйти сегодня.

(Появляется матрос).

Матрос. Все сделано. Уходим отсюда. За мной! (Быстро уходят, уводя за собой повара. С другой стороны появляются барон фон-Клыч и Шмерке).

Барон. Они еще здесь. Сейчас же нужно окружить лес. Где караульные?

Шмерке. Было тридцать пять... пятнадцать человек разбежались кто куда...

Барон. А остальные?

Шмерке. Царство им небесное...

Барон А где комендант?

Шмерке. Его взяли в плен.

Барон. (Дает Шмерке пощечину). Как ты сказал? Где ты слыхал, чтобы офицера немецкой армии забирали в плен?

Шмерке. Своими глазами видел, господин...

Барон. Пусть оставшиеся солдаты окружат лес! (Уходит).

Шмерке. Наверное, у него что-то с головой случилось. Окружайте, говорит, лес. Один я, что ли, его окружу? (Замечает котел с супом, оглядывается по сторонам и видит, что Коко нет). Как во-время я попал. Но где же он? В кустах, наверно, где-нибудь валяется. (Лицемерно вздыхает). Ах, шнапс его погубит. (Снимает крышку с котла, начинает есть. Появляется Джапар).

Джапар. (Шмерке). Тш-ш! Это я. Позови барона. (Шмерке уходит). Как удачно я сбежал от них. (Появляются барон и Шмерке).

Барон. Ну, что сделал?

Джапар. Узнал количество, «сфотографировал» командира вам на память.

Барон. Сколько же их?

Джапар. Здесь, примерно, батальон, остальные в лесу. Тридцать человек охраняют штаб.

Барон. Сейчас же отправляйся в штаб и продолжай свое дело!

Джапар. Слышу, но...

Барон. Что такое?

Джапар. Не велели возвращаться без оружия...

Барон. (Шмерке) Выдать ему! Значит, штаб защищают тридцать человек? Мы с ними еще поговорим! (Уходят).

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ.

Картина первая.

Негустой лес у подножья скалы. Видны горы. Часовой с ружьем. Шалаши. Под одним из деревьев сидит Коко, над ним стоит Джапар с ружьем в руках.

Джапар. (Оглядываясь вокруг). Правду говори!

Коко. Я сказал все, что у меня на сердце. Я француз... Фашистов я всегда ненавидел.

Джапар. Так почему же ты с ними?

Коко. Насильно взяли. Меня и мою совесть... Я ненавижу их. Они не сделали для Франции ничего, кроме плохого.

Джапар. Они же освободили Францию!

Коко. Нет, простите. Они надели на Францию ярмо.

Джапар. Ты, наверно, просто боишься меня. Слушай, давай удерем. Так будет лучше, ручаюсь.

Коко. Простите, куда?

Джапар. К барону.

Коко. Плохая шутка. Нет, туда я не пойду. Мне сказал ваш старший... Отправит в Москву. Там французы есть, нормандцы.

Джапар. Да, знаю. Нормандия — это местность на северо-западе Франции.

Коко. Для меня это не самая свежая новость. Я родился там.

Джапар. Ну и что же тогда в Москве?

Коко. Меня отправят в войско, носящее имя Нормандии.

Джапар. Нет, прежде я отправлю тебя совсем в другое место. Шагай вперед! (Выводит его подальше от шалашей. Раздается выстрел. Из шалаша, протирая

сонные глаза, выходит Самсон. Он видит Джапара).

Самсон. Мне приснилось или действительно был выстрел?

Джапар. Спите вы все! Если бы не я, ваш француз удрал бы.

Самсон. Кто? Коко? Так где же он сейчас?

Джапар. Не слышал выстрела?

Самсон. Так где же, я спрашиваю?

Джапар. Отправил за солью. Ясно теперь?

Самсон. Кто тебе разрешил?

Джапар. Так убегавшего...

Самсон. Не верю. Коко не мог бежать.

Джапар. Дело твое. Я говорю, что пытался бежать. (Уходит).

Самсон. (В раздумье). Кто его знает, может, и правда хотел сбежать.

(Быстрыми шагами к шалашам идет Тариэл).

Тариэл. Ты уже знаешь о Зауре?

Самсон. Что такое?

Тариэл. Ну, дела такие: его схватили, он в тюрьме. Видишь ли, у них тут много солдат, много танков. Не сегодня-завтра они должны отправиться на фронт, и под первым же мостом их ждет хороший подарочек. С остальными, думаю, мы справимся. Командира нашего ранили, но не тяжело. Постель ему нужно приготовить.

Самсон. Сейчас же. Ну, как вы, очень голодны? Провизии у меня маловато.

Тариэл. (Улыбается). Партизану на то дали оружие, чтоб не голодал... Там позади меня везут здорового кабана.

Самсон. Чудесно! Моя кухня будет еще богаче. (В это время два партизана тащат завернутого в простыню фашиста, кладут около шалаша).

Самсон. (Разворачивает простыню). Что за чудо! (Немец, лежа, озирается). Вставай, вставай! (Самсон вынимает из кармана картошку и разрезает ее на части). Видишь это? Вставай, говорю, а то и с тобой так будет.

Немец. (Встает). Вы есть люди бескультурные. Хайль Гитлер! Германия — цивилизация! Мы — это много. Франция — мы, Югославия — мы, Греция — мы. Вся Европа — мы...

Самсон. Молчи, змея! Твоя Европа тебе сейчас

не поможет. Твоя жизнь в моих руках. У меня в памяти весь список твоих преступлений. (Приводят раненого матроса. Цицана делает перевязку, он засыпает на носилках из веток. К Самсону подходит Тариэл).

Тариэл. (Тихо) Иди, отдохни. Я посижу здесь. (Самсон и Цицана уходят. Тариэл сидит, обхватив голову руками). Цицану, видно, мучит судьба Заура. Вот так мое горе всегда было горем моей Фаризы. А теперь? Где она, где мой маленький Татлан? Они ждут моей помощи, а я должен бездействовать. Говорил ей — уходи со мной. Нет, говорит, лучше я буду тайно действовать здесь. Ах, милая моя... (Прислоняется лбом к дереву. Появляется Цицана, тихонько кашляет. Тариэл оглядывается).

Цицана. Тариэл, начальник караула зовет. (Тариэл уходит). Заур, мой дорогой... Пусть даже между небом и землей клину тесно будет, все равно я найду тебя. Подожди до завтра! (Цицана сидит, тоскливо раскачиваясь, что-то напевая. Потом кладет голову на пень и, усталая, мгновенно засыпает. На сцене постепенно уменьшается свет. Входит Самсон).

Самсон. Заснуло мое солнышко, кролик мой маленький. (Тишина. Слышен только храп пленного немца. На часах по-прежнему стоит Джапар, добровольно сменивший Цицану еще в начале картины. Самсон прилег, слушает, сморщившись, храп немца. Джапару). Храпит, как свинья. Ты не очень-то доверяйся ему. Они коварные, как змеи, смотри в оба! (Заснул. На сцене постепенно гаснет свет).

Картина вторая.

Сцена прежняя. Все спят, кроме Джапара. Джапар обходит всех спящих, заглядывает им в лица, потом, осмотревшись кругом, будит немца и развязывает его.

Джапар. (Показывая на нож). Сейчас самый подходящий момент, господин комендант... (Джапар кладет около немца нож и быстро уходит. Немец берет нож, оглядываясь, подкрадывается к матросу. В это время появляется Тариэл).

Тариэл. Руки вверх! (Стреляет. Немец падает.

Подбегает Самсон, поднимается на одной руке встревоженный матрос). Где Джапар?

Самсон. Спит, наверно. Так и не понял, что он воюет.

Матрос. (Тоном, не предвещающим ничего доброго). Найти сейчас же.

(Самсон убегает, доносится крик петуха).

Тариэл. Если к добру, крикни еще разок!

(Тишина. Все сурово молчат. Появляется Самсон).

Самсон. Нет нигде Джапара, товарищ командир.

Матрос. Не удивительно! (Показывая на немца). Самсон, следи теперь за этой собакой. (За спиной матроса Самсон показывает немцу, что убьет его. Немец дрожит и всхлипывает. По тону партизан он почувствовал недоброе). Самсон, что там такое?

Самсон. Ничего, товарищ командир, он мне язык показал, тогда я ему показал, что отрежу язык: вот он и испугался.

Матрос. (Досадливо машет рукой). Пора кончать шутки. Надо решать главное. Нас прижали к скалам. Барон со своими частями держит ворота. Пока мы не уничтожим эти части — ворота не откроем. А сколько еще душ нуждается в нашей помощи в тюрьме барона.

Тариэл. (Мрачно). Боюсь, что для многих уже поздно. Барон скор на расправу.

Матрос. Ты же знаешь, Тариэл, что мы ждем твою мать, что она нам скажет об охране тюрьмы. (В это время Цицана ведет женщину в рваной одежде, с лицом в грязи и в крови).

Тариэл. Мама! (Подбегает к Уарчхан).

Матрос. Что случилось, мамаша? (Вытирает платком ее лицо).

Уарчхан. (Садится на пенек). Еле унесла я душу свою. Если бы не нужна была вам — легла бы где-нибудь в кустах ожидать свою смерть. (Увидев немца, вскакивает на ноги). Этот зверь и сюда за мной прибежал! О, о! Звери бегут за мной! Не отдавайте меня, сынки!

Матрос. Не бойся, мамаша, мы здесь.

Уарчхан. (Немцу). Гадюка! Куда ты дел моего внука и невестку? За что ты мальчика?.. Ведь он был

ребенок... (При слове «был» Тариэл вздрагивает). За что мучаете мою невестку? О, звери, звери!

Матрос. Как ты смогла убежать? Заура не видела?

Уарчхан. Заура и Фаризу привязали к дереву, внука убили штыком. (Тариэл застывает на месте. В глазах его ужас и беспредельное горе). При мне 15 человек арестовали. Всех били, пытали безжалостно... (Воздевает руки кверху). Татлан! Мой Татлан! Внучек мой маленький! Где же ты? Ты разлюбил меня, бабушку свою? Фариза, милая, что ты смеешься надо мной? А это кто стоит надо мной с топором? (Испуганно дрожит). Сынки мои, сыночки! Не отдавайте меня палачу!

Матрос. Мы здесь, мамаша, мы с тобой. (Уарчхан, слабея, опускается на его руки. Он бережно опускает ее на землю. Уарчхан мертва. Тариэл беззвучно рыдает у нее на груди). Самсон, Цицана! Пора выполнять ваш план. Идите! Тот, кто встает рано утром, у того кобыла родит жеребца. (В это время Тариэл, вскочив, отводит за деревья пленного немца. Выстрел. Через минуту Тариэл возвращается. В руках у него какие-то бумаги).

Тариэл. Смотрите, Джапар предал нас. Вот карта, вот портрет матроса, чтобы фашисты могли легче опознать его. А на обороте надпись (читает). «Господину губернатору барону фон-Клыч. Ваш заказ выполнил. Джапар».

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Картина первая.

Комната фон-Клыча. На стене висит карта района. Телефон. На диване прикорнул Джапар. Вдруг он дергается во сне, вскакивает на ноги и протирает глаза.

Джапар. Уж не сошел ли я с ума, как этот Заур. Наверно, здорово ищут меня партизаны, раз стали мне сниться такие кошмарные сны. (Стоит перед картой, размышляет). Если барон уничтожил всех партизан, то мне будет чин. Но вдруг все наоборот? Не дай-то бог! Нет, сын попа Джапар должен быть счастливым. Барон

думает, что знает все мои мысли... Но если он снимет одну мою шкуру, внутри останется чертова, если и эту снимет, останется змеиная — я ж сын попа, Джапар... (Вдруг замечает в зеркало барона, стоявшего в дверях. Не показывая вида, что заметил его, продолжает совсем в другом тоне). Я же благодаря барону вышел в люди. Я готов погибнуть за него. Чтоб сдохли все эти дикари, разбойники! (Повернувшись, видит барона. Принимает смущенный вид). Извините, я болтал тут... но то, что на душе.

Барон. (Зло). Я слышал все... Здорово ты меня любишь, щенок. Почему ты обманул меня и опозорил мое войско? (Замахивается на него).

Джапар. (Стоя по другую сторону стола). Не обманул, мой свет! Все так, как я сказал. Их всего тридцать, вместе с матросом.

(Входит Шмерке).

Шмерке. Господин барон! Эта собака еще не сдохла? Разрешите, я прикончу его!

Барон. Подожди пока. (Джапару). Иди-ка сюда, дурак!

Джапар. (Испуганно). Слушаюсь, ваша милость!

Барон. Так сколько же, говоришь, было партизан?

Джапар. Тридцать, вместе с матросом.

Барон. (К Шмерке). Слышишь? Так что же с вами стряслось?

Шмерке. Ничего особенного, господин барон! Просто я напал на них с двумя сотнями солдат, и все мы дрались как львы, но вернулись только сто, из них больше половины раненых. Партизан не было видно, но обстреливали нас кругом.

Барон. А как же тогда вы вырвались из окружения?

Шмерке. Когда мы пошли на прорыв, никого не было видно.

Джапар. Я же говорю, партизаны их обманули, сделали вид, что их много.

Барон. Ты, как я вижу, ничего не стоишь, Шмерке. Напрасно носишь звание офицера. Этот дурак правду говорит. (Вынимает папиросы, с благосклонным видом протягивает Джапару). Кури!

Джапар. (Обрадованно). Я этого не стою, господин барон!

Барон. Что ж, постарайся быть достойным! У меня никто не должен есть даром. Отправляйся к партизанам за новыми сведениями.

Джапар. (Дрожа) Я? Прекрасно, прекрасно... Но как только я появлюсь — меня повесят, сдерут кожу и посыплют солью.

Барон. Смерть ради родины — это геройство, это слава!

Джапар. Да, конечно... (В сторону). Где у меня родина? Кто мне ее дал?

Шмерке. (Барону). Господин барон, думаю этих арестованных пора уже использовать. Три дня наблюдаю. Вполне подходящие люди.

Барон. Зови их! (Шмерке уходит). Ну, а ты уходи пока. Позову, если нужно будет (Джапар, пятясь, уходит). (Входит Шмерке. С ним Куаджин—Самсон и Рапка — Цицана).

Шмерке. Господин барон, когда узнаете их способности, то обрадуетесь.

Самсон. Меня зовут Куаджин, я неплохо играю на свирели.

Цицана. Меня зовут Рапка, я пою, умею шить.

Куаджин. Умею брить...

Рапка. Умею делать модную стрижку.

Барон. Ну, ну, давайте. (Куаджин играет на свирели, Рапка поет. Барон удивленно смотрит, наслаждается. Звонит телефон). Алло? Слушаю. Как? Партизаны? (Бросает трубку). Шмерке! Срочно сообщить начальнику полиции Н-ской деревни, чтобы прислал отряд. Пусть и сам казачий атаман приедет.

Шмерке. Разрешите испытать вот этого?

Барон. (Куаджину). Ты умеешь ездить верхом?

Куаджин. (Боязливо). Раньше, давно когда-то умел ездить, господин.

Барон. Ну что ж, Шмерке, одень его в нашу форму, дай пропуск и отправь. Я сейчас напишу приказ. (Шмерке уходит, через пять минут приводит переодетого Куаджина). Вот приказ. Вскроешь — повешу!

Куаджин. Куда господин прикажет, туда и полечу и приказ перевыполню. (Уходит).

Барон. «Перевыполню»... Тошнит, когда слышу коммунистический язык: перевыполнение, соревнование,

план, социализм! (Рапка начинает убирать комнату). Ты сама откуда?

Рапка. Я из Ткварчели, мать моя абхазка, отец грузин, воспитали осетины, обучили русские... А сейчас совсем нищая из-за этой войны.

Барон. Из-за войны? Не говори языком коммунистов и евреев. Нищей тебя сделали коммунисты. А сама ты что за человек? Мать одной национальности, отец другой. Сама не знаешь, какой ты нации. Ты человек без отечества. (Рапка молчит. Шмерке вводит Фаризу. Та не узнает Цицану).

Фариза. Куда дели моего ребенка, куда?

Барон. Не беспокойся, на том свете встретитесь.

Фариза. Покажите мне его, покажите! (Плачет).

Барон. (Шмерке). Уведи эту сумасшедшую за дом и отправь ее к сыну.

Рапка. (Бросается к барону. Фариза, вздрогнув, узнает Цицану, но встречает ее предостерегающий взгляд и умолкает). Дорогой мой господин, подожди минутку. Сегодня пятница, если до воскресенья я не сделаю из нее хорошую служанку, можешь меня повесить.

Барон. (Машет Шмерке рукой). Оставь ее! (Рапке). Смотри! Береги свою голову! (Шмерке). Приведи того сумасшедшего. (Шмерке выходит и быстро вводит Заура. Рапка вздрагивает). Чего ты напугалась?

Рапка. Как же не бояться? Вон у него какие страшные глаза.

Барон. (Зауру) Имя, фамилия?

Заур. Фамилия — солнце, имя — луна, брат у меня Сасрыква, сестру зовут — Гунда.

Барон. (Сердито) Кем ты был до войны, болван?

Заур. Ездил по отвесным скалам на золотой арбе.

(Поет): Гей, гей, золотая арба!
У себя в горах я был счастлив всегда:
Звали луной, а любил я солнце,
Пел с горными индюками...

Барон. Увести! (В это время во дворе шум. Рапка с беспокойством прислушивается к голосу матроса. Барон выходит встречать гостей. Входит Самсон—Куаджин. Он смеется).

Цицана. Что ты смеешься? Что веселого нашел ты во дворе барона?

Самсон. Ты бы слышала... Сама бы померла со смеху. Матрос представился барону казачьим атаманом Казылбеком. А Тариэл — бывший абхазский князь Таташ.

Цицана. Тише... (Подметает пол. Входит Шмерке).

Шмерке. (Громко). У меня в гостях абхазский князь и казачий атаман. Поговорим теперь с этими дикарями. Этого матроса я за ногу повешу. Уже и виселицу подготовил. (Уходит, за ним идет Цицана. Входит переодетый матрос).

Матрос. (Самсону) Немцы сейчас отдыхают. Ничего, скоро они навсегда заснут. Я тебе дам знак, когда нужно звать Фаризу и Заура. Понял? (Самсон кивает и уходит).

Барон. (Со двора). Идите сюда, пообедаем. (Входит). Теперь спокойно поедим, выпьем, споем. Кого нам бояться, кого стесняться. (Рассаживает вошедших матроса, Тариэла, Самсона и Шмерке. Разливает водку). Чтобы ни случилось, до зимы мы должны покончить с Кавказом.

Тариэл. (Поднимает стакан). За нашу удачу, за наши успехи! (Выпивает).

Матрос. Смерть тому, кто становится поперек нашему делу. (Выпивает).

Барон. Дай бог, дай бог! Эти дикари не дают покоя, обступают со всех концов. Из-за них каждую ночь теряем по нескольку солдат.

Шмерке. Поставишь часового, а через час он исчезает...

Барон. В воскресенье мы устроим поучительное зрелище. Тут в этот день много народу собирается, продают, покупают. Вот я и хочу повесить человек пять.

Тариэл. (Сдерживая гнев). И люди, увидев это, думаете, уж никогда не пойдут на такое дело?

Барон. Я надеюсь! Кто же не дорожит своей жизнью?

Шмерке. (Пьянея). Я комендант... Но что мне в этом радости? В течение трех дней убили троих комендантов. Как говорила одна гадалка, после убийства троих четвертый будет жить век. Но трудно поверить... (Входит Самсон).

Самсон. Те двое — мужчина и женщина, просят войти, обещают все сказать.

Барон. Ладно, успеют. Давайте веселиться! Куаджин! Сыграй-ка на своем тра-ля-ля! (Самсон играет и поет, Цицана танцует). Как легко становится на душе! Но жаль — на горных перевалах Абхазии наши потерпели поражение. Конец еще не скоро...

Матрос. А что, их разве мало было?

Барон. Сказать по секрету? Дней через десять сюда прибудет итальянская дивизия. И еще одну обещает Франко.

Матрос. Как это? Ведь Франко не воюет?

Барон... В дипломатии он мирный, а так, слава богу, помогает нам.

Шмерке. (Входя). Получил новую газету! Ваша статья о разгроме партизанщины.

Барон. (Скромно). Ну, еще не полный разгром. Но я дал себе слово повесить их командира в течение ближайшей недели.

Матрос. Вот как! (Делает незаметный знак. Самсону. Вбегают партизаны. Тариэл с первого же выстрела убивает Шмерке. Матрос связывает барона).

Матрос. Завтра воскресенье, барон! Вы ведь ждали этого дня?

Тариэл. Курица рылась, рылась и смерть свою вырыла!

Матрос. А где этот мерзавец? (Вводят Джапара).

Барон. Вот кто делал виселицу!

Джапар. (Дрожит). — Это ты мне приказал...

Барон. Придумал это Шмерке...

Матрос. Молчите, гады! Теперь наша очередь говорить!

Занавес.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Рассказы

	Стр.
Киазим Агумаа	3
Чичико (перевод К. Маховой)	7
Песня скалы (перевод А. Татарова)	39
Рассказ о Селымбе (перевод К. Маховой)	53
Темраз и Цицана (перевод Ю. Юзовского)	59
Непролитые слезы (перевод К. Маховой)	73
Свет через решетку (перевод К. Маховой)	77
Будни колхоза (перевод К. Маховой)	100
Смерть героя (перевод К. Маховой)	109
Братья (перевод К. Маховой)	115

Пьеса

Большая земля (перевод К. Маховой)	123

Қьаазым Агумаа

АДГЬЫЛ ГУАҚЬАҚУА

(урыс бызшәала)

ქიაზიმ აგუმაა

ᲡᲐᲛᲨᲝᲑᲚᲝ ᲛᲘᲬᲐ

(რუსულ ენაზე)

Редактор **Искандер Ф. А.**

Техредактор **Хахмигери М. Д.**

Обложка художника Дроздова О. С.

Корректоры: Шарашкина З. А., Джикия Т. А.

Сдано в набор 14.VII.1962 г. Подписано к печ. 31.VIII.1962 г. Бумага 84×108¹/₃₂. Печатных листов 9,38. Уч-издат. листов 7,56 Заказ № 2993. Тираж 1000. Цена 34 к.

Типография им. Ленина Грузглавиздата, г. Сухуми.

Цена 34 к.